

ПОКА СУЩЕСТВУЕТ МИР

КУШАВИН АНТОН

18+

18+

Антон Кушавин

Пока существует мир

<https://litres.ru/74654753>

SelfPub; 2026

Аннотация

Для Алексея приглашение испытать новую виртуальную реальность — исполнение мечты. Здесь пахнет лесом, магия подчиняется собственным законам, а жители настолько убедительны, что о слове «НПС» легко забыть. Нужно только наслаждаться приключением и дожидаться возвращения.

Но тридцать дней проходят. Выхода нет.

У Алексея остаётся секретная команда разработчика: «toggle god mode». Она избавляет от боли и усталости, делает его неуязвимым и позволяет нарушать законы мира. Только вернуть домой не может.

Впереди — чужие земли, поиски тех, кто помнит переход между мирами, и сила, с которой слишком легко привыкнуть решать любые проблемы.

Содержание

Глава 1. Приглашение	4
Глава 2. Тридцать дней	31
Глава 3. Дорога к деревне	64
Глава 4. Дом у леса	92
Глава 5. Камень для города	130
Глава 6. Тридцать первый день	162
Глава 7. Пока меня не заберут	193
Конец ознакомительного фрагмента.	220

Антон Кушавин

Пока существует мир

Глава 1. Приглашение

— Он меня не узнаёт, — пожаловался мужчина и положил ладонь на белый шлем, будто собирался предъявить его ещё и в качестве свидетеля.

Шлем лежал на сервисной стойке тёмной полосой сенсоров ко мне. Рядом стояла раскрытая коробка: зарядный блок в своём углублении, кабель аккуратно свёрнут, салфетка сложена вчетверо. Покупатель явно готовился к серьёзному разговору. Я мельком глянул на часы над дверью служебного помещения. До конца смены оставалось восемнадцать минут.

— Сразу не узнавал или сначала всё работало? — уточнил я, придвигая к себе терминал.

— Вчера работало. Сегодня перестало. Жене отдал — у неё всё прекрасно. Себе надеваю — посторонний пользователь. — Мужчина недовольно постучал пальцем по корпусу. — При том что пользователь я. Я за него деньги заплатил.

Денис, стоявший по другую сторону стойки, посмотрел на меня с облегчением. На открытой у него карточке уже были проверены серийный номер и гарантия; судя по выражению

лица, всё остальное он тоже проверил, но объяснить результат не сумел.

— Давайте посмотрим. Разрешите подключить к диагностике?

— Смотрите, — покупатель подтолкнул шлем ко мне. — Только опять регистрироваться не надо. У меня там всё настроено.

Я вставил кабель и дождался, пока терминал определит устройство. За стеклянной перегородкой сервисной зоны ещё вовсю шла пятничная торговля: люди задерживались у демонстрационных столов, прикладывали к ушам наушники, подзывали продавцов. Над отделом домашних систем беззвучно улыбалась женщина, которой холодильник предлагал три ужина из имеющихся продуктов. Мой, если бы умел разговаривать, предложил бы сходить в магазин.

Диагностика закончилась раньше, чем покупатель успел ещё раз объяснить, что вчера всё работало. Ошибок не нашлось. Я открыл список пользователей и повернул экран так, чтобы мужчина мог его видеть.

— Вы вчера новый профиль добавляли?

— Жене, — терпеливо, как непонятливому, напомнил он. — Я же говорю.

— А основной удаляли?

Покупатель нахмурился, наклонился к экрану и уже не так уверенно ответил:

— Он предложил освободить место.

— Вот, — я указал на единственную строку в списке.

— Что вот?

В списке осталась Светлана. Мужчина несколько секунд смотрел на имя жены; я не мешал ему разбираться в семейном положении своего шлема.

— То есть я сам себя удалил? — наконец спросил он.

— Похоже на то.

— А почему он позволил?

Денис отвернулся к полкам с расходниками. Я удержал серьёзное выражение лица, хотя по плечам коллеги уже было видно, что ему это даётся хуже.

— Потому что вы основной пользователь. У вас было разрешение.

Мужчина снял очки, потёр переносицу и вздохнул:

— Прекрасно. Купил себе шлем, подарил жене.

— Давайте сначала поищем облачную копию, — предложил я. — Вы сохранение включали?

Он пожал плечами и снова надел очки. Копия нашлась через три минуты; ещё через пять профиль был восстановлен. Пока загружались последние настройки, я показал, как переключаться между пользователями, а затем проводил мужчину к креслу за ширмой, чтобы он проверил результат.

Покупатель надел шлем и замолчал. Напряжённые складки возле рта разгладились, губы тронула рассеянная улыбка: он уже рассматривал что-то, чего мы с Денисом не видели.

— Да. Есть. Всё на месте.

Устройство он снял гораздо бережнее, чем положил на стойку, и сам убрал кабель в коробку. Я дождался, пока он закроет крышку.

— Спасибо. А то я уж подумал... — Мужчина махнул рукой и, прежде чем уйти, понизил голос: — Вы это жене только не рассказывайте.

— У нас строгая политика конфиденциальности, — заверил я.

Денис выдержал ещё несколько секунд, пока покупатель удалялся между рядами, после чего опустился на край тумбы.

— Я ему тоже про профиль говорил.

— Верю, — я отключил кабель и вернул терминал в режим ожидания.

— Он сказал, что я пытаюсь свалить неисправность на пользователя.

— А ты пытался?

Денис проводил взглядом коробку, скрывшуюся за демонстрационным стендом, и скривился:

— Теперь уже хочу.

Я усмехнулся и кивнул в сторону торгового зала:

— Ты лучше закрытие проверь. У вас три демонстрационных наушника не на зарядке.

— Два, — возразил он без особой уверенности.

Я посмотрел на него. Денис вздохнул, слез с тумбы и поправил бейдж:

— Ладно, три.

Оставшиеся минуты прошли быстро. Я подписал передачу смены, нашёл на складе коробку, которая по системе числилась в торговом зале, и объяснил новому продавцу, что товар не исчезает из учёта, если переставить его на соседнюю полку. Когда планшет наконец приняла вечерняя смена, я снял бейдж и отправился переодеваться.

Денис заглянул в служебную комнату, пока я застёгивал куртку.

— Завтра не жди, — предупредил я. — У меня выходной.

— Да я и не собирался, — ответил он с таким невинным видом, что пришлось напомнить:

— Ты то же самое говорил в прошлую субботу.

— В прошлую субботу был особый случай.

Он придержал мне дверь, явно считая вопрос закрытым. Особым случаем тогда оказался покупатель, пожелавший установить домашний маршрутизатор в автомобиле. Денис почему-то решил, что в выходной я становлюсь специалистом и по автомобилям.

Я убрал бейдж в шкафчик и достал телефон. Мама прислала фотографию нового кухонного смесителя с подписью: «Папа говорит, сам поменяет». Я написал: «Спрячь разводной ключ». Ответ пришёл, пока я шёл к выходу: «Поздно».

Пришлось позвонить. Трубку взял отец и сразу сообщил: — Не слушай её. Всё нормально.

На заднем плане что-то металлически стукнуло. Я остано-

вился у стеклянных дверей, пропуская женщину с коляской.

— Я ещё ничего не спросил.

— А я предупреждаю, — ответил отец. Судя по звуку, телефон он держал где-то у плеча, продолжая возиться под мойкой.

— Воду перекрыл?

Он помолчал, и я уже приготовился услышать что-нибудь неприятное.

— Лёша, я не первый день живу.

— То есть перекрыл, — уточнил я, пряча улыбку.

— Конечно перекрыл! Подожди, тут мать...

Телефон перешёл к маме. Она подробно объяснила, что старый смеситель снят, новый ещё не установлен, ужин откладывается, но в остальном всё действительно нормально. На словах про ужин отец что-то возразил издали. Мама ото-звалась ему и снова обратилась ко мне, словно мы разговаривали за одним столом, а не через весь город.

Я предложил приехать в воскресенье, если понадобится помощь.

— Не надо из-за крана ехать, — сказала она. — Лучше просто так приезжай.

— Приеду. Я свободен.

— Только заранее скажи. И поешь сегодня нормально.

— У меня продукты есть.

— Продукты и еда — разные вещи, — заметила мама с убеждённой уверенностью человека, который видел мой холодильник.

Я пообещал уехать, попрощался и вышел на улицу. После тёплого торгового центра воздух показался особенно свежим: мокрый асфальт, кофе из киоска, дымок от лотка с жареным мясом. У входа двое курьеров сравнивали время ожидания заказов. Один с досадой показывал другому экран телефона; сочувствия, кажется, не получал.

Над парковкой поворачивалось серебристое кольцо новых нейронаушников. Рекламное лицо за ним обещало максимальную глубину присутствия, и я, остановившись у перехода, по привычке прочитал характеристики мелким шрифтом. У предыдущей модели глубина тоже была максимальной. Я хорошо это помнил: полгода назад купил её в распродажу.

Транспорт подошёл через четыре минуты. Мне досталось место у окна; я устроил рюкзак на коленях и открыл чат нашей игровой компании. К пятнице все ожили. Кто-то собирал группу, кто-то обещал подключиться после ужина, а кто-то предлагал отложить вылазку, потому что нормальные люди в пятницу вообще-то гуляют. Последний писал из игры — зелёный значок возле имени выдавал его с головой.

Я спросил про старые выработки. Почти сразу ответили: «Если Марк придёт — пойдём».

Марк был не в сети. В последнее время он появлялся редко: заглядывал на полчаса среди недели, расспрашивал о наших успехах и снова пропадал на несколько дней. К его работе мы привыкли, но меня всё ещё удивляло, как чело-

век, профессионально занимающийся виртуальными мирами, почти не находит времени по ним побродить.

Я отправил ему отдельное «Сегодня будешь?» и убрал телефон. Сообщение осталось непрочитанным.

За окном проплывали остановки, витрины, освещённые окна первых этажей. В одной кухне человек стоял у плиты, в другой ребёнок прижимал к стеклу что-то ярко-зелёное. Я прислонился затылком к сиденью и попробовал вспомнить схему нижних тоннелей.

В выработках мы застряли на втором спуске. Проход в галерею охраняло существо, которое разработчики называли слепым камнеглотом. Слепота ему совершенно не мешала: он дважды сожрал нашего разведчика, один раз меня, а потом обрушил половину тоннеля на тех, кто решил дождаться, пока он закончит жевать. Марк после этого минут пять смеялся. И, что гораздо хуже, сохранил запись.

Сегодня я рассчитывал спуститься ещё раз. Если разведчик перестанет бросать металлические предметы в существо, ориентирующееся на звук, у нас будут неплохие шансы.

У дома я зашёл за хлебом, яйцами и чем-нибудь к ужину. Взял курицу, овощи, потом вернулся к холодильнику за банкой пива. Пока дошёл до кассы, в корзине появились сыр, соус и упаковка лепёшек. Покупать продукты на голодный желудок мне нравилось; на итоговую сумму я предпочитал долго не смотреть.

Квартиру я снимал третий год — однокомнатную, на де-

вятом этаже, с тесной кухней и балконом, куда выходил преимущественно за сушилкой. Хозяйка появлялась редко, сверлить стены под оборудование разрешала и однажды даже попросила подобрать шлем её внуку. После этого я особенно старательно переводил плату вовремя: с понимающими людьми хотелось сохранять хорошие отношения.

В прихожей пахло квартирой, простоявшей весь день с закрытыми окнами. Я разулся, отнёс пакеты на кухню и открыл форточку. Пока с улицы тянуло прохладой, прошёл в комнату проверить кресло.

Оно занимало угол у окна. По документам называлось станцией домашнего нейропогружения, хотя выглядело как очень удобное кресло, к которому приделали слишком много проводов. Над спинкой висело крепление для шлема, под правым подлокотником находился аварийный блок, под левым — панель ручного управления. Станцию я купил подержанной и с тех пор понемногу приводил в порядок: сначала заменил блок сопряжения, потом привод спинки. За привод взялся после того, как однажды вышел из игры почти головой вниз.

Сейчас всё работало. Я провёл ладонью по потёртому подлокотнику и включил панель. Пока загружалась система, посмотрел на полку: там стоял мой первый шлем, тяжёлый, с продавленной накладкой и давно умершим аккумулятором. Продать его уже не получалось, выбросить было жалко.

В нём я впервые прошёлся по настоящему, как мне то-

гда казалось, лесу. Под ногами хрустели ветки, над головой шумели листья; можно было остановиться у ручья и наклониться к воде. Потом выяснилось, что лес одинаково пахнет в дождь и в жару, сквозь ветки проходит рука, если двигать достаточно быстро, а олени появляются за одним и тем же поваленным деревом. Но в тот первый вечер я просидел там до закрытия сервера.

До домашнего шлема были клубные капсулы — огромные, дорогие, с длинными правилами, которые давали подписать перед сеансом. Я копил, бронировал час на выходных, а потом ещё полдня вспоминал чужой город и шаги за собственной спиной. Марк ворчал, что задержка в клубах безобразная. Мне тогда казалось, что он просто зажрался: я готов был терпеть задержку ради возможности самому пройти по улице, которую раньше мог видеть только на экране.

С каждым годом терпеть приходилось меньше. Движения стали точнее, потом научились правдоподобно передавать температуру и вес. С запахами до сих пор получалось не у всех. Одна компания особенно гордилась морским воздухом, который напоминал мне огуречный рассол; после моих отзывов Марк ещё долго предлагал брать на пляж картошку.

На панели появился список обновлений. До завершения оставалось двенадцать минут — можно было спокойно поесть. Я собрался вернуться на кухню, раздумывая, не принять ли сначала душ, когда зазвонил телефон.

На экране высветилось имя Марка.

— Ну что, — спросил я вместо приветствия, — сегодня спускаемся или ты опять будешь трудиться на благо человечества?

— Сегодня без меня, — отозвался он.

По голосу было слышно, что шансов уговорить почти нет. Обычно Марк говорил что-нибудь про пять минут и ещё один документ, а потом действительно появлялся, пусть и через час. Сейчас каждое слово давалось ему с ленцой, словно он уже присмотрел место, куда можно упасть, и берег силы до последнего шага.

— Совсем? — всё-таки уточнил я.

— Совсем. Только домой зашёл.

В трубке щёлкнул замок, что-то тяжело шлёпнулось, и Марк тихо выругался. Я замер посреди комнаты, прислушиваясь.

— Живой?

— Пакет порвался, — пояснил он после небольшой паузы.

— Что нёс?

— Ужин.

— Теперь у тебя ужин на полу.

— Спасибо, я заметил, — сухо ответил Марк. На заднем плане зашуршало: он, видимо, собирал покупки.

Я дошёл до кухни, поставил телефон на громкую связь и прислонил его к банке с крупой. Раз уж разговор обещал затянуться, можно было заняться продуктами.

— Мы хотели в выработки. Там вроде проход нашли.

— Тот самый? — спросил Марк уже с интересом.

— Других выработок, в которых меня съели на твоих глазах, пока нет.

— А жаль.

Я покачал головой, доставая из пакета хлеб:

— Очень смешно.

— Ты сам просил реалистичную игру, — напомнил он; я почти видел довольную усмешку.

— Я просил реалистичную. Не обязательно было так подробно меня переваривать.

Марк рассмеялся, и усталость ненадолго исчезла из голоса. Так он смеялся ещё при нашем знакомстве — без особых попыток сохранить сочувствие к чужой игровой смерти.

Мы встретились, когда мне было шестнадцать. Меня тогда выгнали из группы перед самым походом: я не успел купить нужный комплект снаряжения. Марк написал в личку, спросил, действительно ли я знаю дорогу через старую крепость, и предложил сходить вдвоём. Дорогу я знал, хотя, как выяснилось, не до конца. Мы потеряли почти три часа, один редкий предмет и его ездового зверя.

После похода я ждал, что он удалит меня из друзей. Вместо этого Марк спросил, куда поведу его в следующий раз.

Первые месяцы я толком не понимал, чем он занимается. Знал, что работает, часто пропадает на совещаниях и может посреди разговора сказать: «Подожди, мне звонят», — после чего вернуться через сорок минут. Однажды услышал, как

его назвали по имени-отчеству, и удивился. В нашей компании отчества обычно использовали, когда кто-нибудь особенно отличился.

Потом узнал про компанию, доставшийся от родителей капитал и собственные проекты. На новостных страницах всё это выглядело внушительно. Сопоставить человека с фотографии и того, кто полчаса спорил со мной о лучшем мече против нежити, получилось не сразу.

При первой встрече Марк оказался выше и старше, чем я представлял. Я зачем-то посмотрел на него снизу вверх и выдал:

— Ты, оказывается, настоящий взрослый.

Он оглядел меня, задержался взглядом на рюкзаке и ответил:

— А ты, оказывается, действительно школьник. Я до последнего надеялся, что просто вредный.

После этого разговаривать стало гораздо проще. Ни его возраст, ни деньги надолго между нами не вставали. Особенно когда требовалось решить, кто полезет первым проверять подозрительно пустую комнату.

В трубке затихло. Я убрал овощи из пакета, прислушался и окликнул:

— Ты там уснул?

— Нет. Нашёл уцелевшую часть ужина.

— Много осталось?

— Для человека, который собирается сразу лечь спать, до-

статочно, — ответил Марк. Что-то звякнуло; я представил, как он наконец добрался до кухни.

Я открыл холодильник и переставил упаковку молока, освобождая место.

— У тебя опять запуск?

— Почти.

— Это тот проект, из-за которого тебя месяц не видно?

Марк негромко выдохнул:

— Из-за которого меня существенно дольше не видно.

Я закрыл холодильник и повернулся к телефону. В его словах слышалась усталость, но за ней было ещё что-то: сдержанное удовлетворение, которое я узнавал по удачно завершённым походам.

— Значит, большой.

— Очень.

Он ответил без усмешки, и я перестал перебирать продукты.

— Закончили?

— Сегодня прогнали последнюю серию. Всё, что планировали, работает. По крайней мере, мы больше не нашли причин, почему оно работать не должно.

— Звучит надёжно, — заметил я.

— Ты хотел честный ответ или рекламный?

Я глянул на окно, в котором отражалась тесная кухня, и улыбнулся:

— Рекламный у нас на работе каждые двадцать минут иг-

рает.

— Тогда честный. Мы устали. Я устал. Мне сейчас даже думать об этом не хочется.

Последние слова он произнёс тише. Я взял со стола смятый пакет и начал складывать его, чтобы не держать человека у телефона без необходимости.

— Так иди спать. Завтра расскажешь.

— Вот я поэтому и звоню, — оживился Марк. — Ты завтра свободен?

Я машинально посмотрел на календарь у холодильника. На нём до сих пор был прошлый месяц, но в собственном выходном я не сомневался.

— Да. А что?

— Приезжай ко мне.

— Домой?

— В центр. Часам к одиннадцати.

Я перестал складывать пакет.

— Ты только что сказал, что закончил работу.

— А я тебя работать не зову.

Он явно получал удовольствие от моей растерянности. Я отодвинул продукты, упёрся ладонью в столешницу и заговорил с подозрением:

— Марк, ты сейчас предложишь мне первым купить что-нибудь очень дорогое?

— Нет, — ответил он, и в голосе уже слышался смешок.

— Потому что я ещё кресло не выплатил.

— Ты кресло год назад выплатил.

Я посмотрел в сторону комнаты, где тихо работала станция, и признал:

— Значит, пора начинать что-то новое.

— Лёша, приезжай. Я тебе завтра всё расскажу. И покажу.

— А сейчас в двух словах? — попросил я. Любопытство уже пересилило желание оставить его в покое.

В трубке зашуршало, потом Марк с облегчением выдохнул — кажется, наконец сел.

— Помнишь, мы говорили, что ты хотел бы от нормального погружения?

— Я много чего говорил.

— Особенно после того раскола, — подсказал он.

— Морского воздуха, — поправил я.

— Да. После морского воздуха. Помнишь?

Я снова посмотрел на кресло, видневшееся через дверной проём. У панели горел индикатор обновления.

— Чтобы всё работало без этих... — Я покрутил пальцами в воздухе, хотя Марк не мог видеть жеста, и попробовал выразиться точнее: — Чтобы не приходилось самому додумывать.

— Вот, — с явным удовольствием сказал он.

Я выпрямился, будто это помогало лучше его расслышать.

— Что «вот»?

— Завтра увидишь.

— Хоть жанр скажи.

— Фэнтези.

Сдержать улыбку уже не получилось.

— Уже хорошо. Одиночная?

— Завтра, — терпеливо повторил Марк.

— Ты невыносим.

— Мне об этом регулярно сообщают.

Он говорил всё бодрее, но я всё ещё помнил, что у него на полу лежит часть ужина и что он собирался спать. Можно было закончить разговор. Я даже набрал воздуха, чтобы попрощаться, однако вместо этого спросил:

— А драконы?

— Лёша, — протянул Марк с укоризной.

— Всё, молчу.

Я выдержал секунду и не удержался:

— Большие?

На этот раз он смеялся дольше. Я тоже засмеялся, отодвинул телефон от края стола и наконец занялся продуктами.

— Приезжай к одиннадцати, — повторил Марк, успокоившись. — Нормально позавтракай. И вечером не сиди до четырёх утра.

— Ты меня к врачу записал? — Я открыл холодильник, но слушать не перестал.

— Нет. Но выспаться тебе не повредит.

— Мне вообще много чего не повредит.

— Начни со сна, — посоветовал он.

Я согласился. В субботу у меня не было ни смены, ни дру-

гих обязательств; перспектива увидеть то, о чём Марк говорил с такой осторожной гордостью, сама по себе стоила раннего подъёма.

— Что с собой брать?

— Документ. Себя. Хорошее настроение, если найдёшь.

— Последнее у вас на входе проверяют? — спросил я, закрывая холодильник.

— У тебя — обязательно.

— Ладно. К одиннадцати.

— Я пришлю пропуск.

Он помолчал, и я уже протянул руку к телефону, когда Марк добавил:

— Думаю, тебе правда понравится.

В этой фразе было столько уверенности, что мне захотелось расспросить его заново. Я ограничился обещанием:

— Теперь попробуй сделай так, чтобы не понравилось.

— Ты сначала приедь. До завтра.

Связь оборвалась. Я ещё несколько секунд смотрел на экран, потом открыл чат и написал, что Марка сегодня не будет, а я, наверное, подключусь позже. Разведчик немедленно сообщил: «Я уже нашёл, как обойти камнеглота». Я напомнил, что в прошлый раз он тоже нашёл, и убрал телефон, пока меня не втянули в обсуждение маршрута.

Кресло подало негромкий сигнал: обновление завершилось. Можно было быстро перекусить, принять душ и провести в игре часа три. Встреча завтра в одиннадцать, выехать

около десяти; даже если лечь в два, времени на сон вполне хватит.

Я прошёл в комнату и задержался у панели. В списке друзей уже было семь человек. Кто-то подключался, кто-то выходил, рядом с названием игры появилось приглашение. Я открыл состав группы и, потянувшись к подлокотнику, нащупал лежавшую на нём толстовку.

На рукаве темнело пятно. Я вспомнил, что собирался постирать её ещё вчера, поднял — и увидел на полу носок. Его пару утром заметил у ванной, но тогда опаздывал на работу и решил разобраться вечером.

Вечер наступил. Я вывернул карманы толстовки, выбросил смятый чек и отнёс её к стиральной машине. Потом вернулся за носком, за вторым и обнаружил, что крышка корзины для белья уже держится под углом. Наверху лежала последняя футболка, которую можно было считать условно чистой.

Я постоял над корзиной, прикидывая, сколько времени займёт стирка, а затем вернулся в комнату.

— Сначала хозяйство, — сообщил я креслу.

На панели всё ещё висело приглашение. Я отклонил его, написал, что сегодня всё-таки пропущу, и выключил станцию. Из кухни тянуло прохладой; банка пива на столе ещё не успела нагреться. Впереди был свободный вечер, и распоряжаться им можно было без похода в выработки.

Курицу я нарезал слишком крупно и понял это, когда ово-

щи уже начали подрумяниваться, а мясо внутри выглядело подозрительно. Пришлось убавить нагрев и накрыть сковороду крышкой. Соус, выбранный на голодный желудок, оказался таким острым, что после первой пробы я несколько секунд дышал ртом и шарил по столу в поисках воды.

Тут стиральная машина сообщила о нарушении баланса. Я оглянулся на неё из кухни и подождал, надеясь, что справится сама. Машина остановилась, помедлила и снова попробовала отжим. Услышав знакомое глухое постукивание, я вздохнул и пошёл вынимать мокрую толстовку.

Рукава сбились в тяжёлый ком. Пока я расправлял их и укладывал бельё заново, на кухне зашипело: жидкость убежала из-под крышки сковороды. Я поспешил обратно, отодвинул посуду, вытер панель и только после этого позволил себе открыть пиво.

По квартире разошёлся запах жареной курицы, смешанный со стиральным средством. С улицы доносился ровный гул машин; сверху соседи передвигали что-то тяжёлое, короткими рывками, с большими паузами. В промежутках можно было расслышать их голоса. Судя по интонациям, очередное направление движения устраивало не всех.

Телефон подал сигнал. Марк прислал адрес, пропуск и короткое «Не опаздывай». Я открыл карту, проверил маршрут, потом увеличил сам пропуск.

В научном центре я бывал дважды. Оба раза меня проводили в переговорную, давали кофе и оставляли ждать. За

стеклянной стеной ходили люди с планшетами, негромко разговаривали, время от времени скрывались за дверями, куда без сопровождающего не пускали. Больше всего я тогда удивился кофемашине: у организации, занимавшей несколько зданий, она требовала помощи чаще, чем варила кофе.

В новом пропуске значился другой корпус. Доступ — с десяти тридцати до девятнадцати. Ниже стояли моя фамилия и код; сколько ни рассматривал, больше ничего интересного не находилось.

«Хоть обувь сменную брать?» — написал я.

Ответ появился не сразу: «Если собираешься устраиваться к нам в детский сад».

Значит, Марк ещё не спал. Я улыбнулся и оставил его в покое — в конце концов, до завтра оставалось не так уж долго.

В телевизоре уже началось обсуждение матча. Трое мужчин за столом объясняли четвёртому, почему сегодня всё решит середина поля. Тот энергично возражал, перебирая разложенные перед ним листы. Ведущий переводил взгляд с одного на другого и выглядел совершенно довольным разногласием.

Я перенёс тарелку в комнату, поставил пиво на столик и устроился на диване. После целого дня на ногах вытянуть их оказалось отдельным удовольствием. До начала игры успел съесть половину ужина; курица всё-таки приготовилась, а соус в сочетании с лепёшкой оказался вполне терпимым.

Первые десять минут я честно следил за мячом. Потом поймал себя на том, что давно смотрю в одну точку, пытаюсь представить, что Марк собирается показать.

Новое устройство? Но он сказал «жанр», значит, одним железом дело не ограничится. Собственная игра, большой мир — это было интереснее любых улучшений кресла.

У компании уже были среды для обучения, корпоративные симуляторы, что-то связанное с реабилитацией. Марк рассказывал об этом урывками, когда удавалось встретиться без спешки. Об играх говорил чаще, но о том, что они готовят свою большую, почти не упоминал. Во всяком случае, я такого не помнил. Оставалось надеяться, что он не объяснял всё в подробностях, пока я пытался не дать себя съесть.

Споры о полном погружении у нас случались регулярно. Я мог начать их с жалобы на дверь, которая не открывается без активного задания, а закончить рассуждениями о целой деревне. Марк слушал, задавал вопросы, иногда доказывал, что претензия к разработчикам несправедлива. Ему были понятны сложности, о которых я не задумывался.

Мне хотелось вещей попроще: чтобы на мокрой лестнице можно было поскользнуться, чтобы трактирщик узнавал меня после пятого визита, чтобы тяжёлый рюкзак заставлял подумать, нужен ли третий запасной топор. Когда Марк спросил, почему из всех возможностей я выбираю именно тяжёлый рюкзак, я объяснил, что тащить его необязательно мне. Можно кому-нибудь другому.

Правдоподобие мне нравилось, пока оставалось время им наслаждаться. В хорошей игре я сворачивал с дороги в лес, замечал старую башню и мог провести в ней вечер, забыв, куда вообще шёл. Хотелось самому решить, полезу ли внутрь. Особенно раздражало, если игра заранее отказывала из-за недостаточного уровня или заставляла сначала поговорить с человеком, стоящим в пяти шагах.

Уже не раз бывало: доберёшься до красивой деревни, осмотришь площадь, а потом выяснится, что все её жители заняты тремя повторяющимися делами. Торговец навечно приклеен к прилавку, двое у колодца ведут один разговор, ребёнок третий месяц ищет собаку. Поначалу отвлекают дома, вывески, свет в окнах. Потом начинаешь замечать повторы и всё чаще проходишь мимо, не слушая.

Я всё равно играл. В двадцать лет у меня не было ни денег, ни знаний, чтобы сделать лучше. Зато был друг, которому можно подробно объяснить, что именно хотелось бы изменить. Марк порой останавливал мой рассказ, просил повторить и делал заметки. Интересно, сколько из них завтра мне припомнят.

Резкий голос комментатора вернул меня к матчу. Наш нападающий вышел один на один с вратарём; я успел податься вперёд как раз перед тем, как мяч прошёл рядом со штангой. По стадиону прокатился разочарованный гул.

— Да уж, — согласился я и снова взялся за вилку.

Ужин постепенно закончился, пиво тоже. Я отнёс тарелку

на кухню, ополоснул её и заметил, что ноги больше не ноют. Из комнаты доносился голос комментатора, машина наконец ровно отжимала бельё. Обычная пятница складывалась вполне удачно.

На телефон пришла фотография установленного смесителя. Под ним лежало полотенце; мама подписала снимок одним словом: «Работает». Я увеличил изображение и спросил, зачем полотенце.

«Папа говорит, остатки воды».

Я написал, что отлично получилось. Следом пришло уже от отца: «Сам бы ты там полдня возился». Возражать не стал — скорее всего, он был прав.

В перерыве я развесил бельё и отнёс сушилку на балкон. Постоял там, поёжился на сквозняке и решил, что до утра ничего не высохнет. Пришлось тащить всё обратно. Теперь до кухни можно было дойти только боком, между рукавами и штанинами. Для простыни места не хватило, так что я достал из-за шкафа вторую сушилку, о существовании которой старательно забывал с прошлой большой стирки.

К началу второго тайма в комнате стало теснее. Зато возле ванной впервые за неделю освободился пол.

Я вернулся на диван, взял телефон и открыл страницу компании Марка. Среди последних новостей оказались обновление исследовательского комплекса, партнёрская программа и назначение человека, о котором я никогда не слышал. На общей фотографии Марк стоял сбоку, в рубашке

без галстука. Все смотрели в объектив; он — чуть в сторону, словно ждал, когда наконец можно будет вернуться к работе.

О новом мире не было ни слова. Я поискал по тематическим каналам, но нашёл только очередную утечку характеристик шлема, спор о допустимом времени непрерывного сеанса и жалобы на задержки, которые опять обещали убрать в следующем крупном обновлении. Один автор уверенно доказывал, что полное погружение уже достигло предела и улучшать дальше нечего.

Я начал пересылать сообщение Марку, потом отменил. Человек собирался отдохнуть, а спорить с незнакомцами в сети можно было и завтра.

За окном окончательно стемнело. В доме напротив загорались окна; с балкона двумя этажами ниже доносился чей-то разговор. На кухне щёлкнул холодильник, наверху наконец перестали двигать мебель. Я отложил телефон и устроился удобнее: до конца матча оставалось совсем немного, а наши вдруг вспомнили, что должны попадать в ворота.

Последние минуты получились хорошими. Угловой, спор у штрафной, удар, который вратарь каким-то образом вытащил из-под перекладины. Когда мяч после повторной подачи отскочил к защитнику, я даже поднялся с дивана. Тот пробил выше и тут же схватился за голову.

Финальный свисток застал меня стоящим перед экраном. Я выдохнул, посмотрел на пустую банку и попытался найти в вечере бесспорное достижение.

— Ну, зато бельё постирал.

Телевизор ещё работал, пока я убирал со столика и проверял, не оставил ли еду на кухне. Потом комментаторы перешли к долгому обсуждению промахов, которые я уже видел, и я выключил звук.

Перед сном ещё раз открыл маршрут. Поставил будильник на восемь сорок, подумал и добавил второй на восемь пятьдесят. Воскресенье оставалось свободным: можно съездить к родителям, а вечером всё-таки собрать людей в выработки. Если Марк завтра покажет что-нибудь стоящее, будет о чём рассказать.

Я спросил в общем чате, как сходили. Почти сразу пришло «Не спрашивай», а следом — запись. Наш разведчик стоял у края провала и уверенно объяснял, что нашёл безопасный путь. Я убавил звук, откинулся на спинку дивана и приготовился смотреть.

Запись оказалась короткой. Смеялся я дольше, чем она шла. Хотел написать что-нибудь сочувственное, но не придумал и ограничился вопросом, когда повторяем.

Марк должен был это увидеть. Я переслал ему ролик, чтобы посмотрел утром, и наконец встал. Рядом с креслом положил на зарядку шлем, хотя сегодня тот так и не понадобился; убрал с пола пакет, проверил форточку и повесил на стул чистую футболку.

О пропуске вспомнил уже в кровати. Телефон лежал под рукой; я открыл сообщение и ещё раз посмотрел на незнако-

мый номер корпуса. Хотелось задать Марку последний вопрос — про драконов, например. Но запись он ещё не прочитал, и я решил, что наконец уснул.

Я подключил телефон к зарядке и погасил свет. Сквозь щель между шторами на потолок легла полоса уличного освещения; из коридора донеслись шаги, потом хлопнула соседская дверь. Я устроился поудобнее, мысленно прикинул, что приготовлю на завтрак, и перестал перебирать варианты того, чем меня собираются удивить.

До одиннадцати нужно было только выспаться, позавтракать и не забыть документ.

Глава 2. Тридцать дней

В половине одиннадцатого я уже стоял перед нужным корпусом и пытался понять, почему пришёл на полчаса раньше.

Маршрут оказался удачным, на пересадке не пришлось ждать, а завтрак занял меньше времени, чем я рассчитывал. Самым долгим делом было найти документ: вечером я предусмотрительно переложил его в куртку, утром надел другую и вспомнил об этом только у лифта. Теперь оставалось либо гулять вокруг здания, либо признаться Марку, что мне любопытно.

Я отправил ему короткое «Я на месте» и убрал телефон. Почти сразу за стеклом вестибюля зажёгся зелёный огонёк. Охранник поднял голову, посмотрел на меня и показал на считыватель у двери.

Внутри было прохладно и пахло свежeweымытым полом. Я предъявил документ, получил гостевой браслет и по указанию охранника подошёл к невысокой стойке ожидания. На стене напротив висела схема эвакуации; рядом находился экран с расписанием помещений, названия которых ничего мне не говорили. Я успел выяснить, что в переговорной третьего этажа с девяти утра идёт совещание, когда открылась дверь в глубине холла.

Марк шёл мне навстречу с двумя бумажными стаканами.
— Не опаздывать и приехать раньше — всё-таки разные

вещи, — заметил он, протягивая один.

— Я боялся пропустить инструктаж по сменной обуви.

Марк оглядел мои кроссовки, хмыкнул и приложил пропуск к турникету.

— Обойдёмся без него. Пойдём.

Выглядел он лучше, чем звучал накануне, хотя под глазами оставались тени. Рубашку сменил на тёмную футболку, сверху накинул расстёгнутую кофту; на запястье болтался такой же браслет, как у меня, только другого цвета. Свой стакан держал обеими руками, грея пальцы.

— Поспал? — спросил я, пройдя следом.

— Поспал.

— Ужин спас?

— Частично. За запись спасибо.

Я довольно улыбнулся. Марк покосился на меня и добавил:

— Особенно понравилось, как человек за секунду до падения говорит: «Здесь точно можно пройти».

— Уверенность — половина успеха.

— В его случае половины не хватило.

Мы свернули в коридор с матовыми дверями. Кофе оказался приличным, и я уже хотел поинтересоваться судьбой старой кофемашины, когда впереди открылась небольшая комната с диваном, столом и экраном во всю стену. На столе лежала стопка бумаг, рядом стояла тарелка с печеньем. Марк поставил стакан, взял с подоконника пульт и включил экран.

Я остановился у двери.

Там был лес.

Сначала я решил, что это обычная съёмка: неровные стволы, тёмный мох у корней, косой утренний свет между ветвями. Над кустами висела паутина с мелкими каплями. Внизу по листве пробежала тень; изображение слегка повернулось, и я разглядел зверька, похожего на лису, только с широкими круглыми ушами.

Он остановился у корня, прислушался и исчез в траве. Камера за ним не пошла.

— Это оно? — спросил я.

Марк кивнул, наблюдая за моей реакцией. Я подошёл ближе к экрану. Вода медленно стекала по листу, под его тяжестью пригибалась тонкая ветка. Где-то за кадром стучало дерево, будто на ветру раскачивался сухой ствол.

— Запись?

— Прямое наблюдение.

— А зверь сейчас вернётся?

Марк усмехнулся и указал на диван:

— Сядь. Начнём с того, что ты вчера требовал объяснить в двух словах.

Я устроился на краю, поставил кофе подальше от бумаг и ещё раз посмотрел на лес. Он оставался на экране, хотя зверька уже не было, а я всё ждал, что тот появится с другой стороны.

— Сколько вы это делали?

— Мир или систему погружения?

— Уже два вопроса вместо одного, — я потянулся к печеню. — Давай сначала мир.

Марк отложил пульт.

— В нынешнем виде — несколько лет. Основа старше. Часть идей вообще появилась ещё тогда, когда ты объяснял мне, как должен вести себя трактирщик.

Я замер с печенюем в руке.

— Ты его сделал?

— Я много кого сделал. Трактирщика тоже.

— Он меня будет узнавать?

— Если познакомишься. Если запомнишься. И если у него будет повод с тобой разговаривать.

Сказано было спокойно, без желания произвести впечатление, но я всё равно улыбнулся. Марк видел, что попал куда нужно.

— Ладно, — я положил печенюе обратно. — Показывай, что там у тебя.

Через двадцать минут кофе остыл, а я всё ещё сидел на краю дивана.

Марк не показывал боёв, драконов и огромных замков. На экране двое людей разгружали телегу, спорили о мешках, потом один ушёл, а другой долго искал что-то в траве возле колеса. На другой записи женщина чинила изгородь, пока рядом паслись странные низкорослые животные. Когда одно добралось до корзины с её вещами, она бросила работу и по-

гнала его палкой.

Я ждал, что сейчас Марк объяснит, в чём фокус. Он просто переключал изображение.

— Это всё отдельные сценарии?

— Нет. У них есть задачи, привычки, потребности. Они решают, что делать, исходя из обстоятельств.

— То есть тот мужик действительно что-то потерял?

— Вероятно.

— Ты не знаешь?

Марк покачал головой, и мне пришлось заново посмотреть на человека возле телеги.

— Мы не пишем каждому последовательность действий на день, Лёша. Задаём исходные условия, возможности, ограничения. Дальше они живут.

Я откинулся на спинку дивана, наконец вспомнив, что она существует. На экране мужчина выпрямился, показал кому-то небольшую тёмную вещь и сунул её за пазуху.

— А если я подойду и спрошу, что он нашёл?

— Может ответить.

— А может не ответить?

— Ты бы первому встречному всё рассказал?

Я подумал о своём покупателе и его удалённом профиле.

— Зависит от того, как спросит.

— Вот и здесь так же, — сказал Марк.

Он убрал изображение и вывел карту. Сначала я увидел берег, реку и несколько пятен, похожих на поселения. По-

том карта отделилась: берег оказался частью большого залива, река — одной из множества рек. Ещё дальше появились другие земли, океан, россыпь островов. Я уже перестал различать место, которое видел вначале, а изображение продолжало уменьшаться.

— Хватит, — попросил я. — Я понял.

Марк остановил карту.

— Не уверен.

Я поднял на него глаза.

— Она вся доступна?

— Если доберёшься. Есть области, куда тебе без подготовки лучше не ходить. Есть такие, куда ты и с подготовкой не попадёшь обычным способом.

Я поискал взглядом масштаб, но обозначения были слишком мелкими.

— Сколько на это нужно времени?

— На всё?

— Допустим.

Марк пожал плечами:

— Зависит от того, что считать «посмотреть». На тридцать дней у тебя точно найдётся занятие.

Я хотел ответить, но задержался на последней фразе.

— На сколько?

Он посмотрел на меня и потянулся за кофе.

— Вот теперь про систему погружения.

Объяснял Марк без формул. Я даже понимал большую

часть слов, хотя на всякий случай не перебивал. Суть сводилась к тому, что домашний шлем и новое устройство решали одну задачу совершенно разными способами. Дома я получал ощущения, а здесь, как выразился Марк, они смогли гораздо точнее организовать сам процесс восприятия. Это давало и полноту присутствия, и возможность менять скорость субъективного времени.

— Насколько менять? — спросил я.

— Для этого сеанса два часа здесь будут соответствовать тридцати суткам внутри.

Я пересчитал на пальцах, сбился и посмотрел на него.

— Месяц?

— Почти обычный месяц.

— За два часа?

Марк отпил холодный кофе, поморщился и отставил стакан.

— Да.

Я встал с дивана, прошёл к экрану и вернулся. В голове никак не помещалось, что за время, которое я вчера потратил на футбол и стирку, можно успеть прожить тридцать дней. Просыпаться, есть, куда-то идти, разговаривать. Тридцать раз увидеть утро.

— Это не будет казаться длинным сном? — спросил я.

— Когда вроде целая жизнь, а проснулся — помнишь три обрывка?

— Нет. Ты последовательно проживёшь всё время. С но-

чёрками, разговорами и теми скучными минутами, когда ничего не происходит.

— Ты сейчас продаёшь мне скучные минуты?

— Я тебя предупреждаю, что они там будут, — Марк улыбнулся. — Заодно с остальным.

Я снова сел, на этот раз медленно. За окном переговорной кто-то прошёл по коридору; дверь приглушила голоса, и я невольно посмотрел туда. Снаружи было обычное субботнее утро. Человек нёс папку, другой разговаривал по телефону. У меня в голове уже проходил месяц.

— Это безопасно?

Марк перестал улыбаться.

— Все предусмотренные проверки мы провели. Допустимые режимы проверены. Но поэтому я и не предлагаю тебе надеть неизвестную штуку у меня на кухне. Сначала с тобой поговорят врачи. Посмотрят показатели. Если что-то им не понравится, сегодня ты никуда не пойдёшь.

Он сказал это так буднично, что я немного успокоился.

— А пока я там, здесь что будет?

— Ты будешь лежать в установке. Под наблюдением. Датчики будут снимать состояние тела, мы будем контролировать соединение. Если потребуется, прервём сеанс.

— Даже если мне будет очень интересно?

— Особенно если ты решишь ради интереса игнорировать собственное самочувствие.

Я усмехнулся и потер большим пальцем край стакана. Во-

просов всё равно становилось больше.

— А я сам выйти могу?

Марк подвинул к себе бумаги, но пока не стал их открывать.

— Обычного пользовательского выхода в этой сборке нет. Сеанс завершается снаружи по заданному времени. Мы всё время будем здесь. Если что-то пойдёт не так, извлечём раньше. При гибели персонажа возврат тоже запускается автоматически.

— То есть умер — проснулся?

— Для этого испытания — да. Второй попытки в тот же сеанс не будет.

Я посмотрел на карту. Обойти такую махину за месяц всё равно невозможно. Да и умирать в первые полчаса было бы обидно.

— Мне бы сначала понять, как там не умереть.

— Дойдём и до этого, — пообещал Марк. — Но сначала давай убедимся, что тебя вообще можно туда отправлять.

Врач представилась Еленой Сергеевной и попросила меня сесть. На Марка она почти не смотрела, только указала ему на стул у стены. Он послушно занял место и больше не пытался вести разговор.

Меня расспросили о сне, лекарствах, самочувствии и предыдущем опыте погружений. На вопрос об алкоголе пришлось признаться во вчерашней банке пива. Врач уточнила время и количество, что-то отметила и перешла дальше.

Марк из своего угла никак на признание не отреагировал, за что я был ему благодарен.

Потом были измерения, датчики и ожидание. Один небольшой прибор мне надели на палец, другой закрепили у виска. Медсестра попросила не шевелиться, пока на экране рядом с ней выстраивались цветные линии. Я смотрел на собственную руку и старался не двигать именно тем пальцем, на котором находился прибор. Из-за этого двигать хотелось особенно сильно.

— Расслабьтесь, Алексей, — сказала медсестра. — Это просто запись.

Я убрал свободную руку с края стула.

— Я стараюсь.

— Вижу.

Она улыбнулась, поправила провод и вернулась к экрану.

В какой-то момент Елена Сергеевна попросила Марка выйти, и я насторожился. Оказалось, ей нужно было без него спросить, понимаю ли я условия и действительно ли хочу участвовать. Я подтвердил. Она ещё раз объяснила, что от согласия можно отказаться, пока процедура не началась, и что никакие дружеские договорённости этому не мешают.

От этого разговор вдруг стал серьёзнее. До сих пор я приезжал посмотреть на новую игру. Теперь сидел с датчиком у виска и отвечал человеку, которому было важно, чтобы я сказал правду.

— Я хочу, — повторил я, уже без шутки. — Только если

у вас всё нормально по результатам.

Врач кивнула и продолжила проверку. Торопиться меня никто не просил. Когда Марк вернулся, я как раз читал согласие, задерживаясь на каждом упоминании возможного прекращения сеанса. Он сел рядом и терпеливо ждал.

— Ты это сам читал? — спросил я, добравшись до последней страницы.

— Несколько раз.

— И всё понял?

— Не с первого, — признался Марк.

Я посмотрел на него и наконец улыбнулся. Подписал документы только после того, как врач ответила на оставшиеся вопросы.

До установки нас проводили другим коридором. В прежние визиты я сюда не попадал: двери открывались по браслету Марка, за ними снова были двери. Через стекло одного помещения виднелись стойки с оборудованием, в другом двое сотрудников разговаривали перед большим экраном. Мне всё время хотелось остановиться, но я боялся потерять сопровождающего.

Само устройство оказалось неожиданно непохожим на моё кресло.

Невысокое широкое ложе стояло посреди комнаты. Над изголовьем изгибалась массивная дуга, внутри которой находились подвижные секции; с боков располагались опоры с креплениями и тонкими кабелями. Всё было светлым, глад-

ким и слишком аккуратным, чтобы я понял, куда здесь подключать человека. Рядом помещались два рабочих места и обычная медицинская тележка, от вида которой у меня слегка свело зубы.

— Вот это вы называете шлемом? — спросил я, остановившись у порога.

— Не называем, — ответил Марк. — Ты сам так решил. Я обошёл ложе, стараясь ни до чего не дотрагиваться.

— Домой такое не поставишь.

— Тебе и не предлагают.

— У меня кресло уже столько места занимает, что сушилка не помещается.

Марк посмотрел на меня с тем терпением, которое обычно появлялось у него перед объяснением очевидного.

— Лёша, это исследовательская установка.

— Я вижу. Очень исследовательская.

Возле одного из экранов поднял голову худой мужчина в серой рубашке. Марк представил его Виктором, инженером сеанса. Мы пожали руки. Я почему-то сразу посмотрел на его стол: кружка с остывшим чаем, блокнот, наушник, упаковка салфеток. Обычные вещи делали комнату немного понятнее.

— Вы всё время здесь будете? — спросил я.

— Я и сменный инженер, — ответил Виктор. — Можете не переживать, без присмотра не оставим.

Елена Сергеевна уже разговаривала с медсестрой у тележки. Марк дождался, пока я ещё раз осмотрю установку, и по-

казал на дверь небольшой соседней комнаты.

— Есть время до подготовки. Давай выберем, кем ты туда пойдёшь.

На экране появился человек в простой одежде. Он стоял на нейтральном фоне, и я не сразу понял, почему Марк смотрит на меня так выжидательно.

Потом человек повернул голову.

— Это я?

— Твоя исходная модель, — подтвердил Марк.

Я подошёл ближе. Лицо было моё, только освещение непривычное. Можно было разглядеть складку на футболке, небольшой шрам возле подбородка, который я заработал ещё в детстве. В играх я привык выбирать себе кого-нибудь повыше и пошире в плечах. Здесь посмотреть на себя со стороны было странно.

— А сделать красивее?

Марк молча потянул ползунок. Подбородок модели стал шире.

— Верни, — сразу попросил я.

Он вернул и с невинным видом убрал руку.

— Внешность оставим близкой к твоей. Для первого раза так проще привыкнуть к телу.

— А раса?

— Человек.

Я повернулся к нему:

— Даже не предложишь?

— Предложить могу. Но осваивать незнакомую среду и заодно выяснять, как ты двигаешься с другой анатомией, — не лучший способ провести первые дни.

Я ещё раз посмотрел на модель. Уши оставались обычными, руки тоже. На первый раз этого действительно хватало.

Марк открыл следующий раздел.

— Теперь важнее. Если тебя просто перенести туда с нынешними навыками, далеко ты не уйдёшь.

— Спасибо за доверие.

— Ты умеешь развести костёр?

— Зажигалкой?

— Без неё.

Я задумался и честно ответил:

— Видел, как это делают.

— Съедобное растение от похожего несъедобного отличишь?

— Если на упаковке написано.

Марк кивнул, будто именно это и хотел услышать.

— Поэтому у тела будет начальная подготовка. Можно выбрать направленность. Магия, стрельба, ближний бой. Или более широкий набор.

Я присел на край стола, но под его взглядом сразу слез.

— Классы всё-таки есть?

— Для тебя — никаких надписей над головой и жёсткой привязки. Есть способности, склонности, уже освоенные действия. Хочешь потом учиться другому — учись. Мы сей-

час выбираем, с чем ты начнёшь.

Он показал несколько вариантов. Я задержался на маге, представил, как стою посреди леса и пытаюсь разобраться с заклинанием, пока ко мне кто-то бежит, и попросил открыть следующий.

— А просто авантюрист есть? Чтобы ходить, смотреть, не умирать от первой лужи. Оружием немного уметь.

Марк открыл нужный набор.

— Вот. Дорога, лагерь, базовое выживание. Копьё, щит, меч. Серьёзному воину по подготовке уступишь, зато в лесу не окажешься совсем беспомощным.

— Насколько «базовое»?

— Настолько, что ты будешь понимать, что делать. А хорошо делать придётся учиться.

Он объяснил на примере оружия. Я не получу воспоминаний о годах тренировок и чужой биографии. Но тело будет знать правильное движение, хват, равновесие; некоторые решения станут приходить легче. Примерно так же заранее подготовлены первые жители мира: у каждого свои умения и предрасположенности.

— Первые? — переспросил я.

— Мы заселяли мир уже сформированными персонажами разных возрастов. Потом дали ему развиваться самостоятельно. Для них это исход из прежних мест.

Я вспомнил мужчину, искавшего вещь у телеги.

— Он думает, что жил где-то ещё?

— Если относится к первому поколению — помнит прежнюю жизнь. Но там уже хватает тех, кто родился на месте.

Я немного помолчал, укладывая это в голове. Марк не торопил, только выключил изображение модели, чтобы открыть снаряжение.

— Сколько времени они там живут?

— После первоначального заселения прошло шестьдесят лет.

Я обернулся к нему.

— Вы целый мир на шестьдесят лет оставили?

— Мы наблюдали. Смотрели, как складываются поселения, как работает хозяйство, как меняется среда. Иначе получили бы декорацию, которую пришлось бы постоянно поддерживать вручную.

Мне захотелось вернуться к экрану в переговорной и ещё раз посмотреть на телегу, но Марк уже вывел ряд предметов.

— Теперь решай, что понесёшь.

Начал он с доспеха. На модели появилась кожаная защита, затем металлический нагрудник. Марк повернул фигуру, показал крепления и пояснил, что всё подгонят под меня. Следом добавились шлем, копьё, меч и щит.

— А это не много? — спросил я.

— Ты хотел универсального.

— Я хотел выжить, а не переезжать.

Марк убрал один из предложенных запасных предметов и открыл оружие. Среди вариантов нашёлся меч, возле кото-

рого загорелось столько отметок, что я отступил от экрана.

— Нет.

— Ты ещё не спросил, что он делает.

— Уже подозрительно.

— Облегчит тебе знакомство с местной фауной.

Я покачал головой. Красивый меч с дорогой рукоятью смотрелся заманчиво, но мысль о том, что я приеду на первый уровень и начну одним ударом уничтожать всё вокруг, почему-то не радовала.

— Дай обычный. Хороший, но обычный. Я же посмотреть хочу, как оно работает.

Марк взглянул на меня с усмешкой, однако спорить не стал. Мы выбрали оружие попроще. Затем я отказался от ещё одной вещи, назначение которой он так и не успел объяснить, и от защиты, делавшей доспех подозрительно блестящим.

На сумке я остановился.

— Вот это что?

— Внутри продукты не портятся.

Я внимательно посмотрел на изображение.

— Сколько помещается?

— Сколько видишь. Обычная сумка.

— Вес?

— Сохраняется.

Я подумал о припасах, о дороге до ближайшей деревни и о курице, которую вчера пришлось срочно убирать в холо-

дильник.

— Это беру.

— А как же посмотреть, как всё работает? — Марк явно наслаждался разговором.

— Без тухлой еды посмотрю.

Он добавил сумку и открыл обувь. Сапоги выглядели вполне обыкновенно: тёмные, без украшений, с крепкой подошвой.

— Эти не изнашиваются при ходьбе, — пояснил Марк. — Порвать острой штукой можно. Стереть подошву об дорогу — нет.

Я посмотрел на свои кроссовки.

— Тоже беру.

— Значит, чудесный меч — скучно, а сапоги — нормально?

— Ты когда-нибудь натирал ноги на экскурсии?

— Я понял, — он поднял ладонь. — Сапоги оставляем.

Мы добавили обычные дорожные мелочи: ёмкость для воды, принадлежности для костра, перевязочный материал, плащ. Марк показывал, где что разместится, а я пытался представить, как буду доставать всё это без привычного окна инвентаря.

— Совсем никакого? — уточнил я.

— Совсем. Нужен предмет — открываешь сумку и ищешь.

— А характеристики?

— Посмотришь, пощупаешь, спросишь у того, кто понимает.

Я перевёл взгляд на меч.

— И как узнаю, что этот лучше другого?

Марк пожал плечами:

— Может, и не узнаешь, пока кто-нибудь тебе не объяснит.

Я почувствовал знакомый азарт. Самостоятельно разобратся, найти хорошую вещь, понять, почему она хорошая... это нравилось мне гораздо больше ряда цветных цифр. Правда, теперь хотелось выяснить, как я вообще буду понимать речь местных.

— Язык отдельно учить не придётся, — успокоил Марк.

— Общение включено в подготовку. Ты сможешь говорить и понимать. Для них ты просто человек, который пришёл неизвестно откуда.

— Документы спросят?

— Могут спросить, кто ты и что тебе нужно. Дальше зависит от места и поведения.

Я представил, как являюсь в деревню с полным набором оружия и требую показать задания. Пришлось признать, что начать лучше с приветствия.

— А квесты как брать?

Марк посмотрел на меня поверх экрана.

Я помолчал и сам исправился:

— Спросить, не нужна ли помощь.

— Уже лучше.

Он сохранил набор и повернул ко мне изображение моего будущего тела. Получился человек, собравшийся далеко и надолго. Я узнал своё лицо под шлемом и вдруг ощутил, что очень хочу оказаться по ту сторону экрана.

До окончательной подготовки оставалось немного времени. Медсестра заглянула в дверь, уточнила у Марка, закончили ли мы, и сказала, что можно переходить минут через десять. Он кивнул, а затем достал из ящика небольшую книжку на пружине и положил передо мной.

Я взял её с некоторым удивлением.

— Бумажная?

— Её удобно листать, — ответил Марк. — И на ней можно писать.

— Тоже новая разработка?

— Посмотри сначала.

На обложке стояли название сборки и слова «Служебные команды». Несколько страниц были заложены цветными полосками. Я открыл первую отмеченную и увидел английские слова, короткие примеры, пояснения и длинные строки в скобках.

— Это мне зачем?

Марк придвинул стул.

— На всякий случай. Ты от половины помощи отказался, поэтому я хочу, чтобы у тебя осталась возможность облегчить себе жизнь, если понадобится.

Я перелистнул страницу.

— А обычное оружие тогда зачем выбирали?

— Затем, что ты хотел играть обычным человеком. Никто не заставляет этим пользоваться.

В первой строке отмеченного раздела стояло: `toggle god mode`.

Я провёл по ней пальцем и усмехнулся.

— Прямо так?

— Прямо так. Произносишь вслух, находясь внутри.

— И становлюсь богом?

— Включаешь служебный режим. Не чувствуешь боли, не устаёшь, не стареешь. Повредить тело не получится. Плюс появляется доступ к остальным командам.

Он говорил без торжественности, словно объяснял ещё одну настройку кресла. Я посмотрел на страницу внимательно.

— Стареть мне там за месяц особо не грозит.

— Это общий режим, а не специально для твоих тридцати дней.

— И сколько раз можно?

— Сколько потребуется. Это инструменты для работы с миром.

Я представил прогулку через лес, где меня ничто не может ранить, и тут же вспомнил, как Марк предлагал меч с длинным списком свойств. Так можно и до конца месяца дойти, ни разу не поняв, на что способен сам.

— А выключить?

— Та же команда. Toggle — переключение.

Я повторил её вполголоса, стараясь запомнить порядок слов. Марк кивнул, но попросил не торопиться закрывать книжку.

— Если решишь пользоваться чем-то ещё, сначала нужен этот режим. Просто произнести отдельное слово недостаточно.

— Местные не повторяют?

— Они на другом языке говорят. И не знают, что это вообще такое. Для них ты будешь произносить что-то непонятное.

Я перелистнул несколько страниц. В одном месте стояла короткая команда огня, дальше шли пояснения о выборе цели и формах применения. Марк показал, как читать примеры: сначала действие, потом уточнения. Я проследил пальцем одну строку, перевёл взгляд на следующую и почти сразу сбился.

— Всё это учить?

— Не обязательно. Я тебе основное отметил.

Следующая закладка вела к перемещению. Там были короткий перенос, работа с точкой назначения и примеры с координатами. В голове всплыл знакомый по играм блинк. Я задержался на нём дольше: умение перепрыгнуть через пропасть выглядело полезным даже при самых честных намерениях.

— Вот этим можно через весь мир?

— Для дальнего переноса нужна точка, в которую переносишься, — пояснил Марк. — Просто «куда-нибудь на запад» не подойдёт.

— Жаль. Очень удобная формулировка.

Он улыбнулся и перевернул лист. Воскрешение оказалось устроено сложнее, чем мне хотелось. Я узнал смысл заголовка, пробежал глазами несколько вариантов обращения к цели и посмотрел на Марка.

— Даже так можно?

— Можно. Но смерть обычного персонажа сама собой не отменяется. У жителей нет возрождения через минуту на соседней площади.

Я снова опустил взгляд на страницу. До сих пор меня занимало, как не вылететь из испытания раньше срока. О том, что местные вообще не возвращаются, я не думал.

— Они это понимают?

— Что могут умереть? Конечно.

Он ответил сразу. Я хотел спросить что-то ещё, но не сумел толком сформулировать и перелистнул дальше.

Команд было много. Создание предметов, изменение состояний, остановка действий, работа с окружением. Одни я понимал сразу, другие требовали прочитать пояснение, которое, в свою очередь, отсылало на следующую страницу. Чем дальше я листал, тем меньше видел причин заучивать всё подряд. Зачем мне останавливать кого-то или создавать

гору вещей, если я еду посмотреть на нормальный мир?

Логику я примерно уловил. Короткое название, уточнение, иногда цель. В крайнем случае попробую вспомнить. А ещё можно просто не лезть туда, откуда понадобится выбираться служебной командой.

— Можно с собой? — я приподнял книжку.

— Физическую — нет.

— Я понял. В сумку положить такую же.

Марк чуть помедлил, затем покачал головой:

— Этот справочник относится к системе, его там нет. Давай лучше ещё раз основное.

Я послушно вернулся к первой закладке и произнёс три слова. Марк попросил повторить; на второй раз я справился без подсказки.

— Вот. Остальным можешь не пользоваться.

— И этим тоже?

— И этим тоже. Но если вдруг поймёшь, что тебе совсем не нравится чувствовать последствия своих решений, вспомни.

Я закрыл книжку и положил на стол. На её обложке осталось тёмное пятно от моего пальца: я машинально трогал край кофейного стакана. Потёр его салфеткой, только размазал и оставил как есть.

Медсестра снова появилась в дверях.

— Можно готовиться.

Я поднялся и поправил футболку, хотя до этого она ни-

чему не мешала. Марк убрал книжку в ящик и подождал у двери.

— Ну что? — спросил он.

Я глянул на погасший экран, где ещё недавно стоял я с копьём и щитом.

— Пойдём. Пока не передумал и не попросил тот меч.

В раздевалке я оставил куртку, обувь и телефон. Для процедуры выдали лёгкую одежду без металлических деталей; в кармане брюк ничего не было, и рука несколько раз сама проверила, на месте ли телефон. Браслет оставили на запястье.

Когда я вернулся к установке, вокруг неё стало больше людей. Виктор сидел за экраном, медсестра готовила крепления, Елена Сергеевна просматривала результаты. Марк подошёл ко мне, но дальнейшие распоряжения отдал врачам.

Ложё оказалось удобным, хотя слишком широким для одного человека. Я сел, опустил ноги на подставку и посмотрел на дугу над изголовьем. Вблизи она выглядела ещё массивнее. Внутренние секции медленно сместились, примеряясь к положению головы.

— Сейчас сделаем полную запись, — сказал Марк. — Потом останется проверить сопряжение и запустить.

— Тот самый слепок?

Он кивнул. Я уже слышал слово в согласии, но лежать под устройством и обсуждать копирование собственного сознания было непривычно.

— Зачем полная запись, если я просто зайду поиграть?

— Для этой системы нужна точная модель твоего индивидуального восприятия. Обычному шлему хватает гораздо меньшего объёма данных. Здесь мы подстраиваем всё, включая работу с субъективным временем.

Марк говорил неторопливо, следя, понимаю ли я. Я посмотрел на врача, которая закрепляла датчик на запястье.

— И что там сохранится?

— Память, привычные связи, реакции. То, что делает опыт твоим. Иначе тело внутри будет двигаться, а ты будешь всё время чувствовать, что с ним что-то не так.

Я попытался представить файл, в который поместится вчерашняя смена, наш разговор, все игры и вообще всё, что я помню. В голове это почему-то выглядело как папка, которую лучше никогда не открывать при посторонних.

— Значит, теперь будешь знать, что я о тебе думаю.

— Мне хватает того, что ты вслух говоришь, — отозвался Марк.

Елена Сергеевна подняла глаза:

— Мы не будем смотреть ваши воспоминания, Алексей. Запись обрабатывается системой. Сейчас важно спокойно полежать и выполнять инструкции.

— Вот это я умею, — сказал я и устроился удобнее.

Медсестра закрепила датчики на груди и у висков. Один контакт оказался холодным; я вздрогнул, и она предупредила о следующем заранее. Затем под шею подложили опору,

затылок устроили в углублении. К голове придвинулись секции дуги, не касаясь лица. Я мог видеть потолок и край лампы, а Марка — только если повернуть глаза влево.

Врач попросила не двигать головой. Я сразу перестал пытаться его разглядеть.

— Начнём с простого. Смотрите прямо. Сейчас услышите звук, потом скажете, откуда он.

Звук появился справа. Я ответил. Следующий — будто за головой, потом где-то внизу, хотя там не было ничего, кроме лежа. После этого попросили следить глазами за точкой. Она двигалась по маленькой прозрачной панели перед лицом, исчезала, появлялась снова. Я начал считать повторения, сбился и решил просто делать, что говорят.

Поначалу всё было терпимо. Потом пришло ощущение, будто я слишком быстро поднялся с дивана, хотя тело оставалось неподвижным. В глубине головы тянуло, на языке появился слабый металлический привкус. Я нахмурился.

— Что-то не так? — сразу спросила Елена Сергеевна.

Я объяснил. Она посмотрела на экран и попросила оценить, насколько неприятно. Я попытался выбрать ответ точнее, чем «ну, неприятно», и в конце концов сказал, что терпимо.

— Это ожидаемая реакция. Если усилится, говорите сразу.

Я кивнуть не мог, поэтому просто ответил. Неприятное ощущение некоторое время держалось, потом начало отпус-

кать. Виктор что-то коротко сообщил Марку. По их голосам я не услышал тревоги и сосредоточился на потолке.

Дальше были вопросы. Простые слова, образы, движения, которые нужно было представить, не двигаясь на самом деле. Я воображал, как сжимаю ладонь, и тут же проверял, не сжали её в действительности. Вспоминал дорогу домой. Слышал собственное имя, произнесённое разными голосами. Один оказался настолько похож на мой, что я хотел повернуться к источнику, но вовремя остановился.

Время тянулось дольше, чем я ожидал. Я уже собрался спросить, сколько осталось, когда панель перед глазами погасла.

— Запись завершена, — сказал Виктор.

Медсестра отодвинула ближайшую секцию. Я осторожно пошевелил пальцами, потом посмотрел на Марка. Он стоял у рабочего места, наклонившись к экрану.

— Ну как? — спросил я.

— Проверяют.

Ответ был коротким, и я снова перевёл взгляд на врача. Она заметила, улыбнулась:

— Ваши показатели хорошие. Не вставайте пока резко.

Вставать я и не собирался. После неподвижности захотелось потянуться, но проводов на мне оставалось достаточно, чтобы сначала спросить разрешения.

Марк подошёл через несколько минут и остановился возле ложа.

— Всё получилось.

Я выдохнул и только тогда понял, что ждал этих слов, задержав дыхание.

— Я теперь официально записан?

— Теперь — да.

— Надеюсь, в удачном ракурсе.

Марк посмотрел на дугу, на мои датчики и развёл руками:

— Как получилось.

Я рассмеялся. От смеха слегка потянуло кожу под одним креплением, и медсестра аккуратно поправила его. Потом мне разрешили сесть, дали воды и велели несколько минут никуда не торопиться.

Стакан приятно охлаждал пальцы. Я пил небольшими глотками и смотрел, как вокруг установки продолжается работа. Здесь всё делалось без спешки: кто-то проверял значения, кто-то уточнял готовность, Елена Сергеевна ещё раз спросила о самочувствии. Никто не говорил: «Ну скорее, у нас всё готово». От этого последние сомнения понемногу отступали.

Я допил воду и отдал стакан.

— А проснусь я здесь же?

Марк указал на ложе:

— На этом самом месте.

— Через два часа.

— Через два часа после запуска.

Я представил, что за окном всё ещё будет день. Можно успеть выйти из центра, поесть, вернуться домой. А внутри

— тридцать дней.

— Странно, — признался я.

Марк опустил на стул рядом.

— В первый раз почти всё странно.

— Ты сам пробовал?

— Отдельные режимы. Здесь много чего проверяли по частям. Поэтому и подготовка такая длинная.

Я кивнул. Уточнять, сколько именно частей пришлось собрать ради моего месяца, уже не хотелось. Хотелось попасть в лес с экрана, проверить, как пахнет воздух, и узнать, чем закончилась история человека у телеги.

Перед запуском пришлось снова лечь. Подставки немного сдвинулись, удерживая руки в удобном положении; ремни проходили свободно и не мешали дышать. Я проверил, можно ли пошевелить кистью, и Елена Сергеевна объяснила, что сейчас движения будут постепенно отключаться от тела, поэтому лучше заранее устроиться так, чтобы ничего не давило.

Мне подправили опору под коленями. Дуга вернулась на место, Виктор приглушил верхний свет. Комната стала тише: или все перестали говорить лишнее, или я начал внимательнее прислушиваться.

Марк остался слева. Я видел край его кофты и руку на спинке стула.

— Ещё раз, — сказал он. — Мир большой. Не пытайся за месяц обойти всё. В начале окажешься у дороги, недалеко от

населённого места. Снаряжение будет при тебе.

— Надеюсь, не придётся сначала голым по лесу бегать.

— Ты очень последовательно отказываешься от интересного опыта.

Я усмехнулся, но спорить не стал. Марк дождался, пока медсестра проверит последнее крепление, и продолжил:

— Еда, сон, отдых — всё понадобится. Если побежишь час без остановки, устанешь. Если получишь рану, будет больно.

Я чуть повернул глаза в его сторону.

— Насколько?

— Чувствительность для испытания смягчена. Но не рассчитывай, что сможешь спокойно игнорировать повреждения.

Радовало уже то, что смягчена. Я попытался вспомнить, не слишком ли легко отказался от улучшенного доспеха, и решил, что возвращаться к этому поздно: Марк потом никогда не забудет.

— А вкус? — спросил я.

Он наклонился, чтобы я лучше видел лицо.

— Почувствуешь.

— И запахи?

— Тоже.

— Морской воздух нормальный?

Марк прикрыл глаза на секунду, терпеливо выдохнул и ответил:

— Если найдёшь море, проверишь.

Где-то у рабочего места негромко засмеялся Виктор. Я хотел обернуться, но врач напомнила не двигать головой, и пришлось ограничиться улыбкой.

— Осталось что-нибудь спросить? — Марк уже говорил серьёзнее.

Вопросов можно было придумать ещё сотню. Про деньги, местную еду, чудовищ, магию. Но каждый следующий только отодвигал момент, ради которого я приехал. Я посмотрел на край лампы над головой и попытался понять, действительно ли хочу остановиться.

Не хотел.

— Если со мной что-нибудь здесь... — Я пошевелил пальцами, обозначая тело на ложе.

— Мы увидим, — ответила Елена Сергеевна прежде Марка. Она подошла ближе. — Будем следить весь сеанс.

Марк кивнул:

— Ты никуда из установки не исчезнешь. Мы рядом.

Мне стало легче. Я ещё раз устроил затылок на опоре и перестал проверять положение рук.

— Ладно. Тогда увидимся через два часа.

— Для тебя — через месяц, — напомнил Марк.

Я улыбнулся потолку:

— Постараюсь вернуться с хорошим отзывом.

Он убрал руку со спинки стула. Виктор попросил подтвердить готовность; я ответил, услышал несколько корот-

ких фраз и негромкий сигнал. Где-то за головой зашумело, будто включилась вентиляция.

Сначала ничего не произошло. Я по-прежнему видел потолок, чувствовал опору под коленями, различал присутствие людей слева. Потом тело стало тяжёлым. Не неприятно, просто руки вдруг оказалось легче не двигать. Я попробовал сглотнуть и не понял, получилось ли.

— Всё нормально, — произнесла Елена Сергеевна. — Дышите спокойно.

Её голос отдалился. Я ещё успел подумать, что забыл спросить, сколько денег будет с собой, но воспоминание о сумке почему-то стало важнее. В ней есть еда. Значит, сразу с голоду не умру.

Свет над головой потускнел. На секунду исчезло ощущение лежа, и я невольно напрягся, ожидая падения. Ничего не ударило, только глубоко в животе дрогнуло знакомое чувство, как в лифте при начале движения.

Потом я услышал ветер.

Он шуршал где-то сбоку, перебирал листву, на мгновение затихал и снова возвращался. Я хотел спросить Марка, уже ли началось, но вместо голоса почувствовал на щеке прохладу.

Комната исчезла.

Глава 3. Дорога к деревне

Первым делом я попытался сесть.

Не получилось: я уже стоял. Ноги подогнулись, на плечо что-то тяжело надавило, и пришлось выставить вперёд древко, которое обнаружилось в правой руке. Оно скользнуло по земле, упёрлось в камень и удержало меня от падения. Несколько секунд я так и простоял, согнувшись, глядя на собственные сапоги.

Сапоги были тёмные, пыльные и совершенно настоящие.

Я медленно выпрямился. Под подошвой хрустнул песок, слева по бедру ударило что-то жёсткое. Опустив глаза, я увидел ножны меча, ремень, край плотной кожаной куртки и металлическую пластину на груди. Копьё в руке оказалось длиннее меня. За спиной висел щит; он тянул крепление назад, и тело само чуть подалось вперёд, уравнивая вес.

Я поднял свободную руку и несколько раз согнул пальцы. На костяшках были короткие светлые волоски, возле ногтя — крохотная неровность кожи. Я подцепил её большим пальцем и тут же почувствовал знакомое неприятное покалывание.

— Ну ничего себе, — сказал я.

Голос прозвучал негромко и как-то слишком близко. Я привык слышать себя в играх, но сейчас звук вышел из горла, прошёл через грудь, отозвался под шлемом. Я сглотнул,

провёл языком по зубам и снова посмотрел на руки.

Ветер тронул щёку. Пахло сухой травой, нагретой землёй и чем-то горьковатым — наверное, листьями кустов у дороги. Над левым ухом настойчиво звенело. Я отмахнулся, и комар исчез из поля зрения, чтобы почти сразу вернуться.

Это почему-то убедило меня сильнее сапог.

Я стоял у края широкой грунтовой дороги. Колеи огибали россыпь камней и уходили к невысокому подъёму; в другой стороне дорога спускалась между кустами, дальше скрывалась за поворотом. Справа тянулась луговина, за ней темнел лес. Над травой носились насекомые. Где-то часто, с короткими перерывами, кричала птица.

Я повернулся на месте. За спиной никого не было.

Ни ложа, ни Марка, ни хотя бы полупрозрачной надписи с приветствием. Только щит скользнул по плечу, а меч снова стукнул по ноге. Я поднял руку, попробовал привычное движение пальцами, потом мысленно потребовал открыть меню. Подождал, чувствуя себя глупо, и произнёс вслух:

— Инвентарь.

Птица ответила ещё одним криком.

Я усмехнулся и покачал головой. Марк предупреждал, но предупреждение в переговорной оказалось менее убедительным, чем дорога, на которой мне предстояло разбираться с собственными вещами.

Для начала я решил их снять.

С копьём всё было понятно: положил на траву. Щит уда-

лось стянуть со спины после того, как я нашёл нужную пряжку; при этом я едва не заехал им себе по затылку. Сумка висела на другом ремне, и снять её, не запутавшись в перевязи меча, получилось только со второй попытки.

Оставшись без части груза, я облегчённо расправил плечи. Потом потянулся к шлему. Пальцы нашли ремешок под подбородком быстрее, чем я успел понять, где он застёгнут. Это я заметил и на секунду задержал руку.

Вроде бы простое движение. Но секунду назад я даже не знал, какое здесь крепление.

Я расстегнул ремешок, снял шлем и подставил ветру влажный лоб. Волосы прилипли к вискам. На внутренней подкладке остался тёмный след пота.

— Спасибо за реализм, — сообщил я куда-то вверх. — Можно было начинать с погоды попрохладнее.

Марк, если и слушал, отвечать не собирался.

Я отнёс вещи на невысокий бугорок под кустами, откуда было видно дорогу, и присел. Земля через штаны ощущалась тёплой; у самого колена полз муравей, волоча кусок чего-то белого. Я наклонился к нему. Муравей остановился, выпустил ношу, поводил усиками и попытался забраться мне на сапог.

Я отодвинул ногу.

Можно было провести весь день вот так: разглядывать насекомых, щупать траву, трогать собственное лицо. Всё вызвало одно и то же желание — проверить ещё раз, не обна-

ружится ли где-нибудь знакомый изъян. Я сорвал травинку, растёр пальцами, понюхал. Сок оставил на коже зелёную полосу. Пальцы пахли резко и свежо.

После этого пришлось напомнить себе, что до вечера хорошо бы найти населённое место.

В сумке лежало меньше, чем я успел вообразить по дороге из лаборатории, зато всё было уложено так, что нашлось место даже для плаща. Я достал свёрток с едой, небольшой мешочек, перевязочный материал, несколько дорожных принадлежностей и флягу. На дне обнаружился запасной кусок ткани. Никакого лишнего пространства внутри не было: стоило вынуть вещи, как сумка почти потеряла форму.

Еда оказалась хлебом, сыром и вяленным мясом. Я отломил край хлеба и долго жевал, прежде чем вспомнил, что вообще-то проверяю не пекаря.

Вкус был.

Причём такой обыкновенный, что я не сразу нашёл, чему удивиться: чуть кисловатый мякиш, жёсткая корка, крошки, попавшие между зубами. Сыр пах сильнее, чем хотелось, но на вкус оказался хорошим. Мясо пришлось отрывать зубами, придерживая обеими руками. Я засмеялся с набитым ртом и представил, что рассказываю Марку: первым делом сел на обочине и поел.

Его бы это наверняка порадовало. Столько лет работы, чтобы я оценил бутерброд.

Во фляге была вода. Я сделал несколько глотков, сполос-

нул рот и только потом вспомнил, что понятия не имею, где смогу пополнить запас. Завинтил крышку и поставил флягу в тень. Вода была приятно прохладной, но быстро заканчиваться ей ничего не мешало.

В мешочке звякнули монеты. Я высыпал их на плащ: две светлые и двенадцать медных. На одних различался профиль бородатого человека, на других — неровный знак, похожий на башню. Края оказались разными, кое-где виднелись следы обрезки. Я перебрал монеты и убрал обратно, решив до первой покупки не считать себя ни богатым, ни бедным.

Оружие требовало отдельного знакомства. Меч вышел из ножен не так легко, как я ожидал: нужно было немного изменить угол. Рука сделала это почти сама. Я замер с клинком перед собой, потом осторожно повернул кисть. Центр тяжести чувствовался отчётливо. Лезвие поймало солнце, и я невольно отвёл его подальше от лица.

До этого мечи у меня бывали игровые, тренировочные в клубе и один раз сувенирный у приятеля. В голове не появилось ни нового воспоминания, ни уверенности, что я умею драться. Зато я понимал, как держать рукоять, чтобы запястье не вывернуло при ударе.

Я сделал шаг, другой, попробовал поднять щит. Он сначала закрыл мне половину обзора, потом встал удобнее. Копьё легло в ладонь так естественно, будто я уже несколько раз с ним ходил. Я направил наконечник в сторону пустой обочины и коротко толкнул вперёд.

Движение получилось быстрым. Следующее — хуже: я слишком далеко подался корпусом, сапог скользнул по рыхлой земле. Пришлось неловко переступать и ловить равновесие.

Я выдохнул, огляделся и опустил оружие. Хорошо, что противник пока существовал только в воображении. Тело подсказывало начало, а вот последствия собственной поспешности предстояло изучать самому.

Сборы заняли ещё минут десять. Щит после нескольких попыток закрепился удобнее; сумку я передвинул, чтобы меньше мешала ножнам. Шлем надел не сразу, но, посмотрев на его открытую подкладку и на пыль под ногами, решил, что нести его в руках весь день не хочу.

Оставалось выбрать направление.

Я поднялся на пригорок. Оттуда за спуском было видно тёмное пятно, которое могло оказаться крышей, а могло — камнем. С другой стороны дорога уходила к лесу. Я выбрал предполагаемую крышу, проверил, не оставил ли чего на траве, и пошёл.

Первые минут двадцать я наслаждался буквально каждым шагом. Подошвы пружинили, трава цепляла края сапог, копье отмеряло дорогу короткими касаниями земли. Мне хотелось свернуть к деревьям, посмотреть на ручей в стороне, взобраться на камень. Один раз я всё-таки остановился возле незнакомого цветка и наклонился, чтобы рассмотреть его. Лепестки сомкнулись у самого лица, и оттуда недоволь-

но выполз толстый жук.

Дальше восторг остался, но к нему добавились плечи.

Крепление щита натирало возле шеи. Под нагрудником становилось жарко, ремень сумки постепенно тянул в одну сторону. Я остановился, всё передвинул и пошёл снова. Через некоторое время захотелось пить, ещё через какое-то — сесть.

Сесть я себе не позволил. До вечера было далеко, ноги пока слушались, а останавливаться после каждого подъёма выглядело несерьёзно.

На следующем подъёме пришлось пересмотреть взгляды.

Я присел на придорожный камень, положил копьё поперёк коленей и осторожно вытер лицо рукавом. Лоб был мокрым. Сердце билось чаще, чем полагалось человеку, который, по собственным оценкам, просто немного прогулялся. Дома я мог целую смену проходить по магазину и жаловаться на ноги только вечером. Здесь к ногам прилагался набор железа и кожи, который я утром выбирал, сидя на стуле.

Хорошо хоть сапоги не натирали.

Я отпил воды и решил, что следующий раз буду выбирать снаряжение стоя. А ещё лучше — предварительно походив с ним по лестнице.

Скрип я слышал раньше, чем увидел повозку.

Звук приближался медленно, с размеренными паузами. Потом за поворотом показалась бурая лошадь, опустившая голову почти до дороги, а за ней — двухколёсная телега с

мешками и пустыми корзинами. Рядом шагал широкоплечий человек в выцветшей рубаше. Одну руку он держал на борту, в другой нёс прут.

Заметив меня, человек посмотрел прежде всего на копьё. Я тоже на него посмотрел и поспешил поставить древко вертикально.

— Добрый день, — сказал я.

Слова вышли без усилия. Мужчина ответил, и я понял его сразу, однако в звуках было что-то непривычное: другой рисунок фразы, слегка смазанные окончания. Я слушал и одновременно осознавал, что дома так не говорят.

— И тебе. Дорогу ждёшь или отдыхаешь?

— Отдыхаю. А до деревни далеко?

Он остановился и придержал лошадь.

— До Бродного?

Я не знал, как называется деревня, поэтому решил не приоткрываться.

— До ближайшей.

Мужчина ещё раз меня оглядел, на этот раз без особого опасения, скорее с интересом. На вид ему было лет сорок с небольшим. На щеке темнел старый рубец, у ногтя большого пальца запеклась кровь.

— Бродное ближайшее. До поворота дойдёшь, там вниз. К реке сразу не сворачивай, держись дороги.

Я повторил название, пробуя его на слух, и кивнул.

— Там остановиться можно? Ночлег найти, поесть?

— У Торена спросишь. Дом возле колодца, ворота с дубовым листом. Только стучи как следует, у них на заднем дворе сегодня шумно.

Человек потянул лошадь за повод, но колесо ткнулось в край глубокой колеи. Телега дёрнулась и остановилась. Мужчина выдохнул сквозь нос, поставил прут к борту и упёрся плечом.

Я поднялся с камня.

— Помочь?

Он посмотрел на моё снаряжение и коротко ответил:

— Если можешь.

Я оставил копьё у обочины, подошёл с другой стороны и взялся за борт. Мужчина велел толкать по его слову. Я дождался команды, навалился — телега качнулась, но колесо только глубже врезалось в землю.

— Не вверх, — сказал он, не отпуская борта. — Вперёд подай. Ещё раз.

Со второй попытки получилось. Колесо выскочило на твёрдое, лошадь переступила, и мне пришлось быстро отойти, чтобы не оказаться рядом с ободом. На ладони осталась длинная грязная полоса.

— Спасибо, — мужчина поднял прут. — Вельм.

— Алексей.

Он повторил моё имя немного иначе, и я не стал поправлять.

— Сам откуда?

— Издалека, — ответил я, возвращаясь за копьём.

Вельм не спросил, насколько. Только задержал взгляд на моём нагруднике и, кажется, на сумке.

— Сюда по делу или дальше идёшь?

— Пока посмотрю. Я здесь впервые.

— Оно видно, — он кивнул на щит. — Ремень спереди опусти. А то к вечеру плечо занемет.

Я остановился, попробовал сделать, как он сказал, и сразу почувствовал разницу. Вельм терпеливо подождал, пока я возился с пряжкой, затем указал в сторону деревни.

— Мне туда же. Пойдём вместе, если не торопишься.

Торопиться мне было некуда. Я пристроился с другой стороны телеги, и несколько минут мы шагали молча. Лошадь фыркала, из-под копыт поднималась мелкая пыль. Пахло нагретой кожей упряжи и сеном.

Я хотел разглядеть Вельма, не выглядя при этом человеком, который впервые увидел другого человека. У него блеснул от пота затылок, рубаха у плеча была заштопана нитками другого цвета. Когда муха садилась на шею, он дёргал щекой и проводил по ней тыльной стороной ладони. Ничего похожего на повторяющуюся анимацию я не заметил.

— Давно здесь живёте? — спросил я.

Вельм покосился на меня.

— В Бродном? С рождения.

— А сама деревня давно стоит?

— При отце уже была. До того не скажу. Староста лучше

знает.

Он ответил и тут же наклонился, поправляя верёвку на мешке. Я придержал борт, пока он подтягивал узел. Вопросы у меня ещё были, но Вельм явно больше интересовался тем, чтобы груз не вывалился в колею.

— А дальше по дороге что?

— Карьер. Потом город. Пешком не близко, сейчас тебе лучше до Бродного добраться.

Я посмотрел на него и усмехнулся:

— Настолько плохо выгляжу?

— Ты всё плечом двигаешь. Натёр, видно.

Пришлось признать, что наблюдательность ему прописали хорошую.

За поворотом дорога пошла вниз. Лес разошёлся, открывая речную долину, и я наконец увидел деревню. Крыши стояли неровными рядами, между ними темнели деревья; над одним домом поднимался дым. Ближе к воде тянулись огороды, возле длинной изгороди белели какие-то животные. Издали поселение казалось небольшим, но, пока мы спускались, за первыми домами обнаруживались новые.

Я незаметно замедлил шаг.

До этого лес и дорога были прекрасны сами по себе. Теперь в них появилось место, куда можно прийти. Поест, расспросить людей, снять вещи, которые уже успели надоесть. От одной этой мысли захотелось идти быстрее.

Вельм заметил, куда я смотрю.

— Вон колодец. Дом правее видишь? С навесом.

Я кивнул. На воротах действительно висел большой деревянный лист.

В деревне пахло дымом, навозом и свежим хлебом.

Последний запах я узнал сразу и невольно поискал, откуда он идёт. Вельм тем временем свернул к длинному двору и на прощание ещё раз повторил, как найти Торена. Я поблагодарил, пожал ему руку и пошёл к колодцу.

По пути пришлось уступить дорогу двум мальчишкам с жердью. Один пятился, другой сердито велел ему смотреть под ноги. Они пронесли жердь мимо меня, едва не задев щит, и исчезли за воротами. У стены женщина сидела над корытом; рядом в луже мокла маленькая деревянная чашка. Из открытой мастерской доносился размеренный стук. Я заглянул внутрь и увидел низкорослого бородатого мужчину, который примерял обруч к бочке.

Он поднял голову. Лоб у него оказался широким, нос — приплюснутым, плечи — гораздо массивнее, чем я ожидал при таком росте. Я понял, что смотрю на первого в своей жизни гнома, только когда он недовольно прищурился.

— Чего надо?

— Добрый день, — поспешил я. — Я просто... к Торену. Гном указал молотком через дорогу.

— Тогда туда.

— Спасибо.

Я отошёл, стараясь не оборачиваться. Из мастерской сно-

ва донёсся стук. Он не собирался ни представляться, ни рассказывать о древнем народе, ни выдавать мне задание. Работал и хотел, чтобы ему не мешали.

У ворот с листом я постучал. На заднем дворе кто-то громко спорил; пришлось стучать ещё раз, вспоминая совет Вельма. Через некоторое время оттуда вышел высокий седоватый мужчина с расстёгнутым воротом рубахи.

— Чего случилось?

— Мне Вельм сказал, что у вас можно остановиться.

Торен перевёл взгляд с моего лица на вещи, задержался на копье.

— Можно, если есть чем платить. На сколько?

— Пока на ночь.

— Один?

Я оглянулся через плечо, хотя отлично знал, что за мной никого нет.

— Один.

Он распахнул ворота, пропустил меня во двор и указал, куда поставить копьё. Я колебался недолго: отдать его пока никто не просил, а нести дальше становилось неудобно.

Двор оказался хозяйственным. Под навесом стояли лавки и длинный стол, возле стены сохли перевёрнутые миски. Двое работников пытались затащить на подпорки длинную балку; женщина в переднике объясняла им, что так она ляжет криво. При нашем появлении женщина обернулась.

— Дара, на ночлег, — сказал Торен. — И поесть.

— Вижу, что не балку держать, — отозвалась она и посмотрела на меня. — Садись пока. Сейчас освобожусь.

Сесть я был готов прямо на землю. Вместо этого добрался до лавки, снял щит и сумку и с удовольствием расправил плечи. Торен наблюдал за мной, потом коротко спросил:

— Железо сам выбирал?

Я вспомнил улыбку Марка.

— Сам.

— Ну вот.

Он ушёл в дом за ключом, оставив меня размышлять, сколько ещё людей сегодня успеют оценить мой выбор.

Комната находилась наверху, под скатом крыши. Кровать с плотным тюфяком, табурет, сундук, кувшин с тазом и небольшое окно во двор. Я вошёл и сразу проверил, не придётся ли пригibasь у стены. Пришлось.

Торен назвал цену за ночь и ужин: четыре медных. Я достал мешочек, выбрал одну светлую монету и протянул ему. Он посмотрел, провёл ногтем по ребру и спросил:

— Мельче нет?

— Есть. Я пока в ваших деньгах не очень...

Торен поднял глаза. Я чуть замялся, но решил, что признаться лучше, чем расплачиваться наугад.

— Первый день здесь.

Он молча подождал, пока я высыпал медь на ладонь, взял четыре монеты и показал на оставшуюся светлую.

— Это двадцать. Эту пока побереги.

Я поблагодарил и убрал деньги. Теперь хотя бы стало понятно, на сколько ночей меня хватит, если не покупать ничего лишнего.

— Воду для умывания во дворе возмёшь. Питьевую — у Дары. Меч на ужин сними, за лавки цепляться будешь.

С этим он оставил меня одного.

Я дождался, пока шаги стихнут на лестнице, и наконец стянул нагрудник. Под ним рубаха оказалась мокрой. Пришлось повозиться с остальными ремнями; когда всё снаряжение лежало на сундуке, плечи ещё какое-то время продолжали чувствовать его вес.

Я подошёл к окну. Внизу балку наконец уложили, и Дара проверяла её положение, уперев руки в бока. Торен говорил с одним из работников. За воротами пробежали те же мальчишки, теперь уже без жерди.

Никто не посмотрел вверх.

Я привык, что появление игрока хоть чем-нибудь отмечается. Здесь моё прибытие пока принесло хозяевам четыре монеты и необходимость поставить ещё одну миску на стол.

Это мне понравилось.

Ужинали под навесом. На стол поставили горшок с густой похлёбкой, хлеб и кувшин воды; чуть позже Дара принесла тарелку печёных овощей. Я намеревался есть медленно, чтобы всё распробовать, но после первых ложек понял, что голоден гораздо сильнее, чем считал.

Торен сел напротив и подтянул к себе хлеб. Дара осталась

возле горшка, раскладывая по мискам то, что ещё держалось на дне. Работники ели молча, один осторожно растирал ладонь.

— Ну как? — спросила хозяйка, заметив, что я поднял голову.

— Очень хорошо, — ответил я и понял, что говорю совершенно искренне.

В похлёбке было мясо, коренья и трава с острым, немного непривычным запахом. Горячая миска обжигала пальцы, на хлебе попадались подпалённые места, вода пахла деревом. Никакого отдельного впечатления от «функции вкуса» уже не получалось. Я просто сидел и ужинал.

— Издалека идёшь? — поинтересовался Торен.

— Да. Сегодня вот добрался.

— Дальше куда?

Я проглотил слишком большой кусок и запил водой.

— Пока не решил. Хочу осмотреться.

Дара поставила горшок и переглянулась с мужем, но ничего не сказала. Один из работников, худой парень с красным следом на щеке, спросил, умею ли я обращаться со всем, что принёс. Я ответил осторожно:

— Немного.

— Тут немного лучше, чем совсем, — заметил он. — Только к старым вырубкам один не ходи. Там сейчас зверь держится.

Я сразу заинтересовался.

— Какой?

Парень повёл плечом, продолжая жевать.

— Полосатые. У Пелла козу утащили.

Мне захотелось уточнить, насколько полосатые и сколько у них лап. Но люди за столом говорили о хищниках без особенного азарта, и я решил пока не расспрашивать слишком подробно. Сначала стоило выяснить, где старые вырубки.

После ужина я помог отнести миски. Дара удивилась, но не возражала; сунула мне в руки ещё и кувшин. На кухне было жарко. Под потолком висели связки сушёных растений, у стены стояли мешки, возле печи дремала серая собака. Когда я прошёл мимо, она открыла глаз, обнюхала воздух и снова положила голову на лапы.

Я присел, протянул ладонь. Собака посмотрела на меня без всякой радости, а Дара поставила миски в таз.

— Не трогай, когда спит. Он к чужим не сразу привыкает.

Я убрал руку.

— Понял.

Это тоже пришлось запомнить: животные здесь не обязаны были любить меня только потому, что я решил их погладить.

Пока на дворе оставалось светло, я вышел прогуляться. Без оружия и доспеха идти было гораздо приятнее. Дорога между домами спускалась к реке; в воде стояли плоские камни, выше по течению виднелся узкий деревянный мостик. У берега женщина полоскала ткань, двое детей строили что-то

из мокрого песка. Я остановился под деревом и послушал.

Вода плескалась о камни, за спиной стучал инструмент, кто-то звал с огорода, со двора доносилось мычание. Звуки не старались привлечь моё внимание. Можно было стоять здесь долго и никому не понадобится.

Я поймал себя на улыбке.

Потом полез за телефоном.

Рука нашла только край пояса. Я посмотрел на пустую ладонь, засмеялся и сел на сухой камень. Фотографии не будет. Марку придётся поверить на слово, что его река удалась.

К возвращению стемнело. У Торена зажгли светильник, в доме пахло горячей водой и остывающей печью. Я поднялся вверх, умылся, долго возился с оконной ставней и наконец лёг.

Кровать поскрипывала. Тюфяк оказался жёстче домашнего, подушка — ниже. Где-то в стене шуршало. Я перевернулся, прислушался и решил, что выяснять источник прямо сейчас не хочу.

За день я успел пройти несколько часов, дважды поест, познакомиться с людьми и снять с себя железа больше, чем когда-либо надевал в жизни. В лаборатории с моего ухода должно было пройти всего несколько минут.

Я попытался прикинуть точнее, но сбился на умножении.

Перед глазами стояла дорога, трава, Вельм у колеса. Последним почему-то вспомнился муравей, тащивший белую крошку. Я хотел сохранить эту мысль, чтобы потом расска-

зять, но сон пришёл раньше, чем я придумал подходящие слова.

Утром меня разбудили голоса во дворе.

Первую секунду я не понял, где нахожусь. Увидел наклонный потолок, пятно света возле окна и собственную рубаху на спинке табурета. Потом всё вспомнил и сел так резко, что кровать жалобно скрипнула.

Плечи болели.

Я осторожно подвигал руками. Справа тянуло возле шеи, слева — там, где проходила перевязь. Ноги чувствовали вчерашнюю дорогу, хотя ничего серьёзного с ними не было. Я посидел, привыкая к этим ощущениям, а затем невольно улыбнулся: ночь тоже получилась настоящей. Я не просто закрыл глаза и получил сообщение, что отдохнул.

В комнате было прохладно. Пришлось быстро одеваться и идти за водой. Во дворе Дара уже выставляла посуду; увидев меня, кивнула на кувшин.

— Пить будешь — отсюда. Для умывания там.

Я взял таз и устроился у стены. Холодная вода заставила шумно выдохнуть. Дара мельком посмотрела, убедилась, что помощь не требуется, и вернулась к своим делам.

За завтрак попросили медную монету. Я заплатил, поел каши с хлебом и задумался, чем заняться дальше.

Можно было сразу уйти по дороге. Дойти до карьера, потом до города, о котором говорил Вельм. Но всего вокруг было слишком много, чтобы торопиться. Я ещё не знал ни

названий растений у обочины, ни того, как здесь торгуются, ни даже сколько стоит наполнить флягу.

На последний вопрос Торен ответил, что если я собираюсь платить за воду из их колодца, он возражать не станет. Я понял намёк и перешёл к работе.

— Помощь кому-нибудь нужна?

Хозяин вытер руки о полотенце и посмотрел на меня с новым интересом.

— В чём?

— По хозяйству. Что-нибудь принести, донести. Посмотреть дорогу, если надо.

Торен задержал взгляд на моих руках.

— Ты бы определился.

— Что посильно, — уточнил я. — Я пока мест не знаю.

Он подумал, потом указал на задний двор:

— Навес надо закончить. Поддержать, подать. До обеда справимся, если дождь не пойдёт. За еду и две медных.

Я посмотрел на светлое небо. Искать крысятник под трактором или выполнять опасное задание от загадочного незнакомца пока никто не предлагал. С другой стороны, начинать с крыши над собственной головой было разумно.

— Договорились.

Для работы доспех не понадобился. Торен дал мне старую рубаху, чтобы не пачкал свою, и почти сразу выяснилось, что «поддержать» — занятие не такое простое. Пока я искал удобное положение, он дважды велел не отпускать, один раз —

отпустить немедленно и ещё один раз спросил, не собираюсь ли я переехать вместе с балкой.

Копьё, судя по всему, тело держать умело. Подпирать чужой навес — пока не очень.

Зато к середине дня я уже понимал, какие доски можно брать за край, как подать инструмент человеку наверху и почему нельзя становиться под то, что он собирается сдвигать. Когда всё закрепили, Торен спустился, отступил к воротам и долго смотрел на результат. Потом велел мне тоже отойти.

Мы посмотрели на навес вместе.

— Держаться будет? — спросил я.

— Если ты больше не полезешь, будет.

Я усмехнулся и растёр ладонь. На коже возле большого пальца наливалось горячее пятно.

За обедом хозяйка поставила передо мной миску побольше. Торен выложил обещанные монеты и спросил, не хочу ли помочь Вельму: тому нужно было перенести часть груза в сухое место. Я хотел. День постепенно заполнялся делами, которые редко попадали в описание игрового приключения, но скучными почему-то не казались.

У Вельма пришлось таскать мешки. Я взялся за первый слишком бодро и едва не выронил, после чего стал слушать объяснения. Он показал, как поднимать и куда удобнее поставить ногу. К концу работы я вспотел, вымазал выданную рубаху и получил ещё три медных.

Вельм собирался закрывать сарай, когда со стороны ого-

рода раздался резкий крик.

Он сразу повернул голову, затем схватил прислонённую к стене жердь. Я побежал следом, толком не понимая, что случилось.

За изгородью металось небольшое серое животное. Оно было похоже на вытянутого барсука, только с коротким голым хвостом и широкими передними лапами. Увидев нас, зверь выпустил из пасти что-то пёстрое и бросился к щели под жердями. Женщина возле курятника снова закричала.

Я шагнул наперерез, рассчитывая отпугнуть его, и тут же понял, что оно не собирается останавливаться. Пасть раскрылась неожиданно широко. Я отскочил, поскользнулся на мокрой земле и сел в грядку.

Вельм ударил жердью перед зверем. Тот шарахнулся в сторону, протиснулся под изгородью и исчез в высокой траве. Всё закончилось за несколько секунд.

Я остался сидеть среди примятой зелени, глядя на маленькую прореху под жердями.

— Цел? — спросил Вельм.

— Да. Кажется.

Он протянул руку, помог подняться и только после этого посмотрел на мои испачканные штаны.

— Руками его не хватай. Пальцы перекусит.

Я кивнул. Мы с ним не обсуждали, что именно я собирался делать, но предупредить он решил вовремя.

Курицу спасти не удалось. Женщина подняла её, серди-

то высказалась про изгородь и ушла к дому. Вельм сдвинул нижнюю жердь, принёс камень и закрыл щель. Я помогал, стараясь не вставать на грядку ещё раз.

От небольшой встречи осталось колотящееся сердце, грязь и царапина на запястье. Я рассматривал её, пока Вельм проверял изгородь. Она саднила совершенно правдоподобно. Местного зверя не заинтересовало, что я пришёл сюда наслаждаться, а кувырок в грядку явно не входил в подготовку авантюриста.

— Как называется? — спросил я, кивнув на траву.

Вельм назвал зверя. Я повторил слово, но удержать его в памяти не смог: звучало похоже на что-то знакомое и при этом совсем иначе.

— У вас их много?

— У воды держатся. К осени нахальнее становятся.

Он рассказал, где ещё стоит смотреть под ноги. Я слушал внимательнее, чем вчера за ужином. Потом поблагодарил и вернулся к Торену мыться.

Вечером еда показалась особенно вкусной. Я ел медленнее, чувствуя спину и ладони, и думал, что сегодня у меня получился очень странный набор достижений: заработал пять монет, помог построить навес и не дал маленькому хищнику откусить палец.

Первый полный день в мире.

Уложившись, я долго не мог найти положение, в котором плечи не напоминали бы о вчерашнем снаряжении, а спина

— о сегодняшних мешках. Потом устроился на боку и решил, что завтра хотя бы часть дня буду отдыхать.

На третье утро я отправился смотреть деревню.

С мечом на поясе, но без щита и нагрудника чувствовал себя почти налегке. Копьё оставил у Торена, предварительно спросив разрешения. Он кивнул на угол, где уже стояли два чужих посоха, и пообещал, что кормить его не будет.

Бродное оказалось больше, чем я успел увидеть. За домами возле колодца находились ещё дворы, площадка с сушившейся древесиной и огороды, тянувшиеся к невысокому берегу. Через реку шёл брод; мостик выше по течению подходил только для людей и небольших грузов. На противоположной стороне начинались луга.

Я перешёл мост, остановился посередине и посмотрел вниз. Вода обтекала опоры, у камней мелькали небольшие рыбы. Солнце дробилось на поверхности так, что от долгого взгляда заболели глаза. Я отвернулся и понял, что уже несколько минут просто стою.

В других играх я обязательно проверил бы, можно ли прыгнуть в реку, доплыть до изгиба, выбраться на дальнем берегу. Здесь первым делом вспомнил про сапоги, одежду и необходимость потом сушиться. Вода выглядела холодной. Проверку плавания я отложил.

На обратном пути меня окликнул Вельм. Он стоял возле своего двора с деревянным ящиком в руках.

— Ты сегодня занят?

Я остановился.

— Смотря чем.

— Дойти до леса сможешь?

За словом «лес» воображение немедленно дорисовало старую башню, неизвестное существо и хотя бы немного приключения. Я постарался, чтобы это не слишком отразилось на лице.

— Смогу. Что нужно?

Вельм поставил ящик на скамью. Под крышкой обнаружили небольшие глиняные ёмкости, обёрнутые соломой.

— Отнести Лиэре. Обещал ещё вчера, да не выбрался. Сюда в телеге привёз, а дальше всё руки не доходят.

Я осторожно поднял одну ёмкость, посмотрел на её широкое горлышко и вернул на место.

— Она кто?

— Травница. За лесным ручьём живёт, не в самой чаще. Мне обратно мазь передаст и ещё кое-что для Дары, если готово.

Задание становилось вполне понятным. Я посмотрел на ящик: размер небольшой, но тащить перед собой всю дорогу неудобно.

— Далеко?

— Если не плутать, меньше часа. Только сегодня уже к вечеру собралось. — Вельм поднял глаза на небо. С запада действительно надвигались тучи, которых я успел не заметить. — Она могла за травой уйти. Лучше завтра с утра.

Я удивился, что так быстро прошёл день. Деревня, мост, разговор с плотником у древесины, попытка разобраться, сколько стоят местные ножи, — всё заняло больше времени, чем казалось. Я собирался отдыхать, а в результате снова несколько часов проходил на ногах.

— Могу утром, — согласился я. — Как найти?

Вельм объяснил дорогу, показал нужное направление и повторил, возле какого дерева сворачивать. Я попросил ещё раз описать развилку. На третьем уточнении он принёс тонкую щепку и нацарапал на земле грубую схему.

Я присел рядом. Тут впервые пригодилась привычка разбираться в игровых картах, хотя земля вместо экрана выглядела непривычно.

— То есть ручей пересекаю здесь?

— Здесь. А вот сюда не уходи. Там старая вырубка.

Я запомнил.

Мы договорились о плате в две медных за дорогу туда и обратно. Ящик Вельм обещал подготовить к утру. Уже отходя, я спросил:

— Лиэра из ваших? Из Бродного?

Он задумался, как будто вопрос допускал несколько ответов.

— Давно здесь. Ещё до меня. Ты её увидишь — поймёшь.

Я хотел уточнить, но Вельма позвали из дома. Он поднял ящик и ушёл, оставив меня с направлением, именем и лёгким любопытством.

К вечеру дождь всё-таки начался. Сначала редкие капли застучали по пыли, потом потемнела дорога, под навесом запахло мокрым деревом. Я успел вернуться к Торену и теперь сидел у стены, слушая, как вода стекает с недавно уложенной крыши. На том месте, которое мы с ним укрепляли, ничего не капало. Я испытал неожиданную гордость.

Дара принесла еду. За соседним концом стола разговаривали двое приезжих, обсуждали дорогу и цены на камень. Торен время от времени вставлял слово. Я слушал вполуха, перебирая в голове завтрашний маршрут.

Потом вспомнил про счёт дней.

Никакой надписи с датой не было. Можно было спросить местных, но их календарь ещё пришлось бы понять, а мне важно было просто не потерять тридцать суток. Я попросил у Дары что-нибудь, на чём можно сделать несколько отметок. Она поискала возле печи и дала обрезок дощечки с неровным краем.

Я поднялся за ножом, который нашёл среди дорожных принадлежностей, сел ближе к свету и вырезал три короткие черты. Торен заметил и покосился на дощечку.

— Долги считаешь?

— Дни.

— До чего?

Я провёл ногтем по последней зарубке, проверяя глубину.

— До возвращения.

Хозяин кивнул, не спрашивая куда. Видимо, путеше-

ственнику, который остановился на ночь и остаётся третий день, вполне полагалось когда-нибудь вернуться домой.

Я убрал дощечку в сумку, поблагодарил за ужин и задержался под навесом. За двором поблёскивали лужи. В глубине улицы кто-то торопливо закрывал ставни, из мастерской гнома ещё доносились удары. Над домами постепенно темнело небо, и дождь стал тише.

Три дня.

Впереди оставалось двадцать семь, и я уже начинал подозревать, что их не хватит даже на эти места. Нужно было дойти до города, увидеть карьер, выбраться в лес с кем-нибудь, кто умеет отличать полосатого хищника от безобидного. Поговорить с гномом — желательно так, чтобы он не решил, будто я пришёл мешать работе. Ещё хорошо бы научиться нормально носить щит.

А завтра я собирался отнести горшочки травнице.

Я подумал, что звучит это не особенно впечатляюще. Потом представил влажную лесную тропу, ручей и дом человека, которого ещё не видел, и поймал себя на том, что снова улыбаюсь.

Лишь бы утром не забыть, возле какого дерева сворачивать.

Глава 4. Дом у леса

Утром Вельм вручил мне ящик, ещё раз объяснил дорогу и велел не ставить его на бок.

Ящик оказался тяжелее, чем выглядел накануне. Я приподнял крышку, проверил, хорошо ли лежат горшочки, и попробовал пристроить груз под мышкой. Что-то тихо стукнуло. Вельм сразу нахмурился.

— Обеими руками держи, за дно. Там обжиг тонкий.

— Да, так надёжнее. Сейчас перехвачу.

— Вот так и неси. Отдать-то целые отдам, а дойдут ли — теперь твоя забота.

Он подождал, пока я устрою ящик поудобнее, и добавил:

— Скажешь, Вельм прислал. Мазь мою забери, и для Дары у неё приготовлено. Отдельно попроси, вместе не клади.

Я кивнул. Поскольку Торен утром уже успел напомнить о своём поручении, забыть его было бы трудно. Получалось, что едва я собрался выйти за деревню, несколько человек сразу нашли применение моим ногам.

На этот раз я оставил в комнате щит, нагрудник и копьё. Час по знакомой людям тропе с ящиком в руках не казался причиной тащить весь набор. Меч висел на поясе, сумка — на другом боку; я старался идти ровно и не думать о том, сколько будет стоять каждый разбитый горшочек.

После ночного дождя деревня выглядела иначе. Земля

возле колодца превратилась в тёмную кашу, с крыш ещё капало, а над рекой лежали клочья тумана. Кто-то уже гнал животных на луг. Я пропустил стадо, дождался, пока мимо пройдёт мальчишка с прутом, и свернул к лесу.

Первые полчаса дорогу я помнил прекрасно. Потом встретилось дерево, которое вполне подходило под описание Вельма, но за ним стояло ещё одно, ничуть не хуже. Я остановился, переставил ящик на сухой пенёк и попробовал мысленно восстановить вчерашний рисунок на земле.

Если дерево раздваивается ниже головы, сворачивать надо до ручья. Если выше — я уже ушёл дальше, чем нужно. На обоих раздвоение начиналось примерно у моего лица.

Я решил сначала найти ручей.

Он обнаружился через несколько минут, и вместе с ним — мостки из трёх толстых плах. На другом берегу виднелась узкая, хорошо протоптанная тропа. Я перешёл, стараясь не смотреть на мокрую древесину, и почти сразу почувствовал дым.

Дом стоял у края небольшой поляны. За ним поднимался лес, перед ним тянулись грядки, огороженные невысокими жердями. Под навесом висели пучки растений, вдоль стены лежали расколотые поленья. Возле крыльца девочка перебирала что-то в широкой корзине. Услышав шаги, она подняла голову, посмотрела на ящик и закричала в открытое окно:

— Мам! Это Вельмовы горшочки! Только принёс не Вельм, тут другой!

Из окна отозвались:

— Пусть поставит у крыльца, милая. Посмотри, не побились ли по дороге.

Девочка снова посмотрела на меня. Я успел сказать:

— Я вроде ничего не разбил. Но лучше проверь.

Она не улыбнулась, только подвинула корзину, освобождая место возле ступеньки.

— Вот сюда можно, я корзину отодвину. Только на самый край не ставь, у нас ступенька качается. Мама сейчас выйдет, ей руки домыть надо.

Я осторожно опустил ящик и распрямил пальцы. Дорога в итоге заняла больше часа, и носить груз перед собой оказалось труднее, чем я представлял. Пока я растирал затёкшие кисти, девочка приподняла крышку и со знанием дела проверила верхний ряд.

На вид ей было лет десять или одиннадцать. Худые колени в пыли, тёмные волосы собраны неровно, один рукав закатан выше другого. Она хмурилась над горшочками так серьёзно, что я уже начал опасаться скрытой трещины, когда из дома вышла женщина.

— Ильна, ты ему хоть выпрямиться дай. Вон как пальцы разминает. Дошёл, донёс — теперь уж горшочки от него не убегут.

Я поднял глаза и забыл, что собирался ответить.

У женщины были заострённые уши.

Всё остальное я заметил позже: светлые волосы, собран-

ные на затылке; несколько выбившихся прядей, прилипших к виску; узкое лицо и большие серо-зелёные глаза. Она вытирала руки полотенцем, перебрасывая его с ладони на ладонь, и смотрела на меня с явным ожиданием.

Я молчал слишком долго.

— Неужели я с утра так страшна? — спросила она наконец.

— Нет, я просто...

— После дождя волосы вечно выбиваются. Но чтобы люди слова забывали — такого за ними ещё не водилось.

Я почувствовал, как у меня нагреваются уши, к счастью самые обыкновенные.

— Извините. Не хотел пляться. Меня Алексей зовут, я от Вельма.

— Ну вот, нашлось и имя. А я Лиэра. Заходи к нам, Алексей.

Она спустилась на ступеньку, подала мне ещё влажную руку и кивнула дочери:

— Доставай, дочка. Помнишь, как держать? Ладонью снизу, чтобы горлышко не откололось.

Я пожал ей руку. Кожа оказалась тёплой, возле основания пальцев чувствовались маленькие мозоли. Лиэра отпустила меня, придержала крышку ящика и наклонилась к горшочкам. Я, получив возможность смотреть без риска быть пойманным, снова задержал взгляд на её ухе.

Гном в мастерской был неожиданностью. Здесь я заранее

знал, что пришёл к травнице, представлял дом, растения, ступку. В воображении успела сложиться женщина постарше, с тяжёлой косой и грубыми руками. Лиэра выглядела ненамного старше меня. При этом она без всякой суеты поправляла действия дочери, разговаривала со мной и проверяла работу гончара.

— Я ещё вчера под них полку освободила, — сказала она, подняв горшочек к свету. — Думала, Вельм сам заглянет.

— Он меня только к вечеру поймал. Сказал, лучше утром идти: вдруг вас дома нет.

— Тут он рассудил верно. Вчера бы пришёл — до темноты ждал бы у двери. Мы с Ильной поздно вернулись.

Ильна поставила последнюю ёмкость рядом с остальными. Лиэра провела пальцем по ободку, довольно кивнула и заглянула в пустой ящик.

— А обратно тебе что велено нести? Не хотелось бы Вельма без мази оставить, а Дару — без обещанного.

Я перечислил. Она выслушала, затем повернулась к дочери:

— Принеси, пожалуйста, с нижней полки, с синей ниточкой. И Дарино захвати, оно в тряпице завёрнуто.

Девочка исчезла в доме, а я наконец вспомнил, зачем вообще шёл.

— Всё-таки две вещи. А то Вельм сказал: «Она сама знает», и я решил, что обязательно что-нибудь забуду.

— Не переживай, покажу, что кому отдавать. У Вельма

всё в голове по своим местам лежит, только другим он эти места не всегда указывает.

Лиэра усмехнулась, повесила полотенце на гвоздь и указала на скамью у стены.

— Садись пока. Мне ещё процеживать, а потом должно остыть. С горячим по лесу тебя не отпущу.

На скамье лежал мешок с сухими стеблями. Я переставил его, сел и вытянул ноги. Лиэра внесла горшочки в дом, а Ильна вернулась с двумя свёртками и маленькой закрытой плоской.

Уши у девочки оказались похожими на материнские, но не совсем. Они были чуть длиннее человеческих, с мягким, не таким острым кончиком. Я заставил себя не рассматривать её слишком пристально. С первым гномом уже получилось неловко, повторять знакомство по той же схеме не хотелось.

Ильна поставила всё на край скамьи, забрала мешок и снова устроилась возле корзины. Вскоре пальцы у неё были заняты стеблями: она разламывала их, откладывая одни части вправо, другие влево. Я некоторое время наблюдал, затем спросил:

— Что делаешь?

— Мокрые убираю. Они сверху сухие, а внутри ещё нет, их нельзя вместе оставлять.

— Серьёзная работа. А растение как называется?

Она назвала его, и я почти сразу забыл слово. Листья бы-

ли узкими, с красноватой полоской у основания. Ильна показала мне целую веточку и дала понюхать. Пахло терпко, немного смолой.

— А зачем корни отдельно?

— Какие корни? Тут же узелки, видишь? Это стебель! — Она поднесла веточку ближе, чтобы я рассмотрел.

Я посмотрел внимательнее. Действительно, не корни.

— Понял.

Девочка помолчала, потом выбрала из корзины ещё один стебель и показала, где ломать. Я взял, повторил её движение и получил две неровные половины.

Ильна посмотрела на них с сомнением.

— Ниже надо, до тёмного места. Тогда этот кусочек тоже останется, он нам нужен.

— Ага, понял. Давай ещё один, я попробую нормально.

Она подвинула корзину так, чтобы мне было удобнее брать. К возвращению Лиэры передо мной лежала небольшая кучка, которую девочка уже дважды исправила.

— Смотрю, у тебя уже помощник завёлся, — сказала травница. — Скоро мне самой здесь места не останется.

— Он спросил, что я делаю, а я показала! — Ильна подняла голову. — Только сначала не так ломал. Теперь уже получается.

Лиэра перевела взгляд на мои руки.

— Тогда расскажи ещё про потемневшие. Ты их уже знаешь, а Алексей пока не научился отличать. Будешь у него

наставницей.

Мы перебирали стебли ещё некоторое время. Ильна объясняла коротко, не повторяя очевидного, и я постепенно научился отличать то, что вначале казалось одинаковым. Иногда она молча забирала у меня кусочек и перекладывала в другую кучку. Это раздражало совсем немного — ровно настолько, чтобы в следующий раз посмотреть внимательнее.

Из дома пахло горячей водой и горькими травами. Лиэра то появлялась на пороге, то уходила обратно, помещивала что-то в маленькой посуде и оставляла остывать. Один раз попросила подержать край ткани, пока она процеживала тёмную жидкость. Я встал, подошёл, стараясь не задеть головой низко висящую связку, и обнаружил, что дом внутри больше, чем выглядел снаружи.

У окна стоял рабочий стол, возле печи — ещё один, маленький. Вдоль стены тянулись полки с мешочками, коробочками, глиняной и деревянной посудой. Между связками сушёных растений оставались аккуратные промежутки. На одной полке лежали две книги, завёрнутые в ткань, и несколько тонких дощечек с надписями. В глубине виднелась дверь в другую комнату.

Я втянул воздух и сразу чихнул.

Лиэра придержала сосуд.

— Отвернись к двери, милый, сейчас ещё раз чихнёшь.

— Извините. Тут запах прямо в нос.

— Это с непривычки. Я сама в первый год без конца чи-

хала. Только ткань не отпускай, дай мне слить.

Я отвернулся и дождался, пока она закончит. Когда мы опустили ткань, травница внимательно посмотрела на моё запястье.

— Обо что ты руку содрал?

Я взглянул на тонкую полоску.

— Вчера в грядку упал. У Вельма. Зверь какой-то на меня побежал, я и отскочил неудачно.

— Подойди к свету. Дай посмотрю, не осталось ли там чего.

Я послушно протянул. Она повернула кисть к свету, отпустила и указала на кувшин.

— Промой-ка ещё. Здесь, у самого края, земля осталась. Мало тебе грязных штанов, ещё и руку потом лечить.

Сказать, что я уже мыл, хотелось, но под ногтем действительно нашлась тёмная грязь. Я поднёс руку к воде. Лиэра вернулась к столу, а потом дала маленькую тряпицу, чтобы вытереться.

Ничего не засияло, над головой не появилась отметка о восстановлении здоровья. Я только стоял в чужом доме с влажной рукой, пока хозяйка разливала приготовленное по новым горшочкам.

— У вас тут всегда столько всего? — спросил я.

— Бывает тише. Только это обычно значит, что я чего-то не успела, и оно ждёт завтра.

— Если нужно, я бы помог. С чем-нибудь простым для

начала.

Лиэра подняла глаза и посмотрела на меня с тем же вниманием, с каким только что рассматривала царапину.

— Ты заработать хочешь или присмотреться пришёл? Спрашиваю, чтобы потом нам с тобой не обижаться друг на друга.

Я замялся. От Вельма мне полагались две медных. Братъ ещё за то, что сидел и разговаривал с девочкой, казалось странным.

— Скорее второе. Мне вообще интересно, как тут всё устроено.

— Тогда посиди, посмотри. А послезавтра я собираюсь дальше в лес; вдвоём больше унесём. Если придёшь корзину носить, за это уже рассчитаюсь.

Я сразу согласился. Лиэра кивнула, поставила остывшую плоску в ящик и отдельно вложила свёрток для Дары.

Перед уходом Ильна отдала мне забытый поясной ремешок. Я не заметил, как снял его, когда садился. Девочка дождалась, пока я проверю ящик, и серьёзно напомнила:

— Только держи ровно! Если наклонить, под крышку затечёт, и всё липкое будет.

— Да, Вельм уже предупредил. Не волнуйся, донесу.

— Он всегда так говорит про горшки. А я про мазь, с ней хуже. Горшок хоть вымыть можно.

Лиэра рассмеялась и скрылась в доме. Я подхватил ящик, поблагодарил обеих и вышел за ограду.

По дороге обратно всё время хотелось обернуться. Из трубы поднимался дым, Ильна опять сидела у корзины. Лиэра что-то сказала ей из окна. Девочка возразила, я не расслышал слов, и снова взялась за стебли.

Я подумал, что Марку теперь придётся выслушать отдельный рассказ про эту девочку. Даже мелкое недовольство работой у неё получалось убедительно.

На следующий день я никуда далеко не ходил. Помог Тору с запасами, забрал у Вельма плату и попробовал разобраться, что могу купить на заработанное. Оказалось, что еда и крыша над головой съедают деньги заметно быстрее, чем я ожидал. С другой стороны, я пока и не пытался найти работу, для которой утром выбирал меч.

Дара спросила, как мне Лиэра. Я ответил, что она приятная, и хозяйка фыркнула.

— Оно и хорошо. Ты только с поручениями у неё не запаздывай.

— Она сильно ругается?

— Бывает, и вовсе не ругается. Стоишь перед ней и сам себе не рад. Я раз посуду вернуть забыла, с тех пор всегда сразу отдаю.

Она встряхнула тряпку и вернулась к столу. Я хотел спросить об эльфах, но во дворе появились приезжие, и разговор пришлось отложить.

К Лиэре я отправился на шестое утро. Дорогу нашёл уже без колебаний; возле знакомых деревьев даже остановился

и проверил, как мог их перепутать. При дневном свете одно оказалось совсем не похоже на другое.

Травница ждала у дома с двумя корзинами. На ней был короткий плащ, волосы убраны под платок. В руках она держала посох, больше похожий на крепкую палку с удобной рукоятью. Увидев меня со щитом и копьём, Лиэра остановилась посреди движения.

— Алексей, да ты к нам как на приступ собрался. Не тяжело столько нести?

Я посмотрел на своё оружие.

— Ну, лес всё-таки. После Вельмова зверя я решил лучше перестраховаться.

— Копьё бери, если спокойнее. А щит оставь: где я хожу, он у тебя за каждую ветку цепляться будет. Нам ведь ещё обратно с полными корзинами идти.

Пришлось оставить щит под навесом. Копьё я сохранил. Лиэра пожала плечами и вручила мне пустую корзину.

Ильна оставалась дома. На прощание мать напомнила ей, что нельзя сушить новые растения поверх старых, а воду лучше принести до полудня. Девочка стояла у двери, разглядывая мой щит.

— Я сначала новые разложу, а старые пока наверху оставлю. Ладно?

— Хорошо. — Лиэра подтянула ремешок корзины. — И крышку с горшка не снимай: вчера рано открыла, опять пришлось греть.

— Я только посмотреть хотела, готово или нет. Сегодня не буду, честно.

Ильна заговорила быстро, словно мать могла вспомнить ещё какое-нибудь поручение. Я отвернулся, скрывая улыбку. Лиэра заметила, но ничего не сказала. За оградой она проверила, закрыта ли калитка, и повела меня по тропе вдоль ручья.

Лес начинался постепенно. Сначала деревья стояли редко, между ними ещё виднелись старые пни, затем сомкнулись ветви, и стало прохладнее. Свет лежал на листьях пятнами. В низине сохранилась влага, пахло грибами и мокрой корой. Я смотрел по сторонам и старался запоминать повороты, хотя Лиэра почти не останавливалась.

— Далеко сегодня заберёмся? — спросил я. — Ты каждый день таким маршрутом ходишь?

— Нет, всё по своим местам растёт. Сегодня повыше поднимемся, к сухим склонам. После дождя как раз можно идти.

— А возле дома не приживается?

Она посмотрела через плечо.

— Кое-что приживается. Только если всё пересаживать, огород до самой деревни придётся тянуть. И всё равно найдётся такое, которому моя грядка не по нраву.

Я усмехнулся и перехватил корзину. Лиэра шла легко, не особенно выбирая место для шага. Через несколько минут я понял, что выбирает, просто успевает раньше меня: обходит скользкие корни, не ставит ногу в траву с тёмной середи-

ной, пригибается там, где мне приходится отдёргивать лицо от ветки.

Стараясь не отстать, я перестал вертеть головой и начал смотреть под ноги. Идти сразу стало проще.

На первой остановке она показала мне растение с мелкими светлыми листьями. Велела брать только верхние части и не складывать мокрые вместе с сухими. Я присел рядом, проверил стебель, сорвал.

— Вот этот подойдёт? Снизу ещё несколько листьев оставить?

Лиэра посмотрела, кивнула и занялась своей корзиной.

Увидев похожий куст чуть дальше, я с удовольствием направился к нему. Корзина быстро наполнялась. Было приятно обнаружить занятие, в котором я могу приносить пользу, не спрашивая о каждом движении.

Когда Лиэра подошла проверить, выяснилось, что приятно мне было рано.

Она вынула несколько стеблей, положила на камень и указала на листья.

— Положи рядом с моим. Видишь, по краю мелкие зубчики? На свет поверни, так заметнее.

Я взял по одному. У нужного края были ровнее, у моего — почти незаметные зубчики. Раньше я их не разглядел.

— Я их вообще за одинаковые принял, — признался я.

— Почти все вначале принимают. Теперь знаешь, где искать разницу. Остальное тоже переберём, а то твоя поспеш-

ность мне в отвар попадёт.

Она не повысила голос. Просто присела, отобрала неправильное, а затем заставила меня показать нужный куст и объяснить различие. Пришлось смотреть внимательнее. Я ожидал, что предрасположенность авантюриста сейчас поможет опознать всё с первого взгляда, но тело молчало. Видимо, уметь не умереть в дороге и знать рецепты Лиэры были разными вещами.

— Из меня пока помощник так себе, — сказал я, убирая негодные стебли. — Одна бы ты уже всё собрала.

— Сегодня, пожалуй. А в следующий раз смогу тебе корзину дать и в другую сторону пойти. Если, конечно, ты не решишь, что я слишком придирчива.

Я посмотрел на неё. Лиэра уже вернулась к работе, и по лицу нельзя было понять, относилось замечание только к растениям или ко мне вообще.

Следующий час я работал без самостоятельности. Копьё несколько раз оказывалось не там, где нужно, корзина цеплялась за кусты, а колени промокли. Зато растения в ней постепенно перестали вызывать замечания.

Лиэра время от времени называла то, что мы проходили, показывала следы, объясняла, где можно набрать воды. Несколько раз я ловил себя на том, что понимаю её слова раньше, чем успеваю мысленно подобрать привычное название. Вещи оставались незнакомыми, язык — понятным. Как они это сделали, я не представлял, но очень хотел потом

спросить.

За небольшим подъёмом мы вышли к оврагу. На дне шумел ручей, после дождя он стал шире. Через промоину лежал ствол, с которого когда-то обрубили ветки. Лиэра оставилась, ткнула посохом в ближний конец и нахмурилась.

— Ночью землю из-под края вымыло. Раньше он тут крепко лежал.

Я подошёл, посмотрел вниз. Высота была небольшой, зато внизу темнели камни и вода бежала достаточно быстро. Другого удобного перехода рядом не виделось.

— Может, просто в обход?

— Есть выше место. Только до него ещё идти и идти. Сейчас гляну, что у нас здесь.

Я поставил корзину на землю и внимательно оглядел ствол. Та часть, что лежала на нашем берегу, слегка нависала над пустотой. Пока Лиэра проверяла опору, я заметил чуть выше плоский участок и несколько крупных камней.

— А если камнями подпереть? Смотри, вон тот плоский, должен встать.

Она присела рядом, посмотрела и велела сначала проверить, не сползёт ли край. Я опёрся на копьё, надавил ногой, затем осторожно поставил одну ступню на ствол. Он качнулся, но не сдвинулся.

Дальше пришлось повозиться. Мы перетаскали камни, подбили один под край, другой — сбоку. Лиэра держала корзины подальше от воды и несколько раз напоминала, чтобы я

не совал пальцы под дерево. Я уже слышал похожие замечания у Торена и решил, что в моём будущем списке полезных навыков сохранение пальцев явно занимает важное место.

Когда ствол сел устойчивее, я предложил перенести корзины первым. Лиэра некоторое время смотрела на переход, затем кивнула.

Я пошёл медленно. Копьём нащупывал опору сбоку, ступни сами разворачивались чуть иначе, чем на ровной дороге. На середине под подошвой скользнула мокрая кора. Я успел присесть, упереться древком и остановиться, прижав корзину к груди.

Сердце ударило быстро и тяжело.

На другом берегу оказалось особенно приятно поставить ноги на землю. Я отнёс корзину подальше, оглянулся и только тогда выдохнул.

Лиэра перешла следом, гораздо спокойнее. Посмотрела на меня, затем на корзину, где сверху лежали несколько смятых листьев.

— Ну как, целый дошёл? — спросила она.

— Листья немного прижал. Вроде не сильно.

— Листья переживут. Ты сам-то не ушибся? А то корзину так обнимаешь, будто она тебя вытаскивала.

Я поднял голову. Она стояла, чуть прищурившись, и улыбалась. Мне оставалось улыбнуться в ответ и признать, что почти купание состоялось.

На обратном пути мы обошли овраг.

Перерыв устроили на сухом месте под большими деревьями. Лиэра расстелила ткань, вынула хлеб, пару небольших яблок и свёрток. Я вспомнил про собственные припасы и достал сыр.

Она посмотрела на него, потом на сумку.

— У тебя сыр ещё остался? Ты где его брал?

— Это с собой был, ещё до деревни.

— И сколько он у тебя в дороге?

— Шестой день с собой ношу. Мне перед дорогой дали.

Лиэра отломил кусочек, понюхала и посмотрела внимательнее.

— Надо же, даже край свежий. Я думала, ты у кого-то в деревне раздобыл.

— Это сумка такая. Мне объяснили, в ней продукты не портятся.

Я сказал это почти буднично, но травница протянула руку.

— Можно швы погляжу? Давно таких вещей в руках не держала.

Она вывернула край, изучила швы, провела пальцем по подкладке. Я ждал, что она обнаружит надпись или хотя бы светящийся знак, но снаружи сумка оставалась обычной. Лиэра некоторое время держала её на ладонях, потом вернула.

— Береги её, Алексей. Хорошую работу тебе дали.

— Да, повезло с подарком. Сам бы я такую точно не нашёл.

— Значит, знали, что дарить путнику.

Я кивнул. Кто именно подарил, она выяснять не стала. Зато сыр разделила так, чтобы я не решил принести его весь к общему столу.

— Остальное себе заверни. Ты ещё не все здешние дороги прошёл, пригодится.

— Я пока только до города планирую. И то не решил когда.

— Тогда до города и оставь. У меня хлеба хватит, я на двоих брала.

Лиэра разломилла хлеб, подала мне половину и устроилась удобнее. На платке у неё зацепился сухой лист; я показал, она сняла его и бросила в сторону. Всё это время я пытался понять, сколько ей лет.

В деревне про неё говорили «давно». Дочь уже взрослая настолько, чтобы спорить, работать и оставаться дома. Выглядела сама Лиэра молодой, но разговаривала со мной так, будто успела встретить достаточно людей, уверенных, что они умеют носить корзины.

— Ильне одиннадцать? — спросил я вместо вопроса о возрасте матери.

— Одиннадцать весной исполнилось. Теперь ждёт, когда я забуду и назову десятилетней.

— В травах она здорово разбирается. Меня сразу поправила.

Лиэра слегка качнула головой.

— Есть такое. Иногда даже страшно, до чего уверенно

объясняет. Спросишь потом, откуда взяла, — оказывается, сама придумала. Приходится проверять, чему она тебя научила.

Я усмехнулся и откусил хлеб. Некоторое время мы ели молча. Сквозь листву доносился редкий птичий крик, недалеко трещали насекомые. Потом Лиэра посмотрела на меня поверх яблока.

— Я всё думаю, откуда же ты к нам пришёл. Слова наши понимаешь, а вещи порой словно впервые видишь.

Я замер.

— Слишком много спрашиваю, да?

— Спрашивай, мне не жалко отвечать. Просто речь у тебя уверенная, а про монеты, говорят, у Торена расспрашивал. Непривычно это вместе слышать.

Про деньги я ей не рассказывал. Наверное, успели рассказать Торен или Вельм. Деревня казалась небольшой, и мои попытки разобраться в монетах вполне могли оказаться единственным развлечением вечера.

— У нас всё немного иначе. Иногда даже не знаю, с чего спросить, — ответил я.

— Я тоже не сразу привыкла, когда сюда попала.

Она сказала это без насмешки. Я решил воспользоваться случаем:

— А у тебя как было? В смысле, ты ведь тоже откуда-то приехала?

— Только очень давно. Ты про то место спрашиваешь или

про здешнее?

— Давай сначала про то, когда ты здесь оказалась.

Лиэра опустила яблоко на ткань.

— С самого исхода здесь. Ещё когда на месте Бродного несколько шалашей стояло.

Я уже слышал слово от Марка, а затем несколько раз в деревне, но сейчас оно прозвучало иначе: как название события, которое человек помнит.

— И ты всё это помнишь? Сам переход тоже?

Она посмотрела на меня с лёгким удивлением.

— Помню, конечно. Куда же такому забыться? О том утра я потом столько думала.

Я поспешил объяснить, что имел в виду. Лиэра выслушала, слегка улыбаясь, пока я подбирал слова.

— Мне иногда дом наш снится, — ответила она, когда я наконец замолчал. — И мать, будто я ненадолго вышла. Ещё помню место у воды, там кору сушили. До смешного ясно всё: второй мешок на земле, верёвка мне ладонь натёрла, и я сержусь, что велели столько тащить.

Я подался вперёд.

— А про новый мир вам заранее рассказали? Или вообще непонятно было, куда попадёте?

Она задумалась, вертя яблоко в ладони.

— Говорили: леса будут, вода, земля для поселений. Кто бы пошёл, если бы думал, что там пусто? — Лиэра пожала плечом. — Мы расспрашивали, спорили. Но в конце концов

всё равно приходилось верить на слово.

Постепенно, с вопросами и паузами, сложился рассказ.

Они жили в большом лесу. На некоторых участках деревья росли так тесно, что между стволами приходилось идти по настилам; на других свет проникал далеко вниз, и там были сады. Поселение занимало гораздо больше места, чем Бродное, хотя каменных домов почти не было. Лиэра помнила переходы, запах жилища после дождя, соседа, который держал слишком голосистых птиц.

Потом старшие объявили об исходе. Желаящих оказалось больше, чем можно было отправить. Решали по жребию, учитывали семьи, спорили. Лиэра рассказывала без торжественности, иногда возвращаясь к детали, которая была для неё важнее всего остального.

Я ловил себя на том, что жду объяснения устройства перехода, а она вспоминает, как мать перекладывала её вещи и сердилась, что дочь берёт слишком мало тёплого.

— А мама с тобой не пошла?

Лиэра покачала головой.

— Она осталась. Жребий мне достался, а ей — нет.

Я посмотрел на хлеб в своей руке и только потом спросил:

— Слушай, а сам переход как выглядел? До света можно было дотронуться?

Она помолчала.

— До него я не дотрагивалась. Помню, впереди люди шли, и я всё пыталась заглянуть им через плечи. Свет был такой,

что лиц не разобрать. Шагнула следом — и деревья уже чужие, и пахнет иначе.

— И рядом совсем никого?

— Были, только не из наших. Люди растерянные, кто-то детей зовёт, кто-то мешки пересчитывает. Позже гномов встретили. А знакомых лиц я сколько ни искала — ни одного.

Я вспомнил, что система создавала персонажей уже с готовыми воспоминаниями. Сейчас напротив сидела одна из них и совершенно уверенно рассказывала о матери, которая перекладывала вещи в мешке. Мне хотелось спросить, почему разработчики не оставили ей хотя бы кого-то знакомого.

Вслух я этого, конечно, не сказал.

— Ты потом пыталась их найти? Не только в тот день?

— Долго пыталась. Купец придёт — я к нему, лодка пристанет — опять расспрашиваю. Иногда рассказывали такое, что я уже готова была собираться.

— Но всё-таки узнала что-нибудь?

Лиэра провела большим пальцем по коже яблока.

— Узнала, что эльфы здесь есть. Уже от этого полегчало, а то думала всякое. Только пока вести собирала, здесь люди родными стали. Потом дочь родилась... У неё уже этот дом свой, не тот, о котором я рассказываю.

Она произнесла последние слова с едва заметной улыбкой. Я подумал об Ильне и решил не спрашивать сразу всё остальное.

Лиэра допила воду и начала собирать ткань. Я помог, убрал сыр в сумку. В голове осталось слишком много вопросов, но корзины сами себя домой не отнесут.

— Я бы ещё послушал, если ты не против, — начал я, поднимаясь. — Про твой лес. И вообще как вы тут устраивались.

— Расскажу, куда они от меня денутся. — Она взяла посох. — Только давай сперва домой. Ильна уже, наверное, на дорогу выглядывает.

На следующий день выяснилось, что правильно собрать — только половина дела.

Лиэра дала мне широкое сито и усадила у навеса. Попросила раскладывать растения так, чтобы между ними оставалось место. Ильна работала рядом, отделяла повреждённое. Через некоторое время мы втроём передвинули рамки под крышу, потому что солнце стало слишком ярким.

На сегодня я уже знал, что не нужно спрашивать «почему не на солнце, быстрее же». Лиэра сама объяснила, что именно здесь должно высохнуть, а что — сохраниться. Я не всё запомнил, зато руки постепенно научились не хватать стебли целыми пучками.

Работа шла медленно. Разговаривать при ней было удобно: смотреть в лицо собеседнику каждую секунду не требовалось, а молчание не казалось неловким.

Ильна спросила, откуда я взял меч. Я ответил, что получил перед дорогой.

— А ты им уже дрался? По-настоящему? Кого-нибудь

убил?

Я остановился с листьями в руках.

— Этим мечом? Нет, пока не довелось.

— И зверя тоже ни одного? А у нас охотники с копьями ходят.

— Я здесь и на охоту ещё не ходил. Только от одного зверя в грядку убрался.

Девочка задумалась. Лиэра продолжала раскладывать растения, будто вопрос был самым обычным.

— А попробовать хотел бы? — спросила Ильна. — На охоте, я имею в виду.

— Сначала с кем-нибудь знающим схожу. А меч пусть пока побудет: если понадобится, сбегать за ним не успею.

Она посмотрела на мать. Та скрывала улыбку, и девочка решила, что ответ можно принять.

Позже Лиэра попросила меня принести воду. Я взял два ведра и сходил к ручью. На обратном пути понял, почему не стоит наливать до самого края. Вода била по сапогам, ручки тянули пальцы, а поставить вёдра по дороге было негде без риска опрокинуть. К дому я добрался уже с правильным, уменьшенным количеством.

Ильна вышла помочь и с деловым видом поставила подставку у двери.

— До этого обруча надо наливать, мама мне показывала. Я раньше тоже расплёскивала.

— Так. А я решил, чем больше, тем лучше. Надо было

сначала у вас инструкцию получить.

— Я сказать хотела! Ты уже за дверь ушёл, я не догнала. Теперь зато запомнишь.

Я посмотрел на неё, затем на собственные мокрые штаны. Девочка не выдержала и улыбнулась. Это была первая улыбка, которую я увидел у неё без попытки тут же спрятать.

За работу Лиэра расплатилась, как обещала. Монеты были обычными, ладонь после них пахла металлом. Я машинально ожидал ещё чего-нибудь: уведомления, нового умения, хотя бы ощущения, что продвинулся. Ничего не случилось. Только теперь я мог отличить несколько растений и понимал, почему вчера собирал неправильно.

Вечером, уже в своей комнате, я поймал себя на том, что считаю именно это результатом дня.

На дощечке появилась седьмая черта.

Восьмое утро Лиэра начала с похода в деревню. Я встретил их с Ильной у колодца: травница несла плетёную сумку, девочка — небольшой узелок. На голове у Лиэры был тот же платок, но волосы она убрала тщательнее.

Мы поздоровались. Я собирался спросить, нужна ли помощь, когда из дома напротив вышел пожилой мужчина. На нём была чистая тёмная рубаха, пояс затянут аккуратно, борода коротко подстрижена. Он шёл небыстро, немного берёт одну ногу.

Ильна сразу подняла голову.

— Дед! А мы к тебе, и ещё к Даре потом!

Он остановился. На лице мелькнуло выражение, которого я не успел разобрать; потом он протянул девочке руку.

— Здравствуй, Ильна. Давно тебя жду.

— Мы по делам пришли, Радан. Надолго не задержимся,
— сказала Лиэра.

Мужчина посмотрел на неё, затем на меня.

— С вами пришёл?

Я представился и объяснил, что встретил их возле колодца. Он кивнул:

— Радан. Староста здесь. О тебе мне уже говорили.

О Радане я уже слышал от Торена, но до сих пор мы не встречались. Я немного выпрямился, вдруг ощутив, что стоять рядом с чужим семейным разговором неудобно.

Радан снова обратился к внучке:

— Приходи ко мне и без дела, Ильна. Не годится так редко видеться, рядом ведь живём.

Ильна посмотрела на мать.

— Я в прошлый раз приходила! — ответила она. — А у тебя люди были, и ты дверь прикрыл. Я думала, нельзя мешать.

— Для тебя можно было время найти. Сказала бы, что внучка пришла, и подождала.

Лиэра поправила ремень сумки на плече.

— Вот то, что ты просил, Радан. Ильна, передай деду узелок.

Девочка протянула узелок. Радан принял его, потрогал че-

рез ткань и сказал, что за это мог бы прислать кого-нибудь сам.

— Мы уже принесли. В следующий раз пришли, если тебе так удобнее, — ответила Лиэра.

Пауза получилась короткой, но неприятной. Я переместился на полшага, делая вид, что рассматриваю колодезный ворот. Ильна постояла, потом потянула деда за рукав:

— Дед, а дощечка уже готова? Помнишь, ты мне с буквами обещал? Можно посмотреть?

Он сразу смягчился и велел зайти в дом. Девочка шагнула к нему, обернулась к матери. Лиэра кивнула.

— Иди, я здесь подожду. Только потом мне нужно к Даре, так что не засиживайся.

Они ушли вдвоём. Радан придержал дверь, подождал, пока внучка пройдёт, и только потом вошёл следом. Я проводил их взглядом.

— Давай я сумку возьму, — предложил я, чтобы не продолжать молчание. — Ты всё равно с ней до Торена идёшь?

Лиэра посмотрела на меня, затем протянула сумку.

— Возьми, спасибо. Неловко вышло при тебе. Бывает, слово ещё не сказано, а мы уже знаем, из-за чего поссоримся.

Я взял груз и не стал расспрашивать. Дорога до Торена оказалась короткой. Дара встретила травницу в воротах, спросила о приготовленном, потом обе ушли на кухню. Я остался под навесом, понимая, что сейчас лучше заняться чем-нибудь своим.

Когда они вышли, Дара несла пустую посуду, Лиэра — свёрток хлеба и мешочек. Они ещё несколько минут обсуждали кого-то из заболевших, после чего хозяйка ушла обратно, а травница села на лавку.

Я осторожно спросил:

— А Ильна с дедом нормально ладит? — осторожно спросил я.

Лиэра подняла на меня глаза.

— С ним она охотнее разговаривает, чем мы с ним друг с другом. Тебя напугало, что у колодца услышал?

Я вздохнул.

— Да я вообще не понял, куда смотреть. Решил, колодец безопаснее.

Она поправила край платка, посмотрела в сторону ворот и некоторое время молчала. Я уже решил извиниться за вопрос, но Лиэра заговорила сама:

— Он её любит. И она к нему тянется. Только Радан привык за своих решать, как им лучше будет. С дочерью-то я ещё могу спорить, а с ним всякий раз выходит тяжелее.

— Ей же всего одиннадцать. Что там сейчас решать?

— Для него уже есть что. Чему учиться, где жить, с кем знаться. Он наперёд думает, а я хочу, чтобы сначала саму Ильну спросили.

Я кивнул, не зная, что ответить. Лиэра заметила и усмехнулась:

— Не смотри так серьёзно, Алексей. Я тебя рассудить нас

не прошу. Просто ты спросил.

— Да я и не возьмусь. Я вас неделю знаю, и то не всю.

— Потому с тобой и легче говорить. Хоть старых ссор у нас ещё нет.

В воротах появилась Ильна с тонкой гладкой дощечкой. Девочка подошла, показала матери, как вырезаны края. На одной стороне шли ряды знаков. Я догадался, что это для письма или счёта.

Лиэра провела пальцем по дереву.

— Смотри, как гладко выскоблил. Руку не зацепишь, когда писать будешь.

— Он сам делал! И ещё сказал, потом другие знаки вырежет, когда эти выучу.

— Тогда береги. Дед тебе не на один день её готовил.

В голосе больше не было той осторожной сухости, с которой она разговаривала у колодца. Она вернула дощечку дочери, и та сразу понесла показать Даре.

Лиэра встала. Я поднял её сумку, помог устроить ремень на плече и спросил, не собираются ли они сейчас обратно.

— Заберу Ильну, и пойдём. А ты с нами хотел?

Я посмотрел на дверь кухни, откуда уже доносился голос Ильны.

— Нет, я пока здесь. Вечером, может, прогуляюсь куда-нибудь.

— Если к лесу соберёшься, за вырубки не сворачивай. Там и взрослые зря не ходят.

— Мне уже говорили. Я пока по вашим тропам буду.

— Вот и хорошо. А то придётся тебя по кустам искать, а мне и без того есть кого.

Она улыбнулась, поблагодарила за сумку и пошла за дочерью.

Отец Ильны оказался сыном Радана.

Узнал я это от Торена на следующий день, когда мы подтягивали крепление калитки. Хозяин держал петлю, я — створку. Он попросил поднять чуть выше, потом провернул крепёж и только после этого продолжил разговор.

— Эдрик у нас частый гость был, ещё пока Лиэра здесь жила. Молодой, весёлый. Её встретить придёт, а сам разговорится и сидит.

Я спросил, почему переехала. Торен пожал плечами, не выпуская инструмента.

— Для её работы у леса место лучше. Собрать близко, сушить есть где. Да и с Раданом не всякий уживётся. — Он замолчал, проверил петлю. — Тот сыну совсем другую жизнь готовил.

— Женить на ком-нибудь хотел?

— До того бы тоже дошло. Он хотел, чтобы сын при нём делами занялся, за хозяйством смотрел. А Эдрику охота да лес милее были. Вольный парень. Радан всё надеялся: побегаёт, образумится.

Калитка наконец встала ровно. Торен велел мне отпустить, сам открыл и закрыл её несколько раз. Я ждал.

— Так своего и не добился, — добавил он.

Про гибель Эдрика хозяин рассказал коротко. Ушёл с охотниками, попали на зверя. Других вытащили, его нет. Ильна тогда была маленькой, но отца помнила.

— То есть он теперь считает, что это из-за Лиэры всё?

Торен посмотрел на меня уже без прежней рассеянности.

— От него самого слышал или от людей?

— Нет, я просто по их разговору подумал.

— По одному разговору не суди. Ты их недавно знаешь, а они с этим много лет живут.

Я прикусил язык. Хозяин вытер ладонь, подхватил инструмент и понёс его к навесу.

— Сын у него погиб, — сказал он уже оттуда. — Иные от такого тише становятся, Радан — нет. Лиэра тоже за словом не прячется. Оба помнят лишнее, вот и цепляются.

Больше я расспрашивать не стал.

Мне было любопытно, как глубоко всё устроено. В обычной игре история звучала бы примерно так же: травница, погибший муж, недовольный староста. Но там её обычно рассказывали целиком, чтобы я понял, кто прав и что требуется сделать. Здесь никто не просил меня их примирить, разыскать доказательство или объяснить Радану, что он ошибается. Люди жили с этим до моего появления и продолжали жить, пока я занимался калиткой.

Я поймал себя на желании ещё раз сходить к Лиэре. Не за новым поручением. Просто посмотреть, как у них дела.

Решил, что по пути спрошу про растения, названия которых так и не запомнил. Повод был не особенно убедительным: никто от меня его и не требовал.

На десятый день я задержался у дома травницы до вечера. Пришёл сначала с пустыми руками, но Лиэра без труда нашла им занятие: нужно было переложить поленья под навесом, чтобы добраться до заднего ряда. Ильна стояла возле стены и рассуждала, что если бы я умел колдовать, мы уже всё закончили бы.

— Ильна, подай ему пока хоть маленькие, — позвала мать из окна. — Магию обсуждать и после работы успеем.

Девочка показала мне язык, хотя замечание относилось явно не ко мне, и принялась помогать. Я подавал ей маленькие поленья, тяжёлые относил сам. Когда добрались до стены, Лиэра вышла посмотреть на отсыревшие доски.

— Вон где сырость пошла. Хорошо, что добрались: ещё немного — и стену бы повело, — сказала она.

Я ожидал ещё какого-нибудь этапа работы, но она махнула рукой: остальное сделает сама. Под навесом стало просторнее, и мы с Ильной устроились на низкой скамье. Девочка достала свою новую дощечку и принялась показывать, что на ней написано.

Часть знаков я узнавал. Не так, как узнавал слова на слух, но смысл короткой надписи всё-таки удалось разобрать. Ильна терпеливо поправила, когда я прочитал неверно. Потом сказала, что дальше сама ещё не выучила.

Из дома послышался стук. Лиэра поставила на столик у двери небольшую чашу, провела по её краю пальцем и задержала ладонь над тёмной подставкой. На миг в углублении появился слабый свет.

Я выпрямился.

— Подожди, а что ты сейчас сделала?

Она подняла голову.

— С чашкой, что ли? Подогреть надо, остыла.

— Нет, я про свет. У тебя под рукой что-то засветилось.

Ильна посмотрела на меня с недоумением. Лиэра проследила за моим взглядом и взяла подставку.

— Это подставка так греет. Подойди, покажу, только пальцами пока не берись.

Я встал, подошёл ближе. В середине был закреплён мутный камешек, вокруг виднелись тонкие линии. Лиэра поднесла мою ладонь к чаше, не давая коснуться.

От неё шло тепло.

— Так она зачарованная? Настоящая магическая штука?

— Зачарованная, да. Печку не заменит, а для маленькой чашки в самый раз.

Я рассмеялся от удовольствия и тут же понял, как странно, должно быть, выгляжу.

— Извини, я просто такого вживую не видел. У нас всё по-другому.

Лиэра не стала уточнять. Вернула чашу на место и велела Ильне не трогать, пока остывает.

— Я бы тоже так попробовал, — признался я. — Этому долго учиться?

— Эту подставку нагреть — недолго. А свою сделать я и сама не возьмусь.

— Мне хотя бы с чего-нибудь начать. Интересно же.

Она посмотрела на меня поверх чаши.

— Тогда начни с простого. Только за один вечер не жди от себя чудес: с травами ты тоже сперва всё одинаковое набирал.

Мы поговорили об этом ещё немного. Оказалось, сама Лиэра умеет не так много, как я уже успел придумать. Подставку сделал другой мастер, её можно было использовать ограниченное время, и на каждую травницу такой вещи не приходилось. Для простого отвара чаще хватало огня.

Я слушал, рассматривал линии и пытался понять, чему здесь можно научиться за двадцать оставшихся дней. Сразу всему, очевидно, не получится. Но попробовать хоть немного хотелось ужасно.

Когда я вернулся на скамью, Ильна уже не смотрела на меня с недоумением. Спросила, могу ли я показать, как устроено что-нибудь у нас.

Пришлось подумать. Телефона под рукой не было, объяснять сеть на лесной поляне казалось преждевременным. В конце концов я взял прутик и нарисовал на земле дом с лампочкой.

— У нас, например, дома лампы. Вот здесь нажимаешь —

загораются. Вечером вообще огонь разводить не надо.

Девочка наклонилась ближе. Я показал выключатель, объяснил, что нажимаешь — свет горит. Лиэра присела на край ступеньки и некоторое время слушала вместе с дочерью.

— И у вас у всех такие? — спросила она. — Не только в богатых домах?

— Почти у всех. У меня в каждой комнате.

— А чем заправляешь? Масло ведь всё равно куда-то наливаться надо?

— Да нет, там не масло. До дома идёт... — Я задумался, как объяснить провод без длинного разговора, и добавил на рисунке линию. — Вот по этому энергия приходит. Я сейчас очень примерно объясняю.

Ильна решила, что так гораздо удобнее, чем носить светильник. Лиэра спросила, что случится, если линия порвётся. Я признал, что тогда будет темно.

— Я бы всё-таки светильник оставила про запас. А то порвётся это у тебя ночью — ищи потом в темноте, — сказала она и поднялась.

Мне осталось согласиться. Впервые за весь день я рассказывал о чём-то знакомом и не чувствовал себя человеком, который не умеет ни куст выбрать, ни ведро наполнить. Правда, рисунок дома получился кривой, и Ильна исправила крышу.

Лиэра позвала есть.

Оставаться я не собирался. Думал закончить с поленьями,

задать несколько вопросов и уйти. Но на столе уже стояли миски, из дома пахло печёным, и хозяйка, заметив колебание, просто велела помыть руки.

Мы ели у крыльца. В лесу постепенно стихали птицы, возле навеса кружились мелкие насекомые. Ильна рассказывала, как дед обещал показать ей счёт больших чисел, если она перестанет путать маленькие. Лиэра слушала и время от времени вставляла замечание. Я смеялся, когда девочка изображала, как Радан проверяет её ответы, и старался не думать о том, сколько отдельных разговоров потребовалось разработчикам для одного такого вечера.

Потом перестал и стараться. Доел, помог убрать со стола и поймал себя на том, что мне не хочется торопиться обратно.

На прощание Лиэра спросила, надолго ли я ещё в Бродном.

— Я ещё не решил. Хочу до города добраться, тут уже все про него рассказали.

— У Торена узнай, кто туда в ближайшие дни идёт. С людьми тебе спокойнее будет, и ночевать покажут где.

Я пообещал. Ильна, уже стоявшая на крыльце, вдруг добавила:

— А когда вернёшься, ещё про свой дом расскажешь? — спросила Ильна. — Ты только свет показал, а там ведь ещё что-нибудь есть!

— Есть, конечно. Вспомню что попроще, чтобы нарисовать сумел.

— Только крышу давай я! А то у тебя дождь весь внутрь затечёт.

— Ладно, крышу тебе доверяю.

Обратно я шёл знакомой тропой. Воздух остыл, у ручья стало совсем сыро, но до темноты я успевал. Один раз остановился возле развилки и посмотрел на землю, где несколько дней назад пытался найти правильное направление.

Сейчас вопроса, куда идти, даже не возникло.

У Торена я поднялся в комнату, достал дощечку и добавил десятую зарубку. Некоторое время держал её в руке, пересчитывая черты. Третий месяца уже прошла. Я ещё не видел ни города, ни карьера, зато мог без подсказки дойти до дома у леса, отличал несколько растений и знал, как зовут женщину, которая сердится, если собрать их неправильно.

Рассказать Марку об этом будет трудно. Он наверняка спросит, что мне больше всего понравилось: ощущения, магия, поведение персонажей. Я посмотрел на свои ладони, где после поленьев остались мелкие занозы, и попробовал vybrать.

Перед глазами возникла Ильна, поправляющая крышу моего нарисованного дома.

Я положил дощечку в сумку. Завтра надо было узнать насчёт дороги в город. А когда вернусь, можно будет рассказать им про лифт.

Глава 5. Камень для города

На одиннадцатое утро Торен поставил передо мной миску и спросил:

— Ты в город по делу собрался или поглядеть?

Я ещё не успел сесть. Положил сумку на лавку, подумал и ответил:

— Для начала поглядеть. Если работа найдётся, тоже хорошо.

Хозяин кивнул на другой конец двора. Там невысокий человек в дорожной куртке пересчитывал мешочки, разложенные на перевёрнутом ящике. Рядом стояла телега с натянутым поверх груза полотном.

— Сивер сегодня идёт. С ним поговори. Только он разговор любит, а даром возить — нет.

Сивер услышал своё имя, поднял голову и окинул меня быстрым взглядом. Пальцы при этом продолжали перебирать узелки.

— Возить — не люблю, — подтвердил он. — А хорошему попутчику место на дороге найдётся. Ты, я так понимаю, хороший?

Я сел, отодвинул миску от края и решил сначала выяснить условия.

— Смотря что от попутчика требуется.

— Вот это уже правильное начало.

Он убрал мешочки в заплечный мешок и подошёл к нашему столу. На вид ему было лет тридцать пять. Один передний зуб чуть заходил на другой, возле глаз залегли мелкие морщины. Когда Сивер улыбался, казалось, что он заранее знает цену любому ответу.

— Пешком дойдёшь?

— Дойду.

— Ночью у костра посидишь, если очередь выпадет?

— Посижу. Только я дорогу не знаю.

— За дорогу я отвечаю. Ты по сторонам смотри, телегу на подъёме подтолкни, если попрошу. За три дня восемь медных и еда с нами. Платить буду в городе.

Я взглянул на Торена. Тот не вмешивался, но и предостерегающих знаков не подавал.

— А почему три дня? Мне говорили, до карьера два.

— Так город не на карьере стоит. Там заночуем, а дальше за день дойдём, если дождь не размочит. — Сивер присел на край лавки. — Я с оружием двух людей беру. Второй уже есть. Не войну вести собираемся, но на дороге всякое бывает.

Я представил три дня пути, ночёвки и возможность наконец воспользоваться снаряжением. До сих пор оно в основном занимало место в комнате.

— Меня устроит.

— Тогда доедай и собирайся. Через час тронемся.

Сивер встал, но я успел спросить, что он везёт. Он оста-

новился у стола и улыбнулся шире:

— Товар. Отсюда — что там купят. Оттуда — что здесь пригодится. На дороге с охотой объясню, если к тому времени ещё захочешь слушать.

Пока я завтракал, Дара завернула мне хлеба и подала на полную флягу. За комнату я рассчитался до этого утра; лишние вещи хозяева разрешили оставить в сундуке. С собой взял почти всё, что выдал Марк, только теперь укладывал осмысленнее. Лёгкое — так, чтобы доставать на ходу, тяжёлое — ближе к телу. Щит перевесил по совету Вельма.

Торен наблюдал, как я проверяю ремни.

— Назад к нам?

— Собираюсь. Через несколько дней.

— Тогда комнату обещать не стану. Вещи полежат.

Меня это устраивало. Я поблагодарил, отнёс снаряжение к воротам и ещё раз достал дощечку, проверяя число зарубок. Десять. Сегодня будет одиннадцатая.

Второй сопровождающий уже ждал возле телеги. Его звали Хольт. Пожилой, жилистый, с коротким луком в чехле и маленьким круглым щитом, он посмотрел на меня, на оружие, а потом спросил, ходил ли я прежде с грузовыми.

— Нет.

— Не обгоняй на спуске, пока не позовут. За колесо ногой не заходи. Когда останавливаемся, сначала посмотри, где твоя телега встанет, потом садись.

Он говорил без нажима, словно перечислял вещи, кото-

рые однажды всё равно придётся узнать. Я кивнул и выбрал себе место сбоку, чуть впереди колеса.

Уже за последними домами обернулся. Над двором Торе-на виднелся край нашего навеса. Дальше, за деревней, темнел лес, но дома Лиэры отсюда видно не было.

Сивер натянул поводья, и телега покатилась на подъём. Я подстроился под её скорость. На этот раз дорога вела не к известному месту: впереди лежали два дня, о которых я пока знал только из чужих слов.

К обеду я узнал, что Сивер везёт полотно, небольшие инструменты, сушёные продукты и вещи, о которых предпочитает говорить только покупателю. Узнал, сколько лишнего места занимает плохо связанная поклажа и почему нельзя верить человеку, который предлагает рассчитаться «к следующей ярмарке». Ещё услышал длинную историю о торговце, решившем сэкономить на верёвке. Сивер рассказывал её, не называя имени; по реакции Хольта я заподозрил, что знают эту историю оба.

За разговорами дорога проходила легче. Мы огибали лесистые холмы, пересекали мелкие ручьи, иногда уступали путь встречным повозкам. Колеи то расходились по сухому месту, то снова сходились у узкой выемки. В одном месте пришлось положить под колесо ветки, в другом — всем вместе подтолкнуть телегу.

К середине дня я уже не думал, что мне заплатят только за присутствие с мечом. Сивер брал от попутчика всё, о чём

договаривался, и делал это без малейшего стеснения.

Остановились возле ручья. Хольт первым делом обошёл место стоянки и только потом снял с плеч мешок. Я повторил за ним, стараясь понять, что он искал. На земле обнаружили старые следы костра, несколько выбеленных косточек и обломок глиняной посуды. Ничего подозрительного я не заметил, но сам порядок запомнил.

Ели сидя на поваленном стволе. Я достал сыр. Сивер посмотрел на него с таким вниманием, что мне захотелось убрать кусок обратно.

— Свежий ещё?

— Вполне.

Он принял ломтик, попробовал и перевёл взгляд на мою сумку.

— Хорошая дорожная вещь, если я правильно понял.

Я вспомнил Лиэру и уже не удивился.

— Подарок. Продавать не собираюсь.

— А я пока и не предлагал, — мягко отозвался Сивер. — Но если когда-нибудь соберёшься, постарайся сначала выяснить цену. Не у первого встречного, который тебе на дороге понравился.

Хольт жевал, глядя на воду.

— У тебя выяснит — тоже не продаст, — заметил он.

Сивер ничуть не обиделся:

— Вот видишь, Алексей, хорошая вещь уже принесла тебе два полезных совета.

Я решил больше не оставлять сумку без присмотра, хотя ни тот ни другой к ней не прикасались.

После обеда дорога стала хуже. Подъёмы вытянулись, камней в колеях прибавилось. Я шёл молча, поглядывая на Хольта. Тот двигался размеренно, не пытался первым взойти на холм и при каждой остановке успевал немного отдохнуть. Я же то обгонял телегу, то ждал её, то догонял, засмотревшись по сторонам. К вечеру разница стала ощутимой.

Ночевали на старой стоянке у дороги. Низкая каменная стенка прикрывала её с одной стороны, с другой рос густой кустарник. Там уже жались к огню двое возчиков; нам показали, куда поставить телегу, чтобы утром не пришлось будить всех сразу.

Под навесом пахло дымом, мокрой шерстью и чужой едой. Один возчик помогал другому перемотать ладонь. Я сначала решил, что рана, но увидел стёртую кожу и вспомнил собственные ремни.

Сивер разделил караул. Мне досталось сидеть первым с одним из возчиков. Пока остальные устраивались, я разложил плащ, попробовал поджечь растопку и с удивлением обнаружил, что пальцы знают, как держать кресало. Получилось не сразу: искры гасли, сухая сердцевина плохо разгоралась. Но в какой-то момент внутри трута появилась красная точка, я осторожно подул, и из неё вырос маленький огонёк.

Я смотрел на него дольше, чем следовало. Хольт положил рядом тонкие ветки.

— Теперь корми. А то полюбуйешься и погаснет.

Я поспешно подложил растопку.

Свою часть ночи я сидел возле огня, слушая дорогу. В темноте она казалась пустой, хотя из кустов доносилось столько звуков, что хотелось повернуться сразу во все стороны. Сосед по караулу почти не разговаривал. Разок спросил, не первый ли я раз ночью вне дома, и, услышав ответ, подвинулся так, чтобы мне было лучше видно пространство за телегами.

Опасность не появилась. Зато один раз из темноты вынырнула чужая лошадь, и я успел схватиться за копьё, прежде чем разглядел упряжь. Возчик отвёл её обратно, не смеясь, за что я был благодарен.

Когда меня сменили, земля под плащом оказалась жёсткой, а свёрнутая одежда не заменила подушку. Я долго перекидывал ноги, потом всё же уснул. Последним слышал, как кто-то негромко ворчит возле огня.

Утром пришлось вставать до того, как захотелось.

Карьер я сначала слышал.

Вдалеке глухо ударило, за этим послышался более частый металлический стук. Дорога вышла из-за холма, и внизу открылась широкая светлая выемка с уступами. От неё тянулись тропы, по которым поднимались маленькие на таком расстоянии люди. Возле верхнего края стояли ворота, навесы и телеги; дальше, за изгородью, теснились постройки.

Над всем висела белёсая пыль.

Я остановился у поворота. Сивер позволил телеге пройти чуть вперёд и обернулся:

— Вот из этого Валлен и растёт.

Название города я слышал от него уже несколько раз. Теперь впервые увидел, с чего тот начинается.

Ближе карьер оказался ещё больше. Люди отламывали камень, разбивали крупные куски, сортировали, грузили. На уступе двое работали длинными рычагами, а третий следил за трещиной и короткими жестами давал знак. Когда часть плиты наконец сдвинулась, все отступили, и удар отозвался даже под моими сапогами.

Хольт велел держаться подальше от края. Я послушался без спора.

У въезда стояла охрана. Нас остановили, Сивер назвал себя и показал записи на сложенном листе. Стражник заглянул под полотно, обменялся с ним несколькими словами и пропустил во внутренний двор.

На посту не было ни герба королевства, ни надписи о переходе в новую область. Деревянная будка, лавка, стойка для оружия. На ремне одного стражника висела связка ключей, у другого под глазом желтел старый синяк. Меня спросили, с кем иду. Услышав ответ, больше не заинтересовались.

Сивер поставил телегу возле склада. Пока он торговался с приёмщиком, мне с Хольтом пришлось снять часть поклажи. За продуктами и тканью сюда пришли несколько человек; инструмент осматривали отдельно, придирчиво перебирая.

Я то работал, то смотрел на карьер. Через некоторое время заметил, что не все свободно ходят по двору. Одних пропускали без вопросов, других сопровождали вооружённые люди. Возле длинного барака стоял человек с обритой головой и ждал, пока стражник отпирает дверь.

— Заключённые? — тихо спросил я Хольта.

Он посмотрел в ту же сторону.

— Есть и они. Вольные тоже работают.

— За что сюда попадают?

— За что суд присудит.

Хольт сказал это без желания прекратить разговор, просто точнее он, видимо, не знал. Я отнёс очередной свёрток и подошёл к Сиверу, когда тот остался один.

Торговец выслушал вопрос, оглядел двор и ответил осторожнее, чем обычно:

— Кто чужое взял, кто в драке человека покалечил. Бывает, за большой долг работать отправляют. Только чужое дело с дороги не разберёшь: один скажет, совсем невиноват, другой — что мало ему дали.

Я хотел уточнить про суд, но Сивера окликнули. Он подхватил мешок и ушёл к складу, оставив меня возле телеги.

Рядом двое грузчиков готовились сдвинуть каменную плиту. Один был в запylённой рубаше с засаленным воротом, второй носил на лодыжке широкое железное кольцо. Они положили под край рычаг. Я посторонился, но не туда.

— Ногу убери, — резко сказал человек с кольцом.

Я отступил. Плита качнулась и опустилась на подкладку именно там, где только что стоял мой сапог. Грузчик не посмотрел, испугался ли я, только перехватил рычаг и велел товарищу заходить с другой стороны.

— Спасибо, — сказал я.

Он кивнул, не поднимая головы.

Никакой отдельной отметки над ним не было. Если бы не железо на ноге и стражник неподалёку, я бы принял его за обычного работника. Лицо усталое, волосы слиплись от пыли, левое ухо надорвано. Я некоторое время смотрел, как они двигают плиту, потом поймал на себе взгляд охранника и отошёл.

Ночлег здесь тоже стоил денег. Сивер договорился о месте в общем помещении для приезжих; за еду мы расплатились частью товара. Мне объяснили, где взять воду, куда не ходить и когда закроют ворота.

После ужина я вышел подышать. Солнце садилось за край выемки, работники поднимались вверх. Те, кого сопровождали, шли отдельной группой. Один остановился, высыпал из обуви мелкий камень и получил раздражённое замечание от стражника.

На пути к барaku висела доска с именами и какими-то отметками. Я попробовал прочитать, но быстро устал: знакомые знаки складывались в слова медленнее, чем хотелось, а чужие имена не помогали. Рядом стоял охранник и следил, чтобы никто не задерживался.

Я вернулся к нашим вещам. Впечатление от карьера оказалось сильным, хотя сказать, что мне здесь понравилось, не получалось. Это было место, где много и тяжело работали; камень на городской улице теперь вряд ли выглядел бы просто частью оформления.

На тринадцатый день мы подошли к Валлену.

Последние часы дорога шла через поля. Здесь чаще попадались люди, навстречу двигались пустые телеги, обгоняли всадники. У одного огороженного участка укладывали брёвна; дальше тянулись новые каналы, и двое работников спорили, куда отбрасывать землю.

Город показался над низиной. Сначала крыши, затем верх деревянной башни и длинный участок каменной стены. Я выпрямился, ускорил шаг и тут же заметил, что стена заканчивается, а дальше идут земляные работы.

С другой стороны виднелся частокол. Между ним и каменной кладкой стояли леса, поднимались грузы, ходили люди. Над всем этим кружились птицы.

— Я думал, больше будет, — признался я.

Сивер посмотрел на меня поверх борта.

— Подожди, пока внутрь попадёшь. Снаружи ещё полдня обходить придётся, если не в те ворота завернёшь.

У въезда скопились повозки. Стражники пропускали их по очереди, пересчитывали груз, спорили с кем-то о записи. Мы остановились. Сивер ушёл вперёд, оставив нас с Хольтом возле телеги.

Я мог бы обойти очередь пешком, но договор ещё действовал. Пришлось ждать. Это быстро вернуло ощущение знакомого мира: люди вокруг раздражались, просили подвинуться, повторяли, что им ненадолго. Один человек уверял, что его уже пропускали с таким грузом; другой отвечал, что тогда и записано должно быть иначе.

Когда дошла наша очередь, Сивер разговаривал вежливо, подробно и совсем не так, как у костра. Показал товар, дождался отметки, отсчитал монеты. Я смотрел на его руки и думал, что даже в игре торговлей лучше заниматься человеку с терпением.

Внутри города сперва стало тесно.

Телега медленно двигалась между домами. От стены к стене тянулись верёвки, под навесами лежал товар, у открытых дверей сидели люди. Пахло хлебом, горячим жиром, кожей и сточной канавой. За поворотом запах резко менялся. На небольшой площади кто-то торговал рыбой, и пройти мимо, не заметив, не получилось бы.

Дома были разные. Старые, потемневшие, с грубо подправленными пристройками; новые, ещё светлые; каменные нижние этажи, поверх которых поднималось дерево. В одном месте стена стояла отдельно от будущего дома, и под ней лежали плиты, знакомые по карьере.

Я хотел смотреть во все стороны. При этом нужно было не попасть под чужую телегу, не задеть копьём тент и не отстать от своей.

Гном прошёл мимо с длинной связкой металлических полос на плече. На перекрёстке спорили двое людей с женщиной, у которой уши заметно выступали из волос. У прилавка стоял высокий широколицый мужчина с сероватой кожей и небольшими нижними клыками. Я успел его рассмотреть, пока Сивер выбирал проезд, и заставил себя отвести глаза, когда тот обернулся.

В Бродном гном-мастер был событием. Здесь никто не считал нужным останавливаться.

Мы добрались до двора, где Сивера уже ждали. Дальше пошла разгрузка. К концу у меня гудели руки, зато передо мной лежали обещанные восемь медных. Я пересчитал их не из недоверия, просто приятно было получить плату за настоящую дорогу.

— Хочешь обратно со мной — через три дня спросишь здесь, — сказал Сивер. — Если задержишься, найдёшь других.

— Я пока ещё не знаю.

— И правильно. Сначала посмотри, потом решишь, сколько смотреть.

Хольт показал недорогой дом для приезжих на соседней улице. Там мы распрощались. Он пожелал мне не торопиться с первым же нанимателем и ушёл за Сивером, а я остался во дворе с сумкой, копьём и городским шумом за спиной.

Комната здесь оказалась общей, с несколькими кроватями. Я выбрал свободную у стены, заплатил и убрал вещи под

лавку. Впервые с начала пути мне не хотелось сразу куда-то выходить.

Через полчаса всё-таки вышел.

Вечером я успел только немного пройтись и поесть. На следующий день занялся городом всерьёз.

Бродил по рынку, присматривался к ценам, рассматривал изделия, названий которых не знал. Одна женщина долго объясняла, зачем нужна маленькая зубчатая штука; когда поняла, что покупать я не собираюсь, потеряла интерес. Я отошёл без обиды. В магазине сам видел достаточно людей, которым хотелось поговорить, а продавцу — закончить выкладку.

Возле оружейного ряда задержался надолго. Потрогать позволили только после вопроса. Мой меч посмотрели, назвали добротным и предложили заменить ремень на более удобный. Я уже почти согласился, но вспомнил остаток денег и решил, что старый пока справляется.

Здесь же спросил о работе. Меня отправили к управному дому.

Я ожидал доску объявлений. Доска действительно была, но половину занимали списки, знаки и записи о поставках. Несколько коротких листов касались разыскиваемых людей. Возле входа толпились те, кому нужно было попасть внутрь; я пристроился с краю и некоторое время слушал.

Один жаловался на воду, которую сосед отвёл от его двора. Другой принёс сведения о недостающем грузе. Женщи-

на с ребёнком ждала человека, который должен был подтвердить какую-то расписку. Никто не выглядел участником большого сюжета, зато всем было нужно, чтобы занялись именно им.

За длинным столом в передней сидела женщина с тёмными рукавами, подвязанными выше локтей. Она выслушивала, указывала, куда идти, записывала имена и время от времени повторяла, что без второй стороны дело не решат.

Когда дошла моя очередь, я объяснил, что ищу платное поручение.

Она подняла глаза.

— Строить умеешь?

— Немного помогал. Но не мастер.

— Камень тесать?

Я покачал головой.

— В патруле служил?

— Нет.

Женщина отложила перо.

— Тогда скажи, что умеешь. А то мы с тобой до вечера можем перечислять.

Я назвал оружие, дорогу, сопровождение. Старался не преувеличивать, но и не свести всё к тому, что удачно донёс несколько корзин. Женщина посмотрела на копье, затем на мои руки.

— С дороги только?

— Вчера пришёл.

— Как звать?

Я ответил. Она записала, представилась Ольдой и подвинула небольшой лист.

— В одиночку охотиться не отправлю. Тут человек просил второго на проверку лесной дороги. У лесопилов зверь держится. Нужен тот, кто будет слушать, а не вперёд лезть. С этим справишься?

Я вспомнил травы Лиэры и своё купание, которое едва не состоялось.

— Постараюсь.

— Он лучше оценит, — сказала Ольга. — Придёт после полудня. Хочешь — подожди.

Я отошёл к стене. Через открытую дверь было видно соседнюю комнату, где несколько человек сидели за столом. Один пожилой мужчина слушал, положив ладони на трость; другой сердито показывал на чертёж.

Из обрывков разговора постепенно выяснилось, что новая улица мешает стоку воды, а платить за переделку никто не хочет. Я послушал, потом спросил Ольду, кто здесь правит.

Она поставила точку в записи и взглянула на меня так, будто наконец поняла, насколько я приезжий.

— Совет и префект. По какому делу тебе нужно?

— Нет, мне просто разобраться.

Ольда помедлила, выбирая, сколько времени на меня потратить.

— У дворов и мастерских есть выборные. Они составля-

ют совет, совет утверждает префекта. Жалобы и расписки — сюда. Торговые места отдельно. Со стражей вопросы к старшему караула. Если понадобится что-то конкретное, спроси, направим.

Она вернулась к записи. Я некоторое время размышлял, как быстро у людей, которых создали шестьдесят лет назад, появилась необходимость распределять жалобы по разным столам. Видимо, вместе с памятью о прежней жизни досталось достаточно опыта, чтобы спор о канаве не решать мечами.

Впрочем, на стене висели и сведения о наказаниях.

Охотник пришёл позже, чем мне хотелось, но раньше, чем я решил уйти. Широкий человек с тёмной щетиной, короткими волосами и старой сумкой через плечо. Ольда кивнула на меня:

— Брек, вот этот готов идти. Сначала поговори.

Он посмотрел мне в лицо и сразу спросил:

— За копьё крепко держишься?

— Держусь.

— Это я вижу. Когда на тебя бежит, не бросишь?

Я не стал обещать невозможного.

— На меня пока ничего большого не бежало.

Брек почесал щеку, внимательно оглядел снаряжение и сказал:

— Тогда сперва покажешь, как стоишь. Пойдём во двор.

Разговор с ним занял меньше времени, чем я ожидал.

Брек попросил снять щит со спины, взяться за копьё и сделал несколько движений сбоку, проверяя, как я поворачиваюсь. Сразу сказал не замахиваться и наконечник держать ниже.

Я поправился. Он кивнул и ещё раз шагнул в сторону. На этот раз получилось лучше.

— Научен немного. Сам давно ходишь?

— Недавно.

— Видно. Возьму, если слушаться будешь. Долю скажу сейчас, чтобы потом не спорить.

Работа была на двоих. Город платил за устранение опасного зверя возле лесной дороги; добыча, если окажется пригодной, шла отдельно. Моя доля за участие — четырнадцать медных. Брек сразу предупредил: если выяснится, что зверей больше или след не тот, вернёмся и договоримся заново.

Мне понравилось, что он не собирается любой ценой заканчивать задание.

Я спросил, кто там держится.

— Кряжник. Самец, по следам старый. У лесопилов кормовой ход пересёк, он их оттуда и гонит. Одного уже унесли с рваной ногой.

— На кабана похож?

Брек кивнул.

— Только если обычного кабана видел — на это не рассчитывай. Этот голову ниже держит, шея защищена. В лоб ты его своим копьём не остановишь.

У меня стало меньше уверенности, но отказываться не хо-

телось. Мы договорились выйти утром. Брек велел купить еды на день, воду взять полную и перед сном не пить.

— А если дождь?

— Посмотрим утром.

Он ушёл, оставив меня стоять со щитом в руке. Я вернулся к Ольде, уточнил, где подтвердить выполнение, и только после этого пошёл за припасами.

Вечером разобрал снаряжение тщательнее, чем прежде. Подтянул ремни, проверил, не мешают ли ножны садиться и быстро поворачиваться. Копьё показалось надёжным, но я всё равно несколько раз ощупал древко.

Заодно вспомнил книжку Марка.

Можно было сделать так, чтобы ничего не ранило. Произнести три слова и выйти на зверя с уверенностью, которой у меня сейчас не было. Я сидел на краю кровати, вертел ремень щита и всерьёз обдумывал это минуту или две.

Потом стало стыдно перед самим собой. Я ещё даже не увидел зверя, а уже искал, как обойти всё интересное. Для того и взял напарника, который понимает, что делает. На крайний случай смерть выведет меня из сеанса. Обидно, конечно, потерять половину месяца, но лежать в лаборатории с датчиками всё-таки безопаснее, чем может показаться из-под шлема.

Я убрал вещи, вырезал четырнадцатую отметку и лёг. Уснул не сразу: за стеной разговаривали, во дворе таскали бочки, а я всё пытался представить размер кряжника.

На пятнадцатое утро город встретил нас дымом растапливаемых печей и почти пустыми улицами. Брек пришёл вовремя, посмотрел, как я затянул щит, и без лишних слов поправил один ремень.

До лесопилки дошли часа за полтора. Дорога постепенно сузилась, вместо жилых дворов появились огороженные склады и навесы с брёвнами. На одном из них сидел человек с перевязанной ногой. Он смотрел, как мы идём, и крикнул Бреку, чтобы тот не выбирал место у старого штабеля.

Охотник остановился, расспросил. Я стоял рядом, слушая описание зверя, времени появления и направления, в котором тот уходит. Брек уточнял не то, о чём спросил бы я: где ветер был, успел ли человек залезть на брёвна, зверь сам отстал или его отогнали.

Потом мы прошли к краю вырубки.

Следы я заметил не сразу. Брек присел у размятой земли и показал отпечаток, затем разрытый корень, потом тёмные жёсткие волоски на коре. Я сравнил ширину следа со своей ладонью и перестал представлять обычного кабана.

— Отсюда не спешим, — сказал охотник. — Говорить надо — тихо. Рукой останавливаю — стой.

Я кивнул и перехватил копьё. От волнения хотелось либо шагать быстрее, либо остаться возле ближайшего толстого дерева. Вместо этого я старался держать расстояние и не смотреть постоянно на собственные ноги.

Мы двигались вдоль края леса, несколько раз меняли на-

правление. Брек останавливался, слушал, трогал землю. Я тоже пытался разглядеть закономерность. В одном месте заметил свежую царапину на стволе и показал. Он подошёл, посмотрел и коротко подтвердил:

— Его.

Мне стало приятно. Потом из кустов донеслось тяжёлое фыркание, и всё приятное куда-то делось.

Брек поднял ладонь.

Кряжник появился не сразу. Сначала шевельнулась низкая ветка, потом между стволами показалась тёмная спина. Зверь был ниже, чем я воображал, зато гораздо шире. Шерсть лежала неровными жёсткими прядями; на загривке и лбу виднелись бугры, похожие на костяные пластины. Он ткнулся мордой в землю, сдвинул ком грязи и замер.

До него было шагов двадцать.

Я понял, что вижу чудовище. Не очень большое по меркам игр, без огня и лишних голов, но достаточно убедительное, чтобы внезапно захотелось вернуться к горшочкам Лиэры.

Брек коснулся моего локтя и показал на толстый раздвоенный ствол слева. Мы медленно отступили к нему. Кусты закрыли кряжника, но я уже знал, где он, и каждый шорох казался началом броска.

Охотник наклонился ко мне.

— С этой стороны держи. Между стволами не суйся. Пойдёт на тебя — уходи за дерево, не на открытое. Копьём бей сбоку, когда развернётся. Если не успеешь — не тянись.

Он показал рукой направление и подождал, пока я повторю. Я понял. По крайней мере, пока зверь стоял в кустах.

Брек сместился вправо. На секунду я потерял его из виду и почувствовал себя совершенно одиноким. Затем он появился дальше, возле низкого пня, и коротко свистнул.

Кряжник поднял голову.

Всё произошло быстрее, чем хотелось. Зверь развернулся на звук, тяжело прошёл несколько шагов, замер, а потом сорвался с места. Брек ушёл за пень. Раздался удар, земля полетела в сторону. Кряжник оказался ближе, чем я рассчитывал, и я слишком рано поднял копьё.

Охотник крикнул, чтобы я ждал.

Я остановил движение. Наконечник дрогнул перед глазами. Зверь разворачивался; сбоку, за передней ногой, шерсть была короче. Я увидел место, о котором говорил Брек, сделал шаг и толкнул копьё.

Оно ударилось во что-то твёрдое и скользнуло. В ладонях отозвалась резкая боль. Я едва успел отдернуть древко, когда голова зверя повернулась ко мне.

Дальше я вспомнил только дерево.

Шаг назад, ещё один в сторону. Щит ударило так, что рука прижалась к груди, плечо обожгло. Я врезался спиной в кору, почувствовал под сапогом корень и чудом удержался. Между мной и кряжником оказался ствол; зверь толкнулся в него мордой, сыпанул корой и начал обходить.

Я тоже пошёл вокруг.

Наверное, со стороны это выглядело нелепо. Копьё мешало, щит тянул руку, в голове осталась только одна мысль: не останавливаться. Сквозь собственное дыхание я услышал голос Брека.

— Сюда голову держи! Не выходи!

Я не выходил.

Охотник появился за боком зверя. Короткий удар, тяжёлый хрип — кряжник резко развернулся. Брек отступил, а я снова увидел открывшийся бок.

На этот раз не торопился издалека. Шагнул ближе к стволу, упёрся задней ногой и толкнул копьё туда, куда показывал напарник.

Наконечник вошёл.

Древко дёрнуло так сильно, что пальцы едва удержались. Я хотел вырвать его, но Брек крикнул бросить. Пришлось отпустить и отскочить. Зверь рванулся, потащив оружие, зацепил его за куст и завалился на передние ноги.

Я стоял за деревом, прижимая щит к груди, и ждал, что он сейчас поднимется.

Брек не спешил подходить. Зашёл с другой стороны, подождал. Потом сделал то, чего я не хотел разглядывать, и тяжёлое движение в кустах прекратилось.

В лесу снова стало слышно птиц.

Я опустил щит. Левая рука дрожала, во рту пересохло. На внутренней стороне запястья темнела свежая ссадина от ремня.

— Стой пока, — сказал Брек. — Не лезь.

Я и не собирался. Посмотрел на него, на неподвижную тушу, потом на своё копьё. Вдруг захотелось засмеяться, но вместо этого получилось несколько шумных выдохов.

Брек дождался, пока я успокоюсь, и подошёл.

— Руку подними.

Я поднял. Он проверил плечо, попросил согнуть кисть, затем кивнул:

— Цела. Ремень надо иначе пустить, после покажу.

— Я первый раз не туда попал, — сказал я.

Голос вышел каким-то чужим.

— Вижу. Издалека полез. Второй раз лучше.

Он говорил совершенно спокойно, словно мы обсуждали не последние несколько минут, а неровно поставленный забор. Я посмотрел на зверя и только теперь понял, что всё закончилось.

Мы справились.

Я прислонил щит к дереву, сел на сухой корень и рассмеялся — тихо, от облегчения и оттого, что тело никак не могло перестать ждать следующего удара. Брек дал мне флягу. Я отпил, вернул и ещё некоторое время просто смотрел перед собой.

Вот об этом Марк услышит подробно.

Добыча оказалась тяжёлой работой.

Я почему-то думал, что после победы останется забрать подтверждение и вернуться за платой. Вместо этого Брек

внимательно осмотрел тушу, велел сходить к лесопилке за помощью и показал, что именно нужно сохранить для Ольды. Сам остался на месте.

Когда я привёл людей, солнце успело заметно подняться. Они пришли с верёвками и небольшой волокушей. Один, увидев зверя, присел возле головы и тихо выругался. Второй похлопал меня по плечу — по больному — и поблагодарил.

Пришлось снова работать руками.

Брек не позволял мне браться за то, чего я не умел. Давал держать, подавать, тянуть. Запах был неприятный, мухи появились почти сразу, и я старался смотреть только туда, где требовалась помощь. Через некоторое время перестал ожидать красивого завершения охоты. Зато начал понимать, почему за неё платят.

На лесопилке нас накормили. Человек с перевязанной ногой долго расспрашивал Брека, затем потребовал посмотреть на меня. Я подошёл, чувствуя себя неуместно рядом с чужой кроватью.

— Молодой ещё, — заметил он.

Я не нашёл, что ответить.

— Спасибо, — добавил он после паузы. — А то мои ребята уже к воде боялись ходить.

Тут ответ нашёлся, хоть и простой. Я сказал, что рад был помочь, и вышел к напарнику.

Обратно шли медленнее. Брек нёс часть груза, я — остальное. Плечо ныло, руки пахли, даже когда я несколько

раз отмыл их у ручья. Но усталость ощущалась иначе, чем после навеса: я знал, что сегодня сделал нечто, чего утром всерьёз опасался.

Возле городских ворот Брек посмотрел на моё копье.

— Выпрями потом наконечник. Чуть повело.

Я провёл пальцем вдоль металла. Действительно, раньше он смотрел иначе. В другой игре у оружия просто уменьшилась бы прочность. Здесь мне предстояло найти мастера и объяснить, что нужно.

В управном доме Ольда выслушала Брека, сверила описание и сделала запись. Осмотрела подтверждение, спросила о лесной дороге, потом отсчитала деньги.

— Ещё кто держится там?

— Следов не нашли, — ответил охотник. — Пусть пока смотрят. Если придёт другой, сообщат.

Она кивнула, и мы вышли во двор. Брек выложил мою долю. Я пересчитал монеты, убрал в мешочек и заметил, что улыбаюсь.

— Если снова работа будет... — начал я.

Он посмотрел на плечо, которое я продолжал осторожно беречь.

— Сначала это пройдёт. Потом у Ольды спросишь.

Я поблагодарил за охоту. Брек кивнул, сказал, где искать его в городе, и ушёл. Я некоторое время стоял у стены, чувствуя тяжесть денег и ещё более приятную лёгкость от того, что не пришлось никому объяснять свой первый промах.

Вечером заказал себе ужин получше.

Рука болела, на рубахе обнаружилось пятно, с которым я не знал, что делать, а запас еды требовал пополнения. Но всё это решалось. Монеты лежали в мешочке, оружие было при мне, до конца месяца оставалось ещё немало времени.

Я ел и мысленно снова проходил бой. В воспоминании второй удар получался всё увереннее, хотя первый я тоже прекрасно помнил.

Следующие два дня город занял меня целиком.

На шестнадцатый я отдал копьё мастеру, походил по рынку и впервые купил вещь, которую здесь никто не выбирал за меня: простой запасной ремень. Продавец показал, как можно укрепить перевязь щита. Пришлось доплатить за работу, зато плечо больше не тянуло в одном и том же месте.

Я попробовал найти того, кто согласился бы рассказать о магии. Один торговец предложил дорогой амулет, уверяя, что после него я многое почувствую. Что именно — объяснял туманно. Я вспомнил Лиэру, её подставку и ясные ответы и ушёл без покупки.

На семнадцатый встретил Сивера. Он возвращался с пустой корзиной и, услышав про кряжника, с интересом осмотрел мой щит.

— Значит, дорога удалась.

— Плечо не совсем согласно.

— Плечо своё получило. Ты тоже, надеюсь?

Я признался, что заработал. Сивер одобрил и сообщил,

что завтра утром отправляется обратно. С Хольтом договорились, места для ещё одного сопровождающего хватит.

Я мог остаться. В городе было больше работы, чем я успел посмотреть, и куда больше людей, чем мог запомнить. Но мысль о возвращении в Бродное уже несколько раз появлялась сама. Хотелось рассказать про охоту, спросить Лиэру, что она знает о местной магии, и показать Ильне рисунок лифта, который я наконец придумал.

— Пойду с вами, — решил я.

Сивер назначил время и убежал, потому что уже опаздывал на какой-то разговор.

Я направился к управному дому закрыть оставшиеся вопросы о возможной работе. Там возле двери стояло несколько стражников. Один разговаривал с человеком в дорожной одежде; слова «гоблины» я услышал, проходя мимо.

Остановился.

— Где? — переспросил старший.

— На северной просеке. Не у самой дороги, дальше. Трёх видел, потом ещё вроде...

Он заметил, что я слушаю, и замолчал. Старший предложил пройти внутрь. Я посторонился, пропуская их.

Ольда сидела за своим столом. Я спросил о сообщении, и она ответила не сразу — сначала закончила строку.

— Проверят.

— Они опасны?

— Вооружённые чужие люди всегда могут быть опасны,

пока не знаешь, зачем пришли.

Я понял, что вопрос прозвучал не так, как хотелось.

— Я имел в виду, здесь раньше гоблинов встречали?

Ольда задумалась, потом покачала головой:

— Мне не попадались. Старшие говорят, давно не видели.

Лет двадцать, может, больше.

Я посмотрел на дверь, за которой теперь разговаривали со свидетелем. В голове уже складывалось новое приключение: разведка, неизвестный отряд, лесные тропы. Ольда заметила мой интерес и сразу вернула его в более подходящие рамки:

— Если решат усиливать дорогу, людей понадобится больше. Но сначала проверят сведения. Хочешь служить — потом приходи, тебя уже знают.

Я поблагодарил. Остаться из-за слуха не стал: завтра ждали Сивер и дорога, а до конца месяца ещё было время вернуться.

На выходе из двора задержался у нового каменного крыльца. На одной плите различался тёмный прожилок, похожий на те, что я видел на карьере. По краю прошлись инструментом, стёрли шероховатости, и теперь сюда ежедневно ступали десятки людей.

Я вспомнил грузчика с надорванным ухом. Его резкое «ногу убери» всё ещё слышалось отчётливо. Интересно, что он сделал, чтобы оказаться там. Спросить тогда я не решился, а сейчас человека рядом не было.

С площади донёсся громкий спор о цене. Я спустился и

вернулся к своим делам.

Обратный путь оказался знакомым, но не коротким.

Сивер вёз другой груз и охотно объяснял, почему именно этот. Хольт теперь иногда поручал мне осмотреть место остановки первым. Я не находил ничего особенного, зато стал замечать свежие следы, низкие ветки и то, откуда можно незаметно подойти к костру.

До карьера добрались вечером восемнадцатого дня. Стражник у ворот показался тем же, хотя я не был уверен. На площадке по-прежнему грохотал камень. Там, где в прошлый раз лежала большая плита, теперь стояли пустые подкладки.

На ночлеге возчики обсуждали северную дорогу. Сивер выслушал всё, что знали о гоблинах, и задал больше вопросов о месте встречи, чем о самих гоблинах. К единому мнению не пришли. Один уверял, что торговцы напугали себя, другой советовал пока не ездить в одиночку.

Нас трое, груз под полотном, оружие рядом. Я чувствовал себя достаточно спокойно.

На следующий день мы снова миновали старую стоянку. Я уже знал, где лучше положить плащ, как устроиться под навесом и почему не стоит садиться на землю раньше, чем выбрал место для сна. Вечером сам развёл огонь, не дожидаясь, пока Хольт положит рядом ветки.

Он проверил, как занялось, и отошёл к лошадям. Похвалы не было, но и замечаний тоже. Меня это вполне устроило.

Двадцатый день встретил нас сухой дорогой и попутным ветром. На последнем подъёме я первым узнал деревья над рекой. Потом показались крыши Бродного, дым над дворами и узкая полоска мостика.

Я поймал себя на том, что смотрю, появился ли над домом у леса дым, хотя отсюда его всё равно нельзя было увидеть.

Сивер остановил телегу у знакомых ворот. Дара вышла во двор с полотенцем в руках, увидела меня и сразу посмотрела на снаряжение.

— Вернулся всё-таки. Ну как город?

Я снял щит с плеча и осторожно поставил рядом.

— Большой. Шумный. Я там поработал немного.

— По тебе вижу. Рука-то цела?

Мне пришлось поднять левую и показать, что двигается нормально. Дара кивнула, позвала Торена и велела не заносить грязь дальше порога. Комната нашлась, хотя и другая. Свой сундук я получил обратно, расплатился и наконец остался один.

Снял нагрудник, расстегнул ремни и присел на кровать. Плечо после дороги снова ныло, но уже не так сильно. В сумке лежали покупки, в мешочке — больше денег, чем перед выходом. На щите осталась глубокая светлая полоса.

Я провёл по ней пальцем.

За десять дней я успел увидеть карьер, войти в город, найти работу, сходить на охоту и вернуться. По меркам обычной игры ничего выдающегося: начальная область, неболь-

шая добыча, несколько новых знакомых. Но стоило закрыть глаза, и я снова слышал, как кряжник бьёт в дерево, чувствовал рывок копья, видел лицо человека с перевязанной ногой.

Марк действительно сделал что-то невероятное.

Я достал дощечку и добавил двадцатую черту. Для следующего ряда оставалось мало места, пришлось заранее выбрать участок пониже. До возвращения — десять дней. Ещё можно многое успеть, если не тратить половину на дорогу.

Внизу стукнули ворота. Торен громко отвечал кому-то во дворе; Дара позвала его помочь с бочкой. Я убрал дощечку, встал и подошёл к окну. Над деревней было светлое вечернее небо. Дорога к лесу подсыхала после утренней росы, и я прикинул, успею ли сходить туда до темноты.

Потом вспомнил, что не ел с полудня.

Сначала ужин. А завтра расскажу Ильне, как охотился на кряжника. Первый промах, пожалуй, тоже придётся рассказать: Лиэра всё равно спросит, откуда полоса на щите.

Глава 6. Тридцать первый день

Ильна слушала про кряжника, почти не моргая. Я сидел у крыльца, показывал, как зверь обошёл дерево и куда мне пришлось отступить, а она подавалась следом за моей рукой, словно иначе могла упустить что-нибудь важное. Щит стоял рядом со ступенькой. Девочка то и дело поглядывала на светлую полосу, оставленную ударом, и возвращалась к рассказу с новым вопросом.

— А большой он был? Как наш стол? А если в длину, с головой?

— Покороче, наверное, — прикинул я. — Зато шире. И весил больше меня в несколько раз. Я бы такого не сдвинул.

— А дерево выдержало? Он же со всего размаху!

— Выдержало. Хорошо, что толстое выбрал, а не за какую-нибудь берёзку спрятался.

Ильна посмотрела на мать, будто хотела удостовериться, что я ничего не преувеличиваю. Лиэра сидела под навесом, чинила ремешок корзины и слушала с той спокойной полуулыбкой, которая почти наверняка означала, что главный вопрос ещё впереди.

— Он тебе велел ждать, пока зверь развернётся? — уточнила она. — Или вы иначе условились?

— Да, ждать. Это я раньше полез, — признался я, переставляя щит подальше от края ступеньки. — Во второй раз

уже сделал, как сказали.

— Хорошо, что было кому подсказать и во второй раз. Руку мне покажи.

Я протянул правую. Лиэра посмотрела на меня поверх корзины и покачала головой:

— Другую, Алексей. Ты левую всё время бережёшь, даже когда рассказываешь.

От Ильны это, кажется, ускользнуло. Девочка сразу придвинулась, пока мать проверяла, могу ли я поднять локоть и отвести руку назад. Двигалось всё нормально, только в одном положении ещё тянуло.

— Уже почти прошло, — объяснил я. — Сам удар сильный был. Брек потом ремень поправил.

— Тогда сегодня тяжёлого не таскай, дай плечу отдохнуть, — сказала Лиэра, отпуская мою руку. — А с Бреком пойдёшь ещё — слушай его. Пока молодой охотник замечает, что поторопился, зверь уже рядом бывает.

В её голосе не было ни восхищения, ни осуждения. Она говорила о человеке, который мог пострадать, и от этого мой рассказ на мгновение показался немного хвастливым. Я убрал руку на колено и признался:

— Меня там прилично напугало. Особенно когда он на меня повернул: я ещё копьё выдёргивал, а он уже рядом.

— Я бы наверх полезла! — решила Ильна. — У того дерева ветки высоко были?

— До первой я бы точно не допрыгнул. А лазаю медлен-

нее, чем он бежит. Так что пришлось вокруг ствола.

Она обдумала это, затем спросила, покажу ли я, как Брек держал копье. Я обещал показать позже и под присмотром матери. Лиэра одобрительно кивнула: такие условия ей подходили.

С собой я принёс не только щит. В городе купил немного сладких сушёных плодов, которые продавец разрешил попробовать перед покупкой. Теперь высыпал их в миску. Ильна выбрала один, надкусила и посмотрела на мать с явным вопросом: можно ли сразу второй.

— До обеда оставь, милая, — сказала Лиэра. — А то сейчас всю миску выберешь.

— Я только ещё один, попробую другой. Этот светлее!

— Светлые никуда не денутся. После обеда вместе попробуем, я тоже ещё не ела.

Девочка вздохнула, но миску отодвинула. Я скрыл улыбку, занялся сумкой и вытащил плоскую щепку, которую подобрал во дворе у Торена.

— Ну что, покажу тебе, как у нас наверх поднимаются? Я по дороге придумал, как объяснить.

Ильна сразу забыла о плодах. На двадцать первый день мне предстояло объяснить лифт.

Дом мы строили из поленьев, дощечек и старого ящика. Началось с рисунка на земле. Я обозначил высокое здание, окна, маленькую кабину внутри. Ильна спросила, почему нельзя просто подняться по лестнице, и я постарался

объяснить, каково идти пешком на девятый этаж с двумя пакетами. Девятый этаж оказался недостаточно убедительным, пришлось рисовать людей возле каждого окна и показывать высоту относительно них.

Девочка с интересом посмотрела на длинный дом.

— И под каждым окошком кто-нибудь живёт? А снизу у них потолок над чужими головами?

— Ну да. У меня под полом соседи, а над головой ещё одни.

— А кто выше всех, у того уже крыша? Он там один за ней смотрит?

— Над последним этажом — да.

Ильна задумалась. Лиэра, успевшая закончить с ремешком, отложила корзину и подошла посмотреть.

— А воду как наверх доставляешь? — спросила Лиэра. — Столько ступеней с вёдрами не находишься.

По её взгляду я понял, что мои недавние упражнения у ручья ещё не забыты.

— Мне её носить вообще не приходится. Трубы в дом проведены, по ним приходит.

— И напора хватает до самого верха? — Она присела возле рисунка и проследила пальцем вверх по этажам.

— Хватает. Обычно.

— Вот это я бы с удовольствием посмотрела. У меня даже с ручьём под боком за день руки от вёдер устают.

Я уже приготовился согласиться, когда она добавила:

— Только если всё это чинить приходится, наверное, домом вместе и спорите?

Я вспомнил сообщения в общем чате подъезда и засмеялся.

— Спорим. Очень хорошо умеем.

С лифтом было труднее. Я нарисовал верёвку через колесо, попытался показать противовес и обнаружил, что внятно объяснить знакомую вещь не так просто. Смысл я понимал, но рисунок получался всё запутаннее. Ильна предложила принести коробочку, чтобы мы её действительно подвигали. Лиэра дала обрезок шнура и разрешила взять пустой ящик. Через некоторое время мы с девочкой уже сидели возле навеса, пытаясь сделать так, чтобы наша кабина поднималась ровно. Без колёсика шнур приходилось перекидывать через гладкую палочку; он то застревал, то соскальзывал, и я уже успел перепробовать несколько креплений.

— С таким в городе тебя быстро на лестницу отправят, — заметила Лиэра, подавая нам другую палочку.

— У нас пока прототип, — объяснил я. — Его ещё до ума довести надо.

— Тогда давай пока шишками обойдёмся. А то Ильна уже нашему котлу место присматривает, где бы наверх поднять.

Ильна положила внутрь маленькую шишку, провела её до верха и объявила, что первая поездка состоялась. Потом захотела посадить две. Пришлось разбирать крепление, потому что ящик начал сползать с поленьев. Пока мы вози-

лись, Лиэра работала рядом. Время от времени придерживала конструкцию, подавала что-нибудь или просила освободить проход. Никто не торопился заканчивать. Солнце переместилось, тень от навеса накрыла наш дом, а я всё пытался заставить кабину ходить без рывков. Когда кабина наконец перестала заваливаться набок, Ильна несколько раз подняла и опустила коробочку, затем спросила, можно ли оставить её здесь. Я сказал, что ради этого и строили. Она принялась придумывать, что будет на верхнем этаже, а я отодвинулся к столу, куда Лиэра поставила еду.

Плечо уже почти не чувствовалось. Я сидел, держал тёплую миску и слушал, как девочка спорит сама с собой, нужны ли в доме две лестницы, если есть подъёмная коробка. После города я ожидал, что здесь начну скучать, а теперь целое утро провозился с игрушкой. Не заработал ни монеты, не увидел нового места и даже толком не закончил постройку. Но, глядя, с каким вниманием Ильна проверяет каждый наш узел, я чувствовал себя совершенно довольным.

За едой Лиэра расспрашивала о рынке и мастерских. Про подставку, которой она грела чашу, я вспомнил сам.

— Видел похожую штуку у торговца. По крайней мере, он уверял, что похожая. Дорого просил.

— А проверить позволил? Или только на прилавке подержать?

— Он как-то больше рассказывал. До проверки мы не дошли, я ушёл.

— И хорошо, — Лиэра улыбнулась, разламывая хлеб. — Обещания у торговцев иной раз лучше самой вещи бывают. Другого хоть чего привёз?

— Ремень купил. И копьё поправил, и щит. Ещё вот это к чаю.

— Значит, не зря сходил. А на подставку посмотришь, когда будет кому тебе её проверить.

Ильна тут же вспомнила про миску с плодами. На этот раз мать разрешила взять ещё, и девочка подвинула её ко мне, приглашая разделить удачу. Я взял один. Плод оказался тягучим, сладким и слегка кислым у косточки. На мгновение мне захотелось достать телефон, сфотографировать наш стол и отправить Марку без пояснений. Просто чтобы он знал: всё получилось. Вместо этого я спросил Лиэру, давно ли она умеет пользоваться своей грелкой, и разговор снова ушёл к местной магии.

Оставшиеся дни я сначала считал щедро. До выхода было ещё больше недели. В город я уже сходил, в лесу побывал, на охоте не погиб. Можно было заняться тем, на что раньше не оставалось времени.

На двадцать второй день я купил у мастера в деревне небольшой камень для ухода за оружием. Гном объяснял долго, требовал повторить движение и забрал клинок, когда я прижал слишком сильно. В конце сказал, что если хочу сохранить хорошую вещь, не надо делать вид, будто она всё терпит. Звали его Брин. Узнал я это только после того,

как спросил. Он назвал имя и тут же вернулся к показу, явно считая, что знакомство не важнее состояния лезвия. Собственный первый визит я ему не напомнил. Он, возможно, и так помнил человека, который заглянул в мастерскую, чтобы уставиться на гнома и спросить дорогу к Торену.

На двадцать третий мы с Вельмом подправляли изгородь. Серая тварь больше не появлялась, но теперь я гораздо лучше понимал, зачем он проверяет нижние жерди. Работа была несложная, знакомая, и я несколько раз ловил себя на том, что заранее подаю нужное.

Вечером Торен спросил, собираюсь ли я ещё в Валлен. Приходили люди оттуда, рассказывали, что сведения о гоблинах проверяют, а на дорогах стали чаще встречаться стражники. Хозяин говорил без тревоги, скорее как о том, что может повлиять на поездки.

Я ответил, что до возвращения уже не успею. Только на дорогу туда и обратно уйдёт почти всё время.

— Скоро домой, значит? — уточнил Торен. — А то ты сроков не называл, я думал, ещё поживёшь.

— Неделя где-то осталась. Тут по дороге туда-обратно как раз столько и уйдёт.

Он прикинул что-то и кивнул:

— Тогда завтра за дрова рассчитаюсь. Не люблю, когда человек ушёл, а я ему должен.

Дрова мы разгружали днём, и я о плате успел забыть. В голове уже было другое: надо закрыть все дела, чтобы после

выхода ничего не осталось за мной. Странная забота для игры, где мой персонаж, наверное, просто исчезнет. Но не хотелось, чтобы Торен напрасно ждал работника или Вельм считал, что я забрал чужие деньги. Я так и не спросил, что происходит с аватаром после завершения сеанса: исчезает он, остаётся ждать или продолжает делать что-то без меня. Марк многое успел объяснить, но про это мы не говорили. Самые простые вопросы обнаруживались уже внутри — обычно как раз тогда, когда без ответа было неудобно.

На двадцать четвёртый я сходил к Лиэре с пустой посудой от Дары. Ильна встретила меня у калитки, рассказала, что коробочка держит уже три шишки, и захотела показать. Оказалось, она добавила вторую направляющую из тонкой ветки. Кабина почти перестала болтаться. Я похвалил. Девочка постаралась не выглядеть слишком довольной, но сразу пустилась объяснять, почему так лучше.

Лиэра слушала из дома и не вмешивалась. Потом попросила нас перенести полку. Пока я держал один край, она поинтересовалась, куда я отправлюсь после Бродного.

— Я вообще домой собираюсь, — ответил я.

— Когда успел надумать? Ты ведь ещё столько всего здесь посмотреть хотел.

— Да я с самого начала на месяц приехал. Так договаривались.

Она посмотрела на меня поверх полки, но предложила сначала поставить её и не беседовать на весу. Когда мы за-

кончили, вопрос не повторила, но я решил сам объяснить, что имел в виду.

— Дней через шесть примерно. Может, чуть позже, — пояснил я, когда мы вышли на крыльцо.

— У тебя там кто-то ждёт? Или просто пора возвращаться?

— Друг. Мы время назначили, он должен встретить.

Лиэра кивнула, поправляя упавшую на лоб прядь:

— Тогда я тебя в последние дни работой не буду задерживать. А то ты у меня то за одно возьмёшься, то за другое, а вечер уже подкрался.

Я улыбнулся и пообещал не задерживаться. Отчего-то не хотел говорить прямо, что это не дорога и не встреча на постоянном дворе. Для неё мои слова всё равно означали бы не то. Объяснять игру, лабораторию и устройство за пределами мира казалось ненужным, да и испортило бы разговор. Достаточно того, что я ухожу домой.

На двадцать пятый день мы выбрались к верхним заводам. Ильна несколько дней просилась туда: хотела посмотреть на маленьких водяных прыгунов, которых, по её словам, можно было заметить только у тёплого берега. Лиэре тоже нужно было в те места. Я предложил помочь с корзинами и заодно увидеть участок леса, до которого ещё не доходил.

В этот раз шли втроём. Девочка держалась впереди, но не уходила далеко. Через каждые несколько минут показывала на землю, ветку или просвет между деревьями, уверенная,

что я обязан всё это рассмотреть. Лиэра на ходу напоминала ей смотреть под ноги. Я смотрел за обеих и потому почти не вертел головой.

У заводи вода стояла спокойно, только у дальнего края просачивалась через камни. Над берегом склонились ветви, на мелководье среди стеблей двигались тени. Мы с Ильной присели и замолчали. Через некоторое время из воды показалось маленькое плоское существо с выпуклыми глазами. Выбрало камень, подтянулось и замерло. Снизу оно ещё держалось за воду хвостом. Потом резко выпрямило задние лапы и перелетело на соседний камень. Ильна схватила меня за рукав. Я осторожно накрыл её пальцы своей ладонью, показывая, что тоже заметил. Существо было похоже сразу на нескольких знакомых животных и ни на одно до конца. На спине темнели пятна, пальцы разъезжались по мокрому камню. Когда рядом зашевелились листья, оно припало к поверхности, почти слившись с ней.

— А потрогать его можно? — шёпотом спросил я.

— Не надо, спугнёшь! — Ильна подалась ближе и заговорила мне почти в ухо: — И хватать нельзя. Если крепко схватить, с него шкурка сойдёт. Он так от зверей уходит.

— Серьёзно? Ты сама видела?

— Мы шкурку находили, совсем пустую. Я ещё думала, он умер, и искала, где остальное. А мама сказала: он ушёл уже, в воде спрятался.

Девочка ещё крепче сжала мой рукав, когда из воды вылез

второй прыгун. Оба некоторое время сидели неподвижно, потом меньший перепрыгнул прямо перед большим, и тот тяжело плюхнулся обратно. Ильна закрыла рот ладонью, чтобы не рассмеяться вслух. Я отвернулся, скрывая собственную улыбку.

Мы просидели у воды долго. Лиэра собрала, что ей требовалось, вернулась и несколько минут смотрела вместе с нами. Потом сообщила, что если мы намерены здесь остаться до вечера, можно хотя бы поесть. Я поднялся неохотно. К этому времени солнце согрело землю, сапоги чуть подсохли после утренней травы, а возле воды стоял густой запах зелени. Мы устроились выше, где было сухо. Ильна принесла плоский камень и объявила его столом.

Ели без спешки. Лиэра рассказывала, как в её прежнем лесу тоже были похожие мелкие существа, только они прыгали по деревьям и ночью кричали так, что невозможно спать. Я спросил, не скучает ли она. Она посмотрела на воду, прежде чем ответить:

— Иногда так ясно вспомнится, что я оглядываюсь: неужели опять там? Особенно от запахов. Влажную кору потрогаешь, и вдруг совсем другой лес перед глазами. Потом отпускает, а на сердце ещё долго щемит.

Я кивнул. Хотел сказать, что понимаю, но не был уверен. Мне до своего дома оставалось пять дней.

— А ты по чему скучаешь? — спросила Лиэра.

Я задумался. Родителей давно не видел, но в обычной

жизни тоже мог пропасть на месяц, ограничиваясь звонками. По Марку, с которым разговаривал перед входом, здесь прошло почти столько же. По квартире? По кровати? В первую очередь почему-то вспомнился душ.

Я признался, что больше всего пока скучаю по душе, и пришлось объяснять, что это такое. Ильна слушала с нарастающим восторгом, пока я описывал горячую воду, которая идёт сверху. Потом посмотрела на мать и спросила, можно ли так же повесить ведро за домом.

— Устроить можно, я даже место найду, — ответила та. — Только воду ты сама нагреешь и принесёшь. Попробуешь, а там решим, стоит ли такое оставлять.

Ильна посмотрела на ручей, представила ведро над собственной головой и перестала торопить нас с постройкой. На обратном пути я нёс обе корзины. Ильна шагала рядом, иногда забегала вперёд, а потом возвращалась рассказать то, что вспомнила. Лиэра шла чуть позади и останавливала её, когда тропа становилась узкой. Я слушал, отвечал и думал, что из всего месяца именно этот день будет труднее всего объяснить тем, кто спросит, чем я занимался в новой игре. Ответить: «Смотрел, как зверушка прыгает с камня на камень» — было бы правдой. Но после такой правды пришлось бы долго объяснять, почему мне совершенно не жалко потраченного дня.

После двадцать шестой зарубки я начал торопиться. Хотелось завершить мелкие дела, купить что-нибудь на память и

обязательно ещё раз пройти по деревне, запоминая подробности. Вещь на память я так и не выбрал. Потом понял, что забирать всё равно некуда, и долго смеялся над собственной предусмотрительностью.

Вместо покупки помог Даре перенести мешки, получил от Торена заработанное и оплатил комнату до конца тридцатого дня. Хозяин пересчитал монеты, записал и спросил, не нужно ли приготовить еду в дорогу. Я ответил, что не надо.

— С кем дорогу держишь? Сивер ведь в город уже ушёл, а остальных я не расспросил.

— Нет. За мной... — Я замолчал, выбирая формулировку. — Меня заберут.

Торен поднял голову, но расспрашивать не стал.

— Ну, коли условились, подожди. Только чтобы они и впрямь срок знали, а не ты один решил. Был у меня тут один: с утра людей ждал, а они только к ночи добрались.

Я заверил, что время знают точно. Вечером двадцать восьмого дня перебрал снаряжение. Почистил то, до чего не дошли руки, подправил укладку сумки, проверил крепления. Похоже было на сборы перед поездкой, хотя никуда идти не требовалось. За ремнями и пряжками всё чаще вспоминались места, куда я так и не успел сходить, и предстоящее возвращение уже не казалось безусловной радостью.

Я поймал себя на том, что пытаюсь представить следующий вход. Появлюсь ли здесь же? Узнают ли меня Торен, Вельм, Лиэра? Сколько времени пройдёт внутри, пока я бу-

ду снаружи? Если запустить всё на выходных, а потом вернуться через неделю, что окажется с деревней? Марк не говорил, будет ли время продолжать идти с той же скоростью, когда сеанс закончится. В списке вопросов это заняло одно из первых мест.

Список я составлял мысленно. Начинался он с восторгов, затем шли замечания о весе вещей, самостоятельности жителей и необходимости лучше объяснять деньги. Позже добавил, что ощущения смягчены не настолько, чтобы удар кряжника казался пустяком. Всё это хотелось рассказать не как жалобу, а как человеку, которому действительно интересно, что у него получилось.

На двадцать девятый день я в последний раз перед выходом сходил к дому у леса. Лиэра укладывала сушёное в небольшие мешки. Я помог завязать, потом принёс воды, уже не наливая до краёв. Ильна показывала новые знаки на дощечке и потребовала, чтобы я прочитал без подсказки. Получилось не всё. Девочка исправила и велела попробовать снова. Когда я сказал, что завтра ухожу, она сначала посмотрела на мать.

— А обратно когда придёшь? — спросила Ильна. — Или ты опять как в город, ненадолго?

— В этот раз не знаю. Хотел бы поскорее.

— Ты ещё дальше города уходишь? Там тоже три дня идти или больше?

Я сел на скамью, чтобы не стоять над ней.

— Я сейчас домой вернусь, там кое-что сделать надо. А потом узнаю, когда смогу снова сюда.

Я имел в виду Марка, но объяснять это не стал. Ильна нахмурилась.

— Почему узнаешь? Тебя кто-то потом не пустит?

— Я с другом договариваться буду. Это он мне помог сюда попасть.

Лиэра подняла глаза от мешка. Некоторое время смотрела на меня, затем снова взялась за узел.

— Если вернёшься, загляни, — сказала она. — Придёшь и расскажешь, как до своих добрался. Мы здесь будем.

Это прозвучало так просто, что у меня неожиданно жгло горло. Я кивнул, откашлялся и пообещал зайти. Ильна пошла в дом, потом вернулась с нашей подъёмной коробочкой. Шнур был аккуратно смотан, на стенке углём нарисовано окно.

— Возьми с собой! — сказала она. — Ты же там рассказывать будешь. Покажешь, что мы сделали, и окно я сама нарисовала.

Я посмотрел на коробочку. Пару секунд не мог решить, что ответить. Оставить подарок в комнате, а самому выйти — значит, девочка подумает, будто забыл. Взять с собой тоже не получится. Ещё вчера эта разница смешила, а сейчас мешала договориться с обычным ребёнком.

— Давай лучше здесь оставим, — сказал я наконец. — Ты ведь ещё дом не достроила. А когда я вернусь, вместе

проверим, как всё работает. У меня дома и так настоящий подъёмник есть, а здесь пока только этот.

Ильна задумалась, потом прижала коробочку к животу.

— Тогда я пока стенки приделаю. И дверцу, только чтобы открывалась. У тебя дома она ведь открывается?

— Конечно. Покажу, когда приду.

Лиэра не вмешивалась. Я не знал, заметила ли она мою заминку. Попрощались у калитки, и обратно я шёл медленнее обычного. У ручья остановился, посмотрел на воду и попробовал представить её на экране домашнего шлема. Получалось хуже, чем просто перед глазами. Ещё недавно мне хотелось только снова попасть в этот мир; теперь у желания появились вполне определённые адреса и лица.

Тридцатый день начался обыкновенно. Кто-то ходил по лестнице, во дворе Дара разговаривала с работницей. Я лежал, смотрел в потолок и ждал, не начнётся ли выход прямо сейчас. Потом вспомнил, что попал в мир не утром. В лабораторию приехал к половине одиннадцатого, после этого были разговоры, осмотр, подготовка. К запуску дело подошло значительно позже. Во сколько здесь я появился, не знал. Солнце тогда стояло высоко, но часов не было, а я первые минуты вообще не смотрел на небо.

Я сел и пересчитал зарубки: двадцать девять, сегодня вечером должна появиться последняя. Только теперь до меня дошло, что тридцать ночёвок ещё не означают тридцать полных суток. Первые три черты я вырезал разом, когда решил

вести счёт, и в числе дней тогда не ошибся. Но день появления был неполным. Если отсчитывать от самого запуска, срок закончится лишь завтра, примерно в то же время. Я покрутил дощечку в руках, пытаюсь вспомнить точные слова Марка. «Тридцать дней» — так он и сказал, а я не догадался уточнить, от какого момента их считать. В лаборатории это казалось мелочью, теперь же из-за неё приходилось заново определять, когда меня должны забрать.

В конце концов решил не искать проблему заранее. Сегодня или завтра — какая разница, если всё работает. Главное, находиться в спокойном месте. Не хотелось, чтобы сознание вернулось в лабораторию в тот момент, когда я лезу с ведром по лестнице. Я умылся, оделся и спустился завтракать.

Дара поставила кашу, потом остановилась возле стола.

— Ты завтракать-то успеваешь? Говорил, сегодня за тобой придут.

— Успеваю. Может, вообще завтра получится: я, похоже, немного со счётом дней намудрил.

— Тогда ешь, чего сидеть голодным. Только Торену до вечера скажи, остаёшься ли ещё на ночь. Пока комната свободна, потом пообещаем кому-нибудь.

Я поблагодарил. Хозяйка ушла на кухню, а я некоторое время смотрел в миску, пытаюсь понять, почему после такого обычного ответа стало неловко. Наверное, потому, что я уже со всеми попрощался.

До полудня побродил по деревне. Вернул Вельму неболь-

шой кусок верёвки, который держал у себя с прошлой работы. Тот взял, спросил, куда подевалась спешка, и принял объяснение про задержку. Брин кивнул из мастерской, когда я прошёл мимо. Дети возле реки опять что-то строили в песке, но уже не те двое, которых видел в первый вечер.

Я остановился у воды. Мостик был освещён солнцем, под ним скользила тень. В голове время от времени вспыхивала мысль: сейчас. На секунду я даже закрыл глаза, проверяя ощущения. Когда открыл, река оставалась на месте.

К обеду я вернулся к Торену, хотя есть ещё не хотелось: спокойнее было ждать рядом с комнатой. Уселся под навесом и попытался вспомнить последний выход из домашнего кресла. Обычно сперва возвращалось ощущение лежащего снаружи тела, потом я начинал слышать комнату и открывал глаза. Переход мог занимать время, но его начало всегда удавалось узнать. Сейчас я сколько угодно прислушивался к себе и чувствовал только ладони на столе, шероховатое дерево под пальцами и собственную ногу, затёкшую от неудобной позы. Провёл ногтем по трещине в столешнице и усмехнулся: будет забавно, если самым неприятным впечатлением от опыта окажется ожидание его окончания.

После обеда меня позвали придержать створку. Я уже встал, потом остановился.

— Не сейчас. Меня могут...

— Я лучше пока здесь побуду, — закончил я, встретившись с вопросительным взглядом Дары.

Она кивнула без вопросов. Кто-то другой подошёл помочь, и я остался сидеть. Время потянулось медленнее. Раньше день заполнялся делами, и я замечал вечер, когда начинали звать к столу. Теперь солнце, тени и чужие занятия стали способом понять, сколько ещё прошло. Я несколько раз поднялся в комнату, затем спустился. Хотелось есть, потом не хотелось. Под конец убедил себя, что окончание сеанса приходится на следующий день, и сразу стало легче.

Вечером добавил тридцатую зарубку. Места на дощечке оставалось достаточно. Я зачем-то провёл пальцем по гладкому участку ниже ряда и убрал её в сумку.

Утром я проснулся раньше остальных. За окном только светлело. Некоторое время слушал дом, затем осторожно сел и попытался определить, не изменилось ли что-нибудь за ночь. Голова ясная, руки свои, в спине привычно тянет после жёсткой постели. Если выход во сне, проснулся бы я уже в лаборатории. Я вспомнил, как вчера решил дожидаться полных суток, и заставил себя не торопиться. У меня было ещё несколько часов. Возможно, гораздо больше: местное солнце ничего не знало о времени запуска.

Торен принял плату ещё за день. Я достал деньги, пересчитал и впервые за последнее время пожалел о городских покупках. Если задержка затянется, работать придётся снова. Но затягиваться ей было незачем. Хозяин занёс запись и спросил:

— Может, кого к дороге послать? Договорились-то вы где,

здесь или у въезда?

— Нет, не надо. Они знают, где я. Меня найдут.

— Ладно, — сказал Торен, закрывая книгу. — Понадобится помощь — не молчи. Сам я не угадаю, что у тебя за дело.

Я ответил, что скажу, и вышел во двор. Сначала занимался оружием. Потом понял, что пятый раз протираю одно и то же место. Убрал ткань, нашёл себе угол под навесом и стал ждать. Звуки деревни постепенно усиливались. Привезли груз, у колодца поссорились дети, из мастерской донёсся первый удар. Я несколько раз поворачивал голову на шум в воротах, хотя никто не должен был приходить за мной пешком.

К полудню стало жарко. Я перебирал в памяти подробности комнаты перед погружением: расположение ламп, Марка слева от ложа, голос Елены Сергеевны и инженера за экраном. Виктор — имя, к счастью, сохранилось. Будь он рядом, я бы прямо сказал, что время уже вышло, но между нами находилось что-то гораздо сложнее стены или закрытой двери. Вдруг они сейчас смотрят на показатели и решают, что всё в порядке, раз я спокойно сижу? Я встал, прошёл до ворот и вернулся, пытаюсь придумать знак, который можно подать через датчики. Сердце и без того билось чаще обычного; если следят, должны заметить. Прислушавшись, я вдруг отчётливо услышал собственное дыхание и попытался его замедлить, но тут же бросил: не хватало ещё мешать людям, кото-

рые понимают в происходящем больше меня.

За обедом съел несколько ложек и отодвинул миску. Дара посмотрела, но ничего не сказала. Через некоторое время принесла воды.

— Так и не идут твои? — спросила она, ставя воду рядом с миской.

— Пока нет, — ответил я, подняв голову.

— Ты поешь всё-таки. Оттого, что за столом ждёшь, раньше не придут. Мало ли что в дороге: Сивер в прошлый раз сутки колесо искал, тоже ведь не собирался задерживаться.

Мне хотелось ответить, что у нас совсем другое. Что никто не едет на телеге, что я должен просто открыть глаза в другом месте, где прошло два часа, а может, уже три. Вместо этого сказал:

— Спасибо.

Дара постояла ещё мгновение и ушла. Я допил воду, посмотрел в пустой кувшин и понял, что безделье становится невыносимым. Вышел из двора, дошёл до реки, затем свернул к лесной тропе. Не к Лиэре, а немного в сторону, где деревню уже закрывали кусты. Мне хотелось поговорить вслух так, чтобы никто не спрашивал, с кем я разговариваю. Остановился под деревом, огляделся и поднял голову.

— Марк?

Имя прозвучало непривычно. Здесь я почти не произносил его вслух. Листья шевельнулись от ветра. Я выждал, хотя не представлял, в какой форме мог бы получить ответ.

— Если вы меня слышите... время уже вышло. По-моему, вышло. Я тридцать дней отсчитал.

Сделал паузу, почувствовал себя идиотом и всё равно продолжил:

— Виктор? Елена Сергеевна? Я ещё внутри.

Никакой реакции. В голову пришло, что меня, возможно, вообще не слышат. В лаборатории я ведь не разговариваю, а лежу с закрытыми глазами. Наблюдать за телом и слышать речь персонажа — разные вещи. Марк не обещал, что сможет отвечать оттуда. Что он вообще обещал? Следить. Извлечь, если что-то пойдёт не так. Вернуть через два часа. Я опустил голову. Земля под ногами выглядела незыблемой, на корне сидело маленькое чёрное насекомое. Оно переползло через трещину и скрылось с другой стороны.

— Ладно, — сказал я тише. — Просто проверьте, пожалуйста.

Обратно я шёл медленно. Обращение к небу мало помогло, но хотя бы исчезло чувство, что я совсем ничего не предпринимаю. К вечеру от тревоги и пустого желудка начало подташнивать; пришлось заставить себя поесть, а потом подняться в комнату и закрыть ставню. Сидя на кровати, я искал объяснение задержке, которое не требовало бы бояться. Возможно, им понадобилось больше времени на безопасное завершение процесса: медицинские решения важнее таймера, и никто не станет рисковать только ради обещанных двух часов. Я представлял Марка рядом с установкой и почти слы-

шал, как он требует выяснить причину неполадки.

Представить его раздражение оказалось полезно. Он бы стоял за спиной Виктора, задавал вопросы, пытался выяснить, сколько займёт устранение неполадки. Не ушёл бы пить кофе, оставив меня лежать. Я лёг, не раздеваясь. Через некоторое время всё-таки встал, снял сапоги и поправил подушку. Если выйти сейчас не получается, хотя бы посплю, пока разбираются. На дощечке я сделал ещё одну черту. Тридцать первую.

Утром тридцать второго дня я несколько мгновений смотрел в потолок, ещё не вспоминая, почему так тяжело засыпал. Потом за стеной кашлянули, внизу хлопнула дверь, Дара позвала Торена — и я резко сел, узнав всё сразу. Та же комната, тот же двор, ночь ожидания и мой нелепый разговор в лесу. Ещё одно обычное утро, которое для меня здесь наступить не должно было. Вчера удалось заснуть, убедив себя, что к пробуждению всё решится; теперь уговаривать себя стало труднее.

Я достал дощечку и пересчитал зарубки — сперва быстро, потом касаясь ногтем каждой, чтобы ничего не пропустить. Не доверяя даже этому, стал восстанавливать дни по событиям: появление у дороги, встреча с Вельмом, работа у Торена, первая доставка к Лиэре. Потом поход за травами и поездка в город с ночёвками, которые легко вспомнить по местам. На охоте я сбился, начал заново и получил то же самое. Ошибка могла составить неполные сутки, но этим сроком я

уже воспользовался вчера. Часов здесь не было, зато ночей прошло достаточно, чтобы больше не списывать задержку на свой счёт.

Всё же я тут же принялся искать новую ошибку: вдруг один день отметил дважды? Положил дощечку на кровать, полез в сумку за вещами и через минуту обнаружил, что опять ищу её, хотя она лежит рядом. Сердце стучало слишком громко, пальцы цеплялись за застёжку. Пришлось отложить сумку и заставить себя посидеть неподвижно. Я сидел на краю кровати, дышал и смотрел на разбросанное. Меч, плащ, фляга, сумка. Люди в лаборатории снабдили меня всем этим, отправили сюда и сказали, что будут наблюдать. Всё это не исчезло оттого, что я чего-то не понимаю.

Я спустился. Торен нашёлся во дворе. Я постарался спросить спокойно, сколько времени прошло с моего первого прихода. Он задумался, потом назвал день относительно недавней поставки. Я попросил объяснить точнее. Хозяин посмотрел на меня и пошёл за книгой.

— Ты первый раз тогда пришёл, когда балку под навес ставили, — сказал он, раскрывая записи. — На следующий день с нами доделывал. Потом в город уходил.

Я кивнул, следя за его пальцем. Вот плата за комнату, вот выезд, вот возвращение. Торен считал иначе, но даты сходились с моими. Ошибка не нашлась.

— Сходится у тебя? — спросил Торен. — С моей стороны всё записано.

— Да, спасибо. Я просто проверить хотел. А за комнату сейчас...

— После рассчитаемся, куда ты пока не уходишь. Я вечером считать буду, тогда и отдашь.

Он закрыл книгу. Я почувствовал, что нужно объяснить своё поведение, но не знал как.

— Меня уже должны были забрать. Я и сам не понимаю, почему задержка.

— Ты третий день места себе не находишь. Заметил я, — ответил хозяин, убирая книгу.

Торен не стал утешать или расспрашивать. Вернулся к воротам, оставив мне возможность постоять одному. Я был ему благодарен: от ещё одного вопроса мог сорваться на человека, который ни в чём не виноват.

После завтрака вышел из деревни. На этот раз пошёл не наугад. До места, где появился, было далеко не несколько шагов, но дорогу я помнил: спуск, поворот, камень у обочины. Я хотел хотя бы проверить, нет ли там чего-то, что пропустил в первый день. Пока шёл, постепенно становилось спокойнее. Нужно было смотреть под ноги, обходить лужи, выбирать край дороги. Тело занималось понятной работой. В голове всё ещё крутились мысли, но уже не перебивали друг друга каждую секунду.

Нужное место нашлось не сразу. Я узнал подъём, затем камни, потом кусты, под которыми разбирал сумку. Земля немного изменилась: где-то высохла трава, где-то колея ста-

ла глубже. Я остановился у обочины и огляделся. Ничего. Обычная дорога. Лес за лугом, ветер, следы колёс. Под кустом ползали муравьи. Я постоял на том месте, где, как мне казалось, возник. Сделал шаг в сторону, вернулся. Посмотрел вверх, потом под ноги.

— Завершить сеанс, — произнёс я.

Говорить это было не менее глупо, чем вчера звать Марка, но я всё равно перебрал несколько привычных фраз для вызова меню и выхода — на русском, затем на английском. Ничего не изменилось. В лаборатории я прекрасно слышал предупреждение об отсутствии пользовательского выхода, только рядом тогда сидел друг, за стеной работали люди, а до моего настоящего тела можно было дотронуться. Я согласился на особенность испытания, за которую отвечают другие, и не увидел в ней причины отказываться. Теперь очень хотелось вернуть тот разговор хотя бы на минуту и настоять на собственной кнопке.

Мысль о служебном режиме появилась сама. Там, в книжке, были команды почти для всего. Может, была и нужная. Я попробовал вспомнить страницу, заголовки, закладки. В памяти остались три слова, огонь, что-то про перемещение, длинные строки с целями и скобками. Ни одной команды выхода я не помнил. Включать неуязвимость ради того, чтобы постоять на дороге без боли, не имело смысла. Меня и так ничто не ранило. Начинать же наугад вмешиваться в систему, которая уже неправильно завершает сеанс, было страш-

новато. Вдруг им потом станет только труднее.

Я убрал руки с пояса и отошёл к знакомому камню. Некоторое время сидел, слушая ветер. Потом достал флягу, сделал глоток и понял, как сильно устал.

Дома сейчас, наверное, ещё суббота. Моя одежда сохнет на двух сушилках, шлем стоит на зарядке. Я должен был съездить к родителям в воскресенье. На работу — после выходного. Мама напишет, потом позвонит. Если я не отвечу, она свяжется с Марком. Он и без неё знает, где я.

Я крепко закрыл флягу и заставил себя подняться. Стоять на месте запуска до ночи было бесполезно. Если извлечение работает снаружи, ему не важно, под каким кустом я сижу. До деревни добрался под вечер, голодный и злой от усталости. На вопрос Дары, буду ли ужинать, ответил слишком резко. Она остановилась с миской, и мне сразу стало стыдно.

— Извини, Дара. Буду, конечно. Я сегодня вообще какой-то дёрганный.

— Садись, ещё горячее, — сказала хозяйка, ставя миску. — Покричать и после успеешь, если понадобится.

Она не сердилась, и мне стало только неловче. Я сел, придвинул еду и принялся есть, почти не замечая вкуса.

На тридцать третий день я решил никуда не уходить. Ночью несколько раз просыпался. Каждый раз сначала надеялся увидеть потолок лаборатории, потом узнавал свою комнату. К утру голова стала тяжёлой, и я уже не понимал, что хуже: ждать здесь или снова идти куда-нибудь ради видимости

дела.

За завтраком Торен спросил, остаюсь ли я ещё на ночь. Пришлось открыть мешочек. Денег было немного. Не настолько мало, чтобы немедленно просить в долг, но считать дни теперь требовалось и по другой причине. Городской заработок постепенно превратился в еду и комнату, а следующей выплаты никто не обещал. Я пересчитал медь, убрал лишнее и отдал за ночлег. Торен занёс в книгу. Я стоял рядом, пока он не поднял голову:

— Спросить хотел чего? — уточнил Торен.

— Работа у тебя найдётся? Я бы занялся чем-нибудь, пока жду.

Хозяин посмотрел во двор и указал на навес:

— Там ящики разобрать надо. Сперва пустые вынеси, потом доски. Два больших не трогай, они с грузом, после обеда вдвоём передвинем.

Я согласился, хотя почти сразу пожалел: если меня извлекут посреди работы, всё останется разбросанным. Затем понял, что вчера думал точно так же, и всё равно ничего не произошло. Под навесом лежали доски, верёвки, пустая посуда и вещи, которые хозяева берегли на случай, если пригодятся. Я принялся перебирать, переносить, ставить так, чтобы было удобнее доставать. Сначала работал медленно, всё время прислушиваясь к себе. Потом одна из крышек зацепилась за ремень, я выругался, освободил её и на несколько минут забыл про ожидание. Сразу получилось легче.

Около полудня пришёл Вельм. Передал Торену что-то завернутое, задержался возле меня и спросил:

— Ты ещё поживёшь тут, Алексей? — спросил он, придерживая ногой калитку.

— Пока не знаю, — ответил я, опуская пустой ящик. — Задержался немного.

— Коли останешься, у меня дела есть на день-другой. С Тореном закончишь — зайди. Договоримся, сколько сделаешь.

Я поблагодарил. Вельм ушёл, а я поставил ящик и посмотрел на свои ладони. Ещё несколько дней назад предложение означало бы просто новое занятие. Теперь в нём появилось совсем другое: на что я буду есть, если завтра снова проснусь здесь. Мне это не понравилось.

После обеда мы с Тореном передвинули тяжёлые ящики, и я наконец сел у стены, вытянув ноги. Дара развешивала ткань, за воротами проходили люди; чей-то детский смех напомнил об Ильне. Она ведь думает, что я уже уехал. Нужно было зайти, объяснить задержку, но от мысли о её расспросах становилось не по себе: когда теперь домой, почему не получилось, можно ли пока закончить дом? Я не знал ответов даже для себя и потому решил отложить встречу на завтра. Три дня назад такое решение означало бы просто ещё один свободный день. Теперь за ним сразу возникал вопрос, которого я старался не задавать: сколько ещё этих дней будет?

Вечером я поднялся в комнату, достал дощечку и вырезал ещё одну черту. На новом ряду их было три. Я провёл по ним пальцем, убрал нож и долго не закрывал сумку. Задержка сама по себе ещё ничего не доказывает. Я повторил это мысленно, пытаюсь вернуть уверенность. Марк рядом с моим телом. Есть врач, инженер, аппаратура. Они не могли просто забыть. За всё время, что мы знакомы, Марк не оставлял меня даже в самых дурацких игровых передрыгах, хотя там было достаточно выйти и начать заново.

Значит, сейчас у них не получается. Мысль, которую я три дня обходил, наконец сложилась без оговорок. Не «я неправильно посчитал», не «нужно ещё немного подождать». Они должны были вернуть меня и не вернули.

Я лёг на кровать, подложил руки под голову и посмотрел на тёмную полосу балки над собой. Снизу доносились шаги. Кто-то передвинул лавку, потом за стеной негромко заговорили двое. Я по-прежнему находился в игре. И понятия не имел, когда это закончится.

Глава 7. Пока меня не заберут

У Вельма нашлось столько работы, что к полудню я перестал поглядывать на небо. Мы разбирали старый настил возле сарая. Доски, которые ещё можно было использовать, складывали под крышу, остальное Вельм велел относить к поленнице. Я поддевал крепления, вытаскивал гвозди, дважды садился выковыривать занозу. Когда одна доска треснула поперёк, выругался так, что хозяин поднял голову, но только спросил, не задело ли руку.

Руку не задело. Я отложил обломок, вытер лицо и с удивлением обнаружил, что за последнее время ни разу не прислушался к себе в ожидании выхода. Во дворе пахло трухой, сухой землёй и чем-то кислым из открытого сарая. Вельм примерял новый брус, прижимал коленом и сердился, что старый настил в этом месте положили вкось. Всё это было достаточно насущным, чтобы ненадолго занять голову. За обедом я ел с аппетитом. Хозяйка вынесла миски к навесу; Вельм сел рядом, сначала долго отряхивал штаны, потом вспомнил о занозе в собственном пальце и полез за иглой. Я наблюдал, как он возится, и думал о людях в лаборатории.

За утро я так и не нашёл причины считать, что Марк забыл обо мне. Когда пытался представить обратное, в голове возникала одна и та же нелепая картина. Два часа истекли, все вышли, свет в комнате погас. Я лежу в установке, вокруг

никого. Из-за этого что-то продолжает работать — и дорога, и Валлен, и люди, с которыми я разговариваю.

Не получалось. Даже если Марка зачем-то вызвали, оставались врач, медсестра, инженер. Слишком много людей, слишком серьёзное оборудование. Обычный сеанс закончился бы, систему остановили. Если всё ещё существует, значит, есть причина не выключать. Это рассуждение ничего не доказывало, но я держался за него. За несколько дней у меня вообще осталось мало вещей, на которые можно было опереться, и доверие к другу было одной из них.

Вельм наконец вытащил занозу, сжал палец и посмотрел на меня.

— Будешь ещё? Там осталось.

Я не сразу понял, что речь о еде, затем подвинул миску. Хозяйка молча добавила похлёбки. Пришлось вернуться к столу и хотя бы на время перестать мысленно обходить установку, возле которой меня не было. После обеда мы закончили с настилом. Вельм проверил, как легли доски, отсчитал плату и предложил прийти завтра: нужно было подновить изгородь возле дальнего участка.

— Я утром, наверное, отойду. После обеда могу, если ещё нужно.

— Нужно. Только скажи заранее, если передумаешь. Я себе помощника жду, а не гадаю, где он ходит.

Я пообещал. Теперь простая договорённость на завтра почему-то ощущалась серьёзнее, чем в первый месяц. Тогда я

выбирал, чем интересно заняться. Теперь приходилось решать, что делать со временем, которое мне никто не обещал.

Вечером тридцать четвёртого дня я сидел в комнате и пытался вспомнить разговор перед погружением без собственных домыслов. Марк сказал, что тело останется под наблюдением. Елена Сергеевна подтвердила, что будут следить весь сеанс. Виктор видел какие-то показатели, медсестра проверяла крепления. Я хорошо помнил их лица, паузы, запах комнаты. Запомнил даже, как стакан с водой охлаждал пальцы после записи. Они не должны были угадывать, всё ли со мной в порядке. У них для этого аппаратура.

Возможно, неполадка была связана не с игрой, а с моим состоянием снаружи. Я долго обходил эту мысль, потому что следом приходилось представлять собственное тело: неподвижное, с датчиками, по какой-то причине не способное проснуться. Что-то случилось при ускорении, при подключении, при попытке вернуть меня. Здесь я хожу, разговариваю, ем, а там со мной разбираются врачи. Возможно, завершить сеанс пока опаснее, чем оставить всё работать.

Уверенности не было. Я не понимал ни устройство, ни происходящее снаружи, и все объяснения собирал из обрывков инструктажа. Но это хотя бы связывало одно с другим: почему никто не извлекает, почему мир не исчезает и почему друг не может просто прийти и сказать, сколько ещё ждать. Про связь я почти ничего не спросил. В обычной игре всегда можно написать, вызвать меню, увидеть уведомление. Здесь

не было даже того места перед глазами, где оно могло бы появиться. Я тогда решил, что оно мне не понадобится.

Я откинулся к стене и закрыл глаза. Раздражение на Марка поднималось быстро: зачем вообще давать человеку систему без самостоятельного выхода? Потом вспоминал, как сам сидел в лаборатории, перебивал вопросами о мире и отказывался от слишком хороших предметов. Мы оба были уверены, что через два часа всё закончится. Пока они разбираются, я хотя бы не должен мешать. Открыв глаза, я оглядел комнату и попытался принять решение, которое ещё вчера казалось чем-то вроде капитуляции: перестать ждать неподвижно, снова ходить, работать, покупать еду. Когда смогут — заберут. Для этого мне необязательно круглые сутки сидеть на кровати и следить, не начал ли исчезать потолок. Решение получилось разумным, а облегчение — слабым. Лёг я всё равно с надеждой, что на этот раз проснусь в другом месте.

К Лиэре я пришёл на следующее утро. У калитки остановился, поправил ремень сумки и некоторое время смотрел на двор. Ильна сидела возле навеса спиной ко мне и зачищала тонкую ветку. Наша коробочка стояла на перевёрнутом ящике; с одной стороны у неё появилась стенка с угольным рисунком. Я позвал. Девочка обернулась, сначала просто посмотрела, потом вскочила.

— Ты вернулся? А мы думали, тебе ещё долго!

Она побежала к калитке, на ходу убирая инструмент в

карман передника. Я даже успел улыбнуться, прежде чем стало неловко.

— Я пока не уехал. Немного задержался.

— Совсем не уехал? — переспросила она. — Ты же говорил, завтра заберут.

— Да. Не получилось.

Ильна нахмурилась, стараясь понять, как такое бывает. За её плечом открылась дверь, вышла Лиэра с тканью в руках и остановилась на крыльце. Удивления на лице было меньше, чем у дочери. Она посмотрела на меня, затем попросила Илну убрать стружку с места, где сушат растения.

— Ты проходи, Алексей. Не стой за оградой.

Я закрыл калитку и подошёл. Очень хотелось, чтобы она не начала с вопроса, когда теперь я ухожу. Лиэра ничего такого не спросила: велела поставить сумку в сухое место и помогла развернуть на столе ткань, которую собиралась нарезать. Некоторое время мы работали молча. Ильна несколько раз поднимала голову; было видно, что ей хочется продолжить расспросы, но мать каждый раз занимала её делом. Я понимал, что это делается ради меня, и от этого одновременно становилось легче и немного стыдно. Когда девочка ушла за водой, Лиэра отложила ножницы.

— Что у тебя случилось?

Я потёр ладонью колено.

— Те, кто должен был меня забрать, не смогли. Я не знаю почему. И спросить у них не получается.

— Восточку передать некому?

Я покачал головой. Лиэра подождала, давая объяснить, но я только смотрел на ткань. Рассказывать о настоящем положении вещей было бы проще, если бы я сам его знал. Пока мог предложить лишь историю о далёком месте, откуда меня отправили сюда и теперь не умеют вернуть.

— Это не обычная дорога, — сказал я наконец. — Мы по-другому сюда попали. Я думал, они всё предусмотрели.

Лиэра медленно выпрямилась. По тому, как она перестала заниматься тканью, я понял: услышала больше, чем я собирался сказать.

— Ты один пришёл?

— Один.

Она кивнула. Я видел, как у неё складывается собственное объяснение, и не знал, стоит ли мешать. В мире, где люди помнили исход, мои слова наверняка имели вполне определённый смысл.

— Ты ведь сама не по дороге сюда пришла, — осторожно продолжил я. — Может, слышала, чтобы кто-нибудь потом возвращался? Не просто искал родню здесь, а именно назад.

Лиэра посмотрела в сторону ручья, куда ушла дочь.

— Искали такое. В первые годы многие искали. У кого-то близкие остались, кто-то с места своего так и не сжился. Только о вернувшемся я не слышала.

Я ждал продолжения, но она ничего не добавила. Ветер приподнял край ткани. Лиэра придержала его ладонью.

— Ни одного?

— Я не весь мир знаю, Алексей. Много лет живу возле одной деревни. Могу только рассказать, что сама видела и слышала.

Я кивнул, заставляя себя принять ответ именно таким. Она не была справочником. Даже если в игре существовал способ перехода, травница из Бродного не обязана была знать, где он находится. Вернулась Ильна. Поставила ведро, посмотрела на нас, затем сообщила, что у ручья снова провалилась земля возле берега. Лиэра велела там не ходить и попросила принести чашки. Разговор на этом прервался.

Мы пили тёплый настой под навесом. Девочка начала объяснять, как закрепила стенку у игрушечного дома, и я сначала отвечал невпопад. Потом она подвинула коробочку прямо ко мне. Пришлось смотреть, придерживать шнур, проверять, не зацепляется ли кабина за край. Работало лучше прежнего.

— Ты теперь ещё побудешь? — спросила Ильна, когда коробочка добралась до верха.

— Пока да.

— Тогда можно будет другую стенку сделать. С окном, которое открывается.

Я согласился. Лиэра сидела рядом, держа чашку обеими руками, и не пыталась обещать, что всё непременно устроится. За это я был ей благодарен.

Позже, когда Ильна занялась своими дощечками в доме, я спросил о магии. Начал издалека: о том, что может грел-

ка, что делают более сильные маги, умеют ли они передавать слова туда, куда не дойти ногами. Лиэра ответила на несколько вопросов, затем внимательно посмотрела на меня.

— Ты всё к своему возвращению подбираешься?

Я не стал отрицать.

— Может, здесь есть кто-нибудь, кто хотя бы поймёт, что произошло.

— Может, и есть. Но я не хочу отправлять тебя к первому человеку, который назовёт себя знающим.

Она пояснила спокойно, без желания отпугнуть. В Валле не найдутся те, кто учился магии, и те, кто зарабатывает обещаниями. Одни умеют разбираться с вещами вроде её подставки, другие лечат, третьи занимаются тем, о чём она знает только по рассказам. Сначала нужно понять, что именно им можно показать и о чём спросить.

Показать мне было нечего. Сумку и сапоги исследовать бесполезно: они работали ровно так, как должны. Сам я не чувствовал ни разрыва, ни чужого присутствия, ни признака, по которому местный маг догадался бы о лаборатории. Разве что назвать режим бога, но вмешивать в разговор непонятные слова я пока не собирался.

— А бывает, что человек не может проснуться? — спросил я.

Лиэра отставила чашку.

— Бывает. Только от этого вопроса я больше встревожусь, чем пойму, чем тебе помочь.

Я объяснил, что речь не о ком-то в деревне. Попробовал описать человека, который спит в одном месте, а сам всё время находится в другом. Чем дольше говорил, тем больше слышал, как странно это звучит. Лиэра слушала без улыбки.

— Ты мне сейчас про себя рассказываешь?

Я помолчал.

— Я не уверен. Может быть, со мной там что-то случилось. А здесь я вроде нормальный.

Она посмотрела на мои руки, на лицо, словно проверяя, не пропустила ли чего при встрече.

— Здесь ты усталый и плохо спишь. Это видно. А что с тобой в другом месте — я не узнаю по твоему рассказу.

Сказано было мягко, но после этих слов искать следующий вопрос расхотелось. Я наклонился, упёрся локтями в колени и некоторое время смотрел на землю. Надежда на местную магию появилась всего полчаса назад, но уже успела разрастись. Я едва не решил, что достаточно найти нужного специалиста — и он объяснит, как попросить инженера вытащить меня из установки. Лиэра даже не отговаривала; просто требовала какой-то опоры, кроме моего беспокойства.

— Извини, — сказал я. — Я сейчас сам толком не понимаю, что спрашиваю.

— За это не извиняйся. Только не плати за ответ тому, кто слишком быстро всё поймёт.

Она подняла ткань, которую мы оставили на столе, и спросила, когда в последний раз я нормально ел. Мне оставалось

признаться, что утром. После этого беседа на некоторое время стала гораздо проще: Лиэра занялась едой, я принёс воды, а Ильна вышла сообщить, что умеет помогать и без взрослых напоминаний. До Вельма после обеда я успел. Он выслушал, на сколько могу остаться, выдал инструмент и поставил работать с дальнего края изгороди.

На тридцать шестой день я решил снова идти в Валлен. Сначала намеревался расспросить кого-нибудь о магии и вернуться. Потом посчитал дорогу, расходы на ночлег и остаток денег. Просто сходить туда-обратно на всякий случай оказалось не лучшим решением. В городе следовало найти занятие хотя бы на время, чтобы не тратить всё, пока ищу ответы. Я вспомнил Ольду и её слова о патруле. Работа с понятными обязанностями, дорога, люди рядом. После охоты Брек не считал меня совсем бесполезным; своё оружие у меня есть, а служба не должна требовать больше трёх дней ожидания перед пустым небом. Чем дольше я думал, тем разумнее это выглядело.

Торен выслушал и спросил, надолго ли собираюсь на этот раз.

— Не знаю. Поживу там, если устроюсь. У тебя больше задерживаться не хочу без толку.

Он поднял взгляд от столешницы, которую протирает маслом.

— Без толку ты у меня не жил. Работал — платил. Но в городе дел больше, это верно. Только узнавай, к кому нани-

маешься, прежде чем рукой ударить.

Я пообещал. Спросил, идёт ли кто-нибудь завтра по дороге. Хозяин назвал возчика, с которым можно было добраться до карьера, и велел переговорить у колодца до вечера. Вещи я собирал без прежней радости, но и без отвращения. Проверил наконечник, уложил припасы, обернул дощечку тканью, чтобы не цеплялась за сумку. Тридцать шесть дней — уже больше, чем обещанный месяц. Я ещё не решил, сколько места понадобится для следующих зарубок, и не захотел решать заранее.

Лиэре о поездке сказал тем же вечером. Она спросила, есть ли с кем идти, затем дала небольшую посылку для Дары, которую я должен был оставить по пути. Поручение оказалось обычным, и я принял его с облегчением. Ильна отнеслась к поездке спокойнее, чем к уходу домой.

— В Валлен мы знаем дорогу, — объяснила она мне. — Дед туда ездил. Если долго будешь, хоть кто-нибудь тебя встретит.

Я улыбнулся. Для неё город был далеко, но всё же внутри понятного мира. На этот раз я и сам знал, что отвечать.

— Если устроюсь, передам с кем-нибудь. У Торена спросите, он услышит.

Лиэра проводила меня до калитки.

— Ты за несколько дней совсем себя измотал, — сказала она негромко. — В дороге хоть отдыхай, когда остальные останавливаются. Думать всю ночь — тоже работа, только

утром за неё не платят.

Я кивнул и поблагодарил. Хотел сказать что-нибудь успокаивающее, но вместо этого признался:

— Мне легче, когда делаю что-то. Сидеть совсем плохо получается.

— Тогда делай. Только еду и сон в это тоже включи.

Она не обняла меня и не стала долго прощаться. Проверила, забрал ли я посылку, поправила торчащий край ткани и вернулась во двор. Я пошёл к деревне, не оглядываясь каждую минуту, как в прошлый раз.

Утром тридцать седьмого дня мы вышли на дорогу. Возчик оказался немногословным человеком с тяжёлой походкой и хорошей парой лошадей. Сопровождающих не искал, но против попутчика с оружием не возражал. Ехали и шли вместе: на спусках я держался сбоку, на ровном месте иногда садился на край телеги. Лошади тянули пустые корзины и несколько лёгких тюков; человек больше заботился о них, чем о моей истории.

Первые часы я ещё чувствовал облегчение от перемены места. Потом дорога стала знакомой: тот же ручей, каменистый подъём, участок, где приходится обходить колею. Я замечал, как иначе распределяю силы, и старался следовать совету Лиэры. На ночлеге не пытался сидеть допоздна. Поел, помог с лошадьми и лёг. Проснулся среди ночи, не сразу понял, почему над головой нет комнаты, затем услышал дыхание людей рядом и вспомнил, что сам выбрал эту дорогу.

Лаборатории по-прежнему не было.

Я лежал на спине, глядя в щель между досками навеса. В темноте звёзды были очень яркими. Не узнал ни одного созвездия; раньше это казалось красивой подробностью, теперь заставило почувствовать расстояние, которое невозможно измерить днями ходьбы. Хотелось обидеться на Марка так сильно, чтобы стало проще. Но я всё ещё представлял его возле установки. Если он там, от моей злости ничего не изменится. Если ему тоже страшно, то я тем более не хочу думать о нём как о человеке, который просто не пришёл. Я повернулся на бок и долго слушал, как лошадь переступает у телеги.

На следующий вечер дошли до карьера. Здесь стало больше охраны у дороги: на повороте нас остановили двое, расспросили, откуда идём и кого встретили. Возчик отвечал обстоятельно, перечисляя людей и повозки. Я не вмешивался. В поселении работали как прежде. Камень гремел по настилу, у склада ругались из-за сломанной ручки, над выемкой висела пыль. Мне показалось, что я узнал грузчика с надорванным ухом, но он шёл далеко и головы не поднял. У барака стояла другая группа под присмотром стражника.

Во дворе я встретил человека, который собирался утром в город. Он согласился идти вместе. Возчик здесь оставался, и после ночёвки мы разошлись без долгого прощания.

На тридцать девятый день я снова вошёл в Валлен. У ворот пришлось подождать. Стража внимательнее осматрива-

ла оружие приезжих, возле стены сидели двое людей с дорожными мешками. Я назвал имя, объяснил, что уже бывал здесь, и получил разрешение пройти. Никто не стал спрашивать, почему вернулся раньше, чем собирался. Знакомый дом для приезжих нашёлся быстро. Я заплатил за место, вымылся и некоторое время сидел на кровати, чувствуя в ногах три дня дороги. Город шумел за окном, пахло едой из соседнего двора. В прошлый приезд мне сразу хотелось выйти; теперь пришлось немного посидеть, прежде чем заставить себя спуститься к ужину.

У Ольды я появился на следующее утро. Она закончила разговаривать с мужчиной, который держал длинную свёрнутую расписку, затем посмотрела на меня и чуть прищурилась, вспоминая.

— С Бреком на зверя ходил?

— Да. Алексей.

— Помню. Опять охоту ищешь?

Я покачал головой и напомнил о службе на дороге. Ольда положила руку на стопку листов, вынула один и подвинула к себе.

— Людей ещё принимают. Только я записываю, а решает старший караула. Своё оружие при тебе?

— При мне.

— Жить где будешь?

— Пока в доме для приезжих. Дальше по работе посмотрю.

Она уточнила, есть ли здесь кто-нибудь, кто меня знает, и я назвал Брека, Сивера, затем Торена в Бродном. Последнее ей оказалось знакомо: она отметила что-то на листе и велела после полудня подойти к караульному двору возле восточного выезда. Я задержался.

— А кого-нибудь, кто разбирается в необычных магических случаях, здесь можно найти?

Ольда подняла глаза.

— В каких именно?

Пришлось подбирать слова. Я сказал про переходы между далёкими местами, про исход, про людей, которые не могут вернуться. Чем дольше объяснял, тем больше хотелось закончить на простом «спросить знающего». Она выслушала, не перебивая.

— Если спор о вещи или услуге — сюда. Если нужен учитель, у мастерских спроси. О переходах я тебе никого не назову. В городе разное рассказывают, но отвечать за чужое знание не стану.

— Понял. Просто надеялся, ты кого-то знаешь.

— Знаю тех, к кому обращаются с понятным делом, — ответила Ольда. — Твой случай пока не поняла.

Я поблагодарил. Она не была груба, и всё же после разговора стало неприятно. В деревне Лиэра могла долго слушать, потому что знала меня. Здесь за мной стояла очередь, а объяснение не умещалось ни в одну подходящую запись. До полудня походил по улице мастерских. В одном месте спросил

о чарах, в другом — о людях, помнящих исход. Разговоры дали несколько имён, больше сомнительных обещаний и ни одного ответа, которым можно было воспользоваться прямо сейчас.

Пожилой переплётчик, увидев, что я задержался возле выставленных листов, сам заговорил о прошлом мире. Он помнил воду между высокими каменными берегами и дом, где жил с братьями. Рассказывал уверенно, но на вопрос, пробовал ли вернуться, только развёл руками.

— Сначала пробовали. Потом кому дети родились, кому дом достроить понадобилось. А там уж здесь свои заботы.

Я слушал и вспоминал Лиэру. Похожие слова, совсем другой человек, другие подробности. У разработчиков хватило терпения дать им не только прошлое, но и причины перестать его искать. Мне бы такие причины пока негодились. Я собирался дожидаться, когда открою глаза в установке, а не учиться забывать адрес своей квартиры.

Караульный двор находился возле участка стены, который ещё достраивали. Снаружи лежали каменные блоки, внутри тянулся длинный навес, стояла стойка с копьями и висело несколько щитов. У двери двое спорили, кто должен был принести сухие дрова. Один стражник, увидев меня, спросил, к кому. Я назвал старшего караула и объяснил, что прислала Ольга. Меня велели подождать.

Пока ждал, смотрел, как во дворе работают трое с оружием. Ничего похожего на красивый поединок: один наступал,

второй отступал за щитом, третий поправлял, где поставить ногу. Я заметил движение, которое Брек уже показывал мне, и невольно перенёс вес, проверяя, как оно получается.

— Служить пришёл?

Я обернулся. В дверях стоял плотный мужчина с короткой бородой. На щеке и шее кожа была грубее, будто когда-то обожжённая. Он держал дощечку с записями и смотрел без особого интереса.

— Алексей. Да, по поводу патруля.

— Руден. Старший караула. Заходи.

Внутри оказалась маленькая комната со столом, лавкой и открытым окном во двор. Руден сел, указал мне место напротив и начал спрашивать. Где ходил, чем зарабатывал, с кем пришёл в город. Слушал внимательно, иногда останавливал и требовал точнее. Про кряжника я рассказал коротко, без прыжков вокруг дерева.

— Брек тебя взял, значит, держаться умеешь. Но зверь — одно, дорога — другое. Давно с оружием?

— Не очень. Основы знаю. Учусь.

Руден посмотрел на мои руки, затем на щит у стены.

— Покажешь. У меня времени разбирать красивый рассказ нет.

Проверка вышла неприятнее, чем я рассчитывал. Во дворе мне дали затупленное оружие, велели надеть свой щит и несколько раз провели через простые движения. Человек напротив не пытался победить, зато замечал всё: я высоко

поднимал руку, раскрывался при шаге, слишком быстро отходил. К концу вспотел. Последний удар принял хорошо, но на следующем движении соперник легко достал меня сбоку.

— Вот здесь оставляешь пусто, — сказал он и показал ещё раз. — Не спеши закрывать сразу всё.

Руден наблюдал у навеса. Когда мы закончили, спросил, болят ли руки. Я ответил, что в порядке.

— В строй тебя пока не поставлю. На дорогу с опытными можно.

Он объяснил условия: по пять медных за день службы, место в общем помещении, еда и дорожный запас. Деньги выдадут после возвращения, когда сдадим сведения о маршруте. Своё оружие я оставляю при себе, выданное должен вернуть. На дороге нужно слушать старшего; от следующего выхода можно отказаться заранее, но бросать людей посреди маршрута нельзя. На последнем пункте я замялся. Руден заметил сразу.

— Что не устраивает?

Я провёл ладонью по ремню щита.

— Мне могут передать, что нужно срочно уехать. Я тут не насовсем. Не хочу обещать, что буду служить месяцами.

— Месяцами и не просил. Перед выходом предупредишь, если уходишь. Пока идёшь — идёшь со своими.

Ответ был простым. Мне хотелось объяснить, что могу исчезнуть и без предупреждения, но это звучало бы хуже, чем всё остальное, сказанное за день. В конце концов, в обыч-

ной игре никто не назначал мне обязанности, которые нельзя прервать выходом. Здесь система наверняка как-то это учитывает. Я услышал в собственной мысли слишком удобное «наверняка», но другого решения всё равно не нашёл.

— Понял. Меня устраивает.

Руден кивнул на комнату:

— Тогда записываем. Сегодня расположишься, завтра поработаешь во дворе. Посмотрим, с кем тебя поставить.

На сорок первый день я проснулся среди людей, которые уже знали, зачем встают. Кто-то ругался на отсыревшую обувь, кто-то искал ремень, двое тихо спорили у двери. В общей комнате было душно, но никто не лежал, ожидая чуда. Я поднялся вместе с остальными, умылся у длинного корыта и поймал себя на том, что впервые за несколько дней не начал утро с проверки потолка. Вспомнил об ожидании всё равно быстро. Просто к нему уже добавились чужие шаги, завтрак и необходимость прийти во двор вовремя.

До обеда занимались оружием. Со мной работал тот же человек, который проверял накануне. Он не пытался учить сложному, заставлял двигаться одинаково много раз. На третьем повторении мне казалось, что всё понятно, на десятом начали ныть мышцы, а к концу выяснилось, что я снова слишком высоко держу щит. Базовая подготовка тела помогала. Понимать, как должно получиться, было проще, чем удерживать это понимание, когда устаёшь. Я уже не надеялся, что начальные навыки незаметно сделают меня хорошим

воином.

После обеда Руден позвал под навес и представил Дорна. Это был невысокий мужчина лет сорока, с короткими светлыми волосами, начинавшими редеть у лба. Стоял спокойно, опираясь ладонью на пояс; в отличие от многих, почти не смотрел на моё оружие. Сначала посмотрел мне в лицо, потом на сапоги.

— С ним пойдёшь, — сказал Руден. — Участок Дорн покажет. Задачу завтра получите.

Когда старший караула ушёл, Дорн спросил:

— На дороге что видишь прежде всего?

Я подумал о следах.

— Колеи. Кто недавно прошёл. Где засаду устроить можно.

— Ладно. Ещё людей, телеги и лошадей. Отчего стоят, почему торопятся, кого ждут. На следы насмотримся. Пойдём, покажу, что брать.

Он говорил ровно, без желания впечатлить. Я сразу понял, что разговор об обязанности замечать задержавшийся воз может оказаться длиннее, чем об оружии. Третий нашёлся у стойки с щитами. Молодой светловолосый парень сидел на перевёрнутом ведре и обматывал ремешком рукоять короткого ножа. Когда мы подошли, быстро поднялся.

— Вот и новый человек. Дорн, ты ему уже рассказал, что с тобой весело?

— Лест, проверь верёвки на дорожных мешках.

— Значит, не рассказал, — парень подмигнул мне, убрал нож и протянул руку. — Лест. Я тут обычно объясняю то, что Дорн считает понятным с рождения.

— Алексей.

Лест повторил моё имя, немного запнулся, затем махнул рукой:

— Привыкну. Ты с юга или ещё откуда?

— Издалека.

— Хорошее место. Многие оттуда, никто толком дорогу не показывает.

Он говорил легко, с охотой, будто мы уже успели вместе пообедать. Я невольно улыбнулся. Дорн тем временем взял с полки мешок и выложил на лавку всё, что нам предстояло нести.

— Смотреть сюда. Знакомиться на дороге будете.

Мы стали разбирать вещи. Лест пробовал спорить о лишнем котелке, затем сам же проверил, не треснула ли ручка. Я осмотрел запасные ремни, ткань для перевязки, сухую еду. Часть припасов предложил положить в свою сумку, пояснив, что в ней лучше сохраняется. Дорн посмотрел внимательно.

— Зачарована?

— Да.

— Тогда мясо туда. Остальное оставь, иначе весь вес тебе достанется.

Он принял полезную вещь без долгих расспросов. Лест, напротив, сразу захотел узнать, где такую достать, сколько

стоит и нет ли ещё одной. Я объяснил про подарок.

— Вот мне всё время дарят советы, — вздохнул он. — Ни один не сохраняет колбасу.

Дорн поднял глаза, и Лест вернулся к верёвкам. Я помог ему перевязать мешок, а затем почти час учился укладывать так, чтобы не снимать половину вещей ради одной нужной.

На сорок второй день нам выдали маршрут. Во дворе Руден разложил на столе грубую карту. От города на ней расходились дороги, были отмечены переправа, старая вырубка и несколько мест для ночлега. Дорогу на карьер я узнал сразу, а остальное пришлось уточнять. Наш первый выход шёл по северному ответвлению. Проверить постоянный двор у развилки, пройти участок до переправы, расспросить встречаемых о вооружённых группах. Затем вернуться с отметками и сведениями. Ни в лес гоняться за каждым следом, ни искать поселение гоблинов нам не поручали. Руден задержал палец возле старой просеки.

— Здесь видели троих. Дальше рассказ расходится: кто говорит, было ещё шестеро, кто двоих из тех же принял за новых. Пока знаем только, что они здесь проходили.

— С обозом? — спросил Дорн.

— Без телег. Оружие было. К людям не подходили.

Я смотрел на карту и пытался представить масштаб. От города до отметки рукой близко, ногами — полдня. А за ней лес, просеки, ручьи, тропы, которых никто не нанёс.

— Если встретим? — спросил я.

Руден перевёл взгляд на меня.

— Смотришь, что делают. Если идут своей дорогой и не трогают людей, не начинаешь войну. Если нужно задержать — Дорн решает. Их много — возвращаетесь и сообщаете. Мёртвый дозор мне ничего не расскажет.

Дорн кивнул, будто слышал только подтверждение известного. Лест стоял рядом с картой, уже без вчерашней улыбки. Я подумал, что новости о гоблинах здесь воспринимают иначе, чем в моём первом воображаемом приключении. Для Рудена это были неизвестные вооружённые люди рядом с дорогой, а не готовые противники, за которых дадут награду. После инструктажа получили припасы и знак городской службы: узкую перевязь, которую следовало носить поверх одежды. На ней был вышит тот же знак, что я видел у ворот. Никаких доспехов нам не выдавали, всё нужное у меня уже имелось.

Я примерил перевязь, посмотрел, как ложится поверх нагрудника. Лест подошёл, поправил край.

— Вот теперь солидно. До этого просто человек с железом, а теперь к тебе ещё и жаловаться будут.

— А раньше не жаловались?

— Раньше мог сделать вид, что мимо шёл.

Дорн велел не отпускать перевязь под щит, проверил у меня воду и попросил показать запас еды. Перед уходом напомнил, что утром ждёт во дворе до рассвета. Лест проводил его

взглядом и сказал негромко:

— Не проспи. Он сам не спит и очень удивляется, если другие умеют.

Я улыбнулся, но будить себя всё равно поручил человеку с соседней кровати. Собственного будильника не хватало сильнее, чем многих чудес, о которых мечтал перед погружением. Вечером достал дощечку. На ней уже было тесно. Прежде зарубки приближали меня к окончанию сеанса, теперь только показывали, сколько времени я уже провёл здесь. Я добавил новую, убрал нож и впервые не стал пересчитывать все ряды подряд. Завтра предстояло встать вовремя, получить дорожный мешок и идти.

Утро сорок третьего дня было холодным. Во дворе ещё горели светильники. Лошади переступали у дальней стены, кто-то шёпотом ругался возле бочки. Дорн уже стоял у навеса. Лест появился почти одновременно со мной, зевая так широко, что пришлось самому сжать зубы.

Мы проверили вещи, взяли припасы и вышли через ворота. Город только просыпался: у хлебного двора начинали разгружать дрова, женщина выносила на улицу пустые корзины. За стеной стало светлее. Дорн пошёл впереди, выбрав такой темп, при котором можно было разговаривать и смотреть по сторонам. Первые полчаса я всё ждал задания. Не общего маршрута, а чего-нибудь конкретного: вот след, вот бегущий человек, вот подозрительная повозка. Вместо этого дорога тянулась между полями. Мимо прошёл пастух, мы

поздоровались. Нагнал воз с досками, Дорн расспросил, откуда. В лесной тени сидела женщина с корзинами, поправляла повязку на щиколотке; ей помогли поднять груз на удобное место. Никто не нападал.

Лест какое-то время шагал молча, потом начал рассказывать, что на постоялом дворе у развилки пекут хорошие лепёшки. Дорн напомнил, что там нужно не только есть. Лест согласился без спора и продолжил с того места, где объяснял, какие брать, пока горячие. Я слушал вполуха. Когда солнце поднялось, перестало знобить. Ремни лежали удобно, плечо давно прошло, ноги сами находили ровный край колеи. После нескольких дней во дворах и комнатах снова было приятно идти.

У развилки мы остановились. Дорн расспросил хозяина о последних проезжих, Лест помог переставить бочку, я смотрел на дорогу. Через некоторое время к нам подошёл старик с просьбой проверить дальше мостки: накануне там сдвинулась плаха. Дорн уточнил место и велел мне запомнить. Мы съели по лепёшке и пошли дальше. Мостки действительно разъехались. Пришлось отложить оружие, подвинуть тяжёлую плаху и закрепить так, чтобы человек мог пройти до полноценной починки. Дорн остался недоволен краем опоры, нашёл другой упор, затем проверил переход своим весом.

— Здесь на обратном пути ещё глянем, — сказал он. — Если унесёт, к ночи кто-нибудь ноги переломает.

Я кивнул и запомнил. Именно это теперь было моей работой: увидеть проблему раньше того, кто пойдёт следом. После полудня встретили двух возчиков. Один ничего необычного не видел, другой заметил следы у ручья, но утверждать, кто оставил, не стал. Дорн выслушал обоих, спросил про время, поблагодарил. В стороне от дороги осмотрел землю, не нашёл того, что можно уверенно связать с рассказом, и пошёл дальше.

К вечеру я устал. Не от боя или страха — от необходимости всё время замечать. Дорн помнил, сколько телег прошло, где встретили людей, кто куда собирался. Я удерживал в голове мостки и пару разговоров, остальное уже начинало путаться. На стоянке он попросил повторить, что мы узнали. Я рассказал. Лест добавил время встречи с возчиками и поправил направление, в котором шёл пастух. Дорн не ругал, только показал, почему такие мелочи важны, если потом окажется, что кого-то не дождались.

Пока готовили еду, я сходил за водой. Вернулся, присел у огня, вытянул ноги. Над стоянкой темнели ветви, в котелке начинало побулькивать. Лест рассказывал о знакомом возчике, который однажды привёз вместо нужных мешков чужие и обнаружил это только на разгрузке. Дорн сперва слушал, потом уточнил, о каком возчике речь, и история немедленно стала короче и правдоподобнее. Я засмеялся. Лест пожал плечами, признал поправку и продолжил уже без самой красивой части.

В какой-то момент поймал себя на том, что больше часа не жду выхода. Мысли о Марке не исчезли: стоило заметить, как мне спокойно, и они вернулись. Но теперь не занимали всё вокруг. Был огонь, люди рядом, еда и утренний путь, который нужно пройти. Снаружи, если мои подсчёты ещё имели смысл, прошло совсем немного лишнего времени. Здесь я успел прожить ещё почти две недели. Неудивительно, что терпение истончилось раньше, чем они закончили разбираться.

Я подбросил тонкую ветку, подождал, пока она займётся, и решил хотя бы сегодня не искать новых объяснений. Марк знает, где моё тело. Врач рядом. Система работает. Значит, пока я могу только оставаться живым и не делать себе хуже. Дорн спросил, в какую смену поставлюсь у костра. Я выбрал первую. Лест довольно кивнул и принялся устраивать под голову свёрнутую куртку.

Я достал дощечку, добавил сорок третью зарубку и убрал её обратно в сумку. Проверил, лежит ли фляга под рукой, передвинул копьё ближе и сел так, чтобы видеть дорогу. Пока меня не заберут, я буду жить здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.